
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 33 АВГУСТ 1986
ЧИТАТЬ ИЛИ ИМЕТЬ?
Книга в нашей жизни
ПОНЯТЬ
И ПОЛЮБИТЬ
ПОДРОСТКА
ГЛЯДЯ
В ЛИЦО
Проза
А. Проханова.
Публицистика
Ц. Солодаря

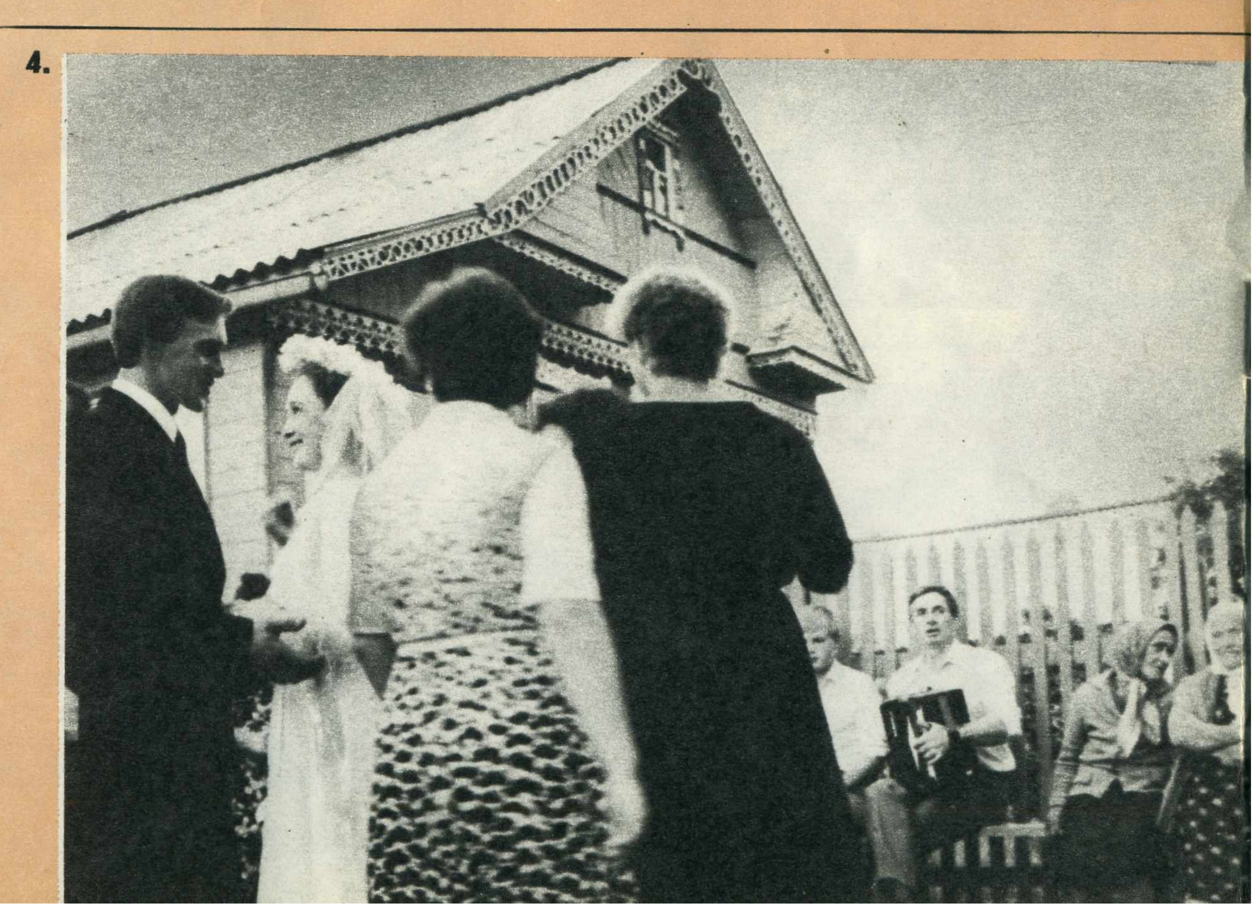
1

третий тр

3.

4.

Студенческие строительные отряды! С каждым годом растет их число, все больше замечательных дел вписывает молодежь в трудовую летопись строек страны. Нынешний третий семестр для Всесоюзного ССО особо ответствен. За успехи в социалистическом соревновании ему присвоено имя XXVII съезда КПСС. Есть в этом и скромный вклад студентов Ивановской области. Молодежь пяти вузов, многих техникумов по-ударному работает на самых разных народнохозяйственных стройках. Парней и девчат в форменных куртках со значками, эмблемами отрядов можно встретить повсюду: и в самом Иванове, где они строят жилые дома, укладывают трамвайные пути, благоустраивают парки, участвуют в реконструкции текстильных фабрик, и далеко за чертой города — на фермах, в теплицах и вместе с колхозниками на полях.

К концу года по плану сдается в эксплуатацию Тейковский комбикормовый завод — ударная стройка области. Отделочные работы здесь ведут студенты энергетического, медицинского и инженерно-строительного институтов.

Третий семестр запомнится студентам из Ивановской области и успехами в труде, и счастливыми встречами. И даже свадьбами! Одна из них состоялась в селе Ильинское.

А. ВИКТОРОВ,
фото автора

2.

удовой

5.

1.

Мы с высоты вам шлем привет.

2.

Мадонна с мастерком — Ольга Петухова из отряда «Русь».

3.

Делу время, потехе час. Командир отряда Александр Умников автор и исполнитель многих студенческих песен.

4.

Свадьба третьего семестра.

5.

Не урони...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

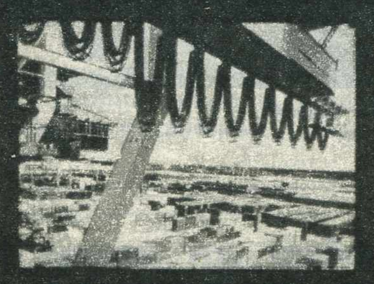
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 33 (3082)

16—23 АВГУСТА

В НОМЕРЕ:

Самая современная техника вошла в обиход рижских портовиков. В памяти ЭВМ-терминала хранятся данные о каждом контейнере, который когда-либо появлялся здесь на причале.

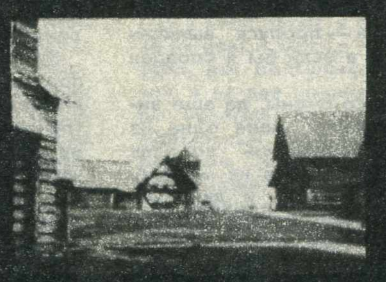
Фоторепортаж Б. СМИРНОВА и Д. ДЕБАБОВА «ПУТЕШЕСТВИЯ ГОЛУБОГО КОНТЕЙНЕРА». Стр. 7, 8.

Е. БОГАТЫРЕВ, А. БОЧИНИН. Фоторепортаж «БУБКА У СЕБЯ ДОМА». Прославленный рекордсмен в родном Донецке. Стр. 21—23.

«Разумеется, далеко не всем вечер и ночь удобны для работы. Но большинство понимает, что сейчас иначе нельзя».

Все ли вы знаете о том, как непросто организовать плодотворный труд в две смены! О социальных аспектах двухсменки, действующей на ленинградском «Полиграфмаше», очерк О. ПЕТРИЧЕНКО «ВЕЧЕР — ВРЕМЯ РАБОЧЕЕ». Стр. 2, 3.

«Как двадцать лет назад дружно взялись за восстановление памятников старины, так надо сейчас браться за сервис».

Очерк В. НИКОЛАЕВА о современных проблемах «ЗОЛОТОГО КОЛЬЦА». Стр. 24.

событие недели

Во время встречи. Фото ТАСС

11 августа Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев встретился с Председателем Президиума ЦК Коммунистической партии Японии Т. Фувой.

В ходе встречи, прошедшей в теплой, товарищеской обстановке, были прежде всего подведены итоги реализации договоренностей, зафиксированных в Совместном заявлении КПСС и КПЯ, принятом в декабре 1984 года, которое предусматривает активное сотрудничество обеих партий в борьбе за предотвращение ядерной войны, за полное запрещение и ликвидацию ядерного оружия.

«...Реалистически оценивая положение дел, мы отнюдь не стоим на позициях пессимизма. Возможности борьбы за мир велики, потенциал мира нарастает. И ныне есть все возможности не отдавать судьбы мира в руки тех, кто безответственно ориентируется на милитаризм и гонку вооружений».

М. С. ГОРБАЧЕВ

Удобен ли завод для людей?

На «Полиграфмаше» — собственный Дом быта

Цеховое кафе «Вечерний час»

ВЕЧЕР — ВРЕМЯ РАБОЧЕЕ

Олег ПЕТРИЧЕНКО, собственный корреспондент «Огонька»

На «Полиграфмаш» я опаздывал безбожно. Договорился приехать к 16.00 — началу второй смены, но не учел капризов транспорта. Сперва не было автобуса, потом куда-то запропастился трамвай, ни одного такси. В общем, час, положенный на дорогу от Ржевки-Пороховых, растаял скорее, чем мороженое на солнцепеке. Хорошо хоть вахтер мне не начальник — пропуск выписан разовый. Ну, а если бы я опоздал на смену?

— А если со смены, да еще зимой? — поправила меня одна из станочниц.— Попляшешь вот так во втором часу ночи на морозе, да, бывает, пешком и двинешь. Улицы в новостройках долгие, подъезды темные — пока идешь, страху натерпишься. Нет, в вечер я не работница, никаких льгот не надо.

Моя собеседница из числа тех, кто отвечал весной на анкету заводских социологов, решивших выяснить отношение рабочих к предстоящему переходу на двухсменку. Итоги анкетирования могли обескуражить кого угодно: были опрошены 303 человека — 77 процентов высказались против.

— Ничего удивительного,— заметил секретарь парткома М. Михайлов.— Привычки складываются годами, так сразу не изменишь. И городу, и объединению предстоит немало сделать, чтобы человек, вышедший на работу в вечер, ни в чем не чувствовал себя ущемленным.

Какие же аргументы у тех, кто против? Четырнадцать основных «помех» выделили рабочие. Это и транспорт (каждый пятый тратит на дорогу из дома и домой более часа), и опасения оставлять детей без присмотра, и нехватка по вечерам электромонтеров, подсобников, кладовщиков.

В один тугой узел переплелись заботы технические и социальные. Знакомясь с ними, понимаешь, что разрубить узел волевым порядком, одним для всех приказом нельзя. Можно только распутать. Аккуратно.

Чисто организационные вопросы, зависящие от предприятия, решить легче, нежели «справиться» с городским, достаточно неповоротливым пока сервисом. Нетрудно в конце концов установить новое оборудование, куда сложнее добиться, чтобы человек, обслуживающий его, мог со спокойной душой сосредоточиться на работе, не беспокоясь о второстепенных вроде бы, но таких насущных мелочах.

Это хорошо понимают на «Полиграфмаше». И потому за решение социальных проблем двухсменки здесь взялись одновременно с переходом на новый режим работы, обратив внимание на экономию не только рабочего, но и свободного времени. Задумались над тем, насколько удобен завод для людей.

Что скрывать, в наших взаимоотношениях с производством мы как-то больше привыкли к иным акцентам. Проходная издавна служила границей, четко разделяющей два мира: по одну сторону — план, по другую — быт, то есть магазины, ателье, химчистка... Привычным считается отнять у быта, у самой жизни, в том числе законного отдыха час-другой на сверхурочные. Попробуйте объяснить опоздание на работу тем, что вы простояли в очереди за свежей корюшкой или задержались в парикмахерской!..

Плохо и то, и другое. Хотя бы потому, что время, отпущенное нам на все земные дела, одно. И всякая неразумная трата его — прямой ущерб нашим интересам, личным и государственным.

Как свести этот ущерб до минимума?

На «Полиграфмаше», в частности, не стали дожидаться, пока сфера услуг научится не транжирить, а беречь наши минуты и часы. Здесь построили собственный Дом быта.

Догадываюсь, чего это стоило. Расположенному в старинном Петроградском районе заводу исполняется скоро сто лет. Живется ему тесновато. С одной стороны река, с другой — Ботанический сад, кругом обступили дома. Расти некуда. А расти надо. Продукция идет нарасхват. Огромный соблазн выкроить лишний метр на расширение производства, и чуть погодя этот метр обернется золотом. И все-таки трехэтажное здание отдали сапожной мастерской, ателье, парикмахерской, книжному магазину, кулинарии, столу заказов.

— Это коллективный подарок мужчин женщинам к 8 Марта! — улыбается помощник генерального директора по быту В. Стальмашенко.— Возводили методом народной стройки. Каждый цех направлял добровольцев. Управились за год. Обратите внимание на распорядок — с пятнадцати до семнадцати часов обслуживаем только вторую смену.

— И много у вас работы? — спросил у сапожного мастера А. Фелисова.

— Ежедневно обращаются человек пятьдесят...

— Сроки?

Председатель исполкома Северодонецкого городского Совета Василий Михайлович Зыгарь (второй справа) сегодня начал рабочий день на стройплощадке.

Фото Р. Азриеля (ТАСС)

— Посидишь полчаса в комнате психологической разгрузки — усталости как не бывало,— говорят химики производственного объединения «Азот». Медицинский комплекс на этом предприятии — одно из первых сооружений в рамках реализации широкой программы социально-культурного строительства в Северодонецке.

Только за последние годы в городе построены два дворца культуры, стадион и гордость украинской республики — ледовый Дворец спорта!

—по наказам избирателей

— Утром сдадите ботинки, а возвращаясь домой, заберете. А если вечером сдадите, то на следующий день к началу второй смены будут готовы.

— Александр Евгеньевич у нас мастер на все руки. Он и приемщик, и обувщик, и директор,— замечает В. Стальмашенко.— Зато никаких проволочек, очередей. И качество ремонта отменное.

Так же высоко оценивают в объединении работу остальных служб Дома быта. Мне, например, понравилась четкая организация в столе заказов. Дважды в день — в десять и пятнадцать часов — по заводскому радио объявляют, какие продукты можно получить в наборе на следующий день. Дома, посоветовавшись с женой, глава семьи решает, стоит брать заказ или нет. Сдают деньги общественному уполномоченному, а он с диспетчером магазина уточняет, сколько заказов требуется цеху. Тот же общественник отправляется в стол заказов и возвращается со специальной тележкой, доверху нагруженной полиэтиленовыми пакетами. Быстро, удобно, выгодно.

Уверен, не последнюю роль играет и материальная заинтересованность. Помимо зарплаты, получаемой от своих организаций, работников сервиса ежеквартально поощряют заводскими премиями, они на равных пользуются заводскими базами отдыха, путевками в санатории.

Так метры, «отобранные» у производства, дают очевидную прибыль, значение которой не измеришь только деньгами: выше любых денег люди ценят заботу и внимание.

Знакомясь с результатами опроса социологов, обратил внимание, что среди противников перехода на новый режим работы нет представителей первого механического цеха, участки которого, где установлены станки с ЧПУ, давно действуют в две, а то и три смены. А ведь именно здесь очень много молодежи, для которой четко налаженные взаимоотношения с временем имеют особое значение. В этом возрасте образуются семьи, окончательно формируются профессиональные интересы, начинается или завершается учеба в техникумах, институтах. Да и дискотеки, спорт требуют своего! Увы, работа в вечер вносит в житейские планы коррективы, иногда попросту мешает жить. Что же придумали в первом цехе?

— Давайте заглянем сюда,— предложил парторг, фрезеровщик А. Войков.

И, отворив затейливо расписанную дверь, прямо из цеха мы шагнули в небольшое, очень уютное кафе. Это был «Вечерний час» — заводская достопримечательность. Вообще надо отметить, что на «Полиграфмаше» хорошо наладили питание второй смены: действуют столовые, буфеты, цены вечером льготные. Залы столовой «Русский», «Петровский» стилизованы соответственно своим именам. Цеховое кафе приятно удивило, чувствовалось, что оформляли его старательные руки.

— А раньше здесь был инструментальный участок,— пояснил Анатолий Федорович.— Оборудование списали как устаревшее. Акустические колонки, подсветка... Будет дискотека. Примерно таким же образом появилась у нас сауна. Сейчас высвобождаем еще около ста квадратных метров и построим центр психофизиологической разгрузки. Эх, метры, метры!.. Отыскать бы их для спортзала!..

Понятны заботы парторга. Новейшую технику осваивает и обслуживает сплошь молодежь, ее требования к жизни куда выше, нежели у старшего поколения. И это естественно. Иные времена, иные песни. И никуда не денешься — насыщенные японской электроникой станки никак не созвучны тесным, обшарпанным раздевалкам. Значит, надо перестраивать не только производство, но и сопутствующий ему быт, учитывать все «мелочи», влияющие на настроение рабочего человека. Оно дороже денег.

Разглядывая в иностранных фильмах впечатляющие интерьеры цехов, служебных помещений, мы не столько восхищаемся, сколько недоумеваем: мы-то чем хуже? Или нет у нас своих художников, дизайнеров? Или руки не оттуда растут? Разве не можем мы пошить фирменные комбинезоны, украсить цеха зеленью, потешить себя после смены горячей банькой, голубой прохладной водицей бассейна?

Вопросы отнюдь не риторические. И, показывая мне вроде бы второстепенное, Анатолий Федорович отвечал на главное. Считая цех своим, молодежь не ожидает заботливых нянек, которые переделают жизнь на современный лад. Они сами в меру сил переделывают ее. И отношение ко второй смене здесь не потребительское, а столь же деловое: станок с ЧПУ стоит десятки тысяч рублей, и все они должны работать на государство. С максимальной отдачей.

— Разумеется, далеко не всем вечер и ночь удобны для работы. Но большинство понимает, что сейчас иначе нельзя,— говорит фрезеровщица Н. Пахунова.— Вот взять хотя бы оператора Виталия Наумова. Учится в университете на пятом курсе, член цехового комсомольского бюро, руководит нашим вокально-инструментальным ансамблем. И при всем при этом безотказно выходит и во вторую, и в третью смену. Такой человек.

Справляется и сама Надежда Пахунова — отличная фрезеровщица, кандидат в члены КПСС, она же еще и разрядница по планерному спорту. Честно говоря, именно последнее обстоятельство и познакомило нас: знаю, сколь много времени требует такое увлечение! Однако, как выяснилось, двухсменка не помеха, на счету Нади уже более трехсот полетов. Единственное, что ее, пожалуй, не слишком устраивает — двадцать процентов надбавки к тарифу, установленные для вечерней смены. Лично она предпочла бы дополнительные дни к отпуску. Именно так поощряют дружинников, народных контролеров.

Говоря о сознательности как факторе, определяющем отношение рабочих механического цеха к вечерней смене, нельзя забывать, что в жизни бывают обстоятельства, перед которыми любая сознательность пасует. Для Веры Кудрявцевой, например, это заботы, связанные с пятилетним сыном. Бабушки, дедушки под боком нет, а у завода нет своего детского сада (как, впрочем, нет и яслей). Куда девать мальчишку вечером? Для многих женщин «Полиграфмаша» самая острая сейчас проблема. Меня лично не вдохновили примеры семей, которые ухитрились вырастить двоих, троих детей, отдавая их сначала в круглосуточный сад, потом в интернат. При живых-то, здоровых родителях!

— Да, обдумать предстоит еще многое,— соглашается В. Стальмашенко.— Обиженных быть не должно. Думаю, можно арендовать у автотранспортного предприятия автобусы и развозить рабочих, кто поздно кончает, по домам. Ночью большинство машин простаивает. Сейчас решаем этот вопрос... Должны перестраиваться и городские службы.

Работники сферы обслуживания, надо заметить, учитывают замечания в свой адрес и решили перейти на новый режим не первого января, как большинство предприятий, а на две недели раньше, чтобы обкатать, проверить экспериментальный график. Обещано горожанам многое! До часу тридцати ночи будет открыто метро. До двадцати часов будет действовать «продленка» в школе. А в театрах, наоборот, самые интересные спектакли, концерты можно будет теперь посмотреть даже утром!.. Автобусы, метро, театры — для человека, для тех, кто в цехе, а не наоборот.

Ленинград.

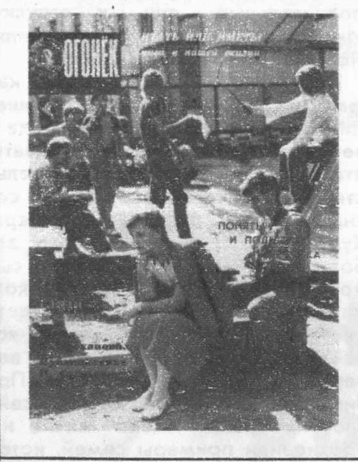
интервью «огонька»

понять и полюбить подростка...

Валерий ПРИЕМЫХОВ — актер, сценарист, драматург, посвятивший свое творчество молодежной теме. В каждом из своих амплуа сумел он добиться несомненного успеха, завоевал признание и взрослых, и самой требовательной аудитории — подростковой. Наш первый вопрос — о начале пути.

— Все было довольно банально: я хотел стать писателем. Вообще, когда живешь на Дальнем Востоке, да еще в самом глухом уголке Амурской области, представление о писательстве складывается довольно приблизительное. Это сейчас мои родные места всем знакомы по БАМу — Тында, Шимановск... А тогда, в пятидесятых годах, это была глушь, книг мало, а о телевизорах вообще не мечтали... Но я-то хотел быть именно писателем, хоть в семье у меня никто этим не занимался...

Свой первый рассказ написал в шестом классе, тайком от всех. Его опубликовали в «Амурском комсомольце». Но потом это все забылось, я окончил школу, работал токарем, на стройке... И вот один мой друг решил стать актером. Я как раз ехал в Хабаровск — отец мне денег дал,— чтобы поступать в железнодорожный институт. Но мы с другом мимо Хабаровска проехали и вместе поступили в институт искусств во Владивостоке.

Так я стал актером. Поработал в театре. Потом служил в армии в Киргизии и к тому времени печатался уже постоянно — в газетах, писал кое-что для телевидения...

Приехал в Москву и подал документы и в Литературный, и во ВГИК — «подстраховаться». Смешно звучит, но прошел и там, и там. В Литературный поступать было довольно легко: просто отборочный конкурс — и все, а во ВГИК ужасно трудно. Рецензии, коллоквиумы, конкурс громадный. Выбрал для себя ВГИК, в 1973 году окончил сценарный факультет и стал работать.

— Почему же вы взялись именно за молодежную тему, такую нелегкую и непрестижную вроде бы?

— По-моему, это случай. Мне иногда кажется, что это не я выбрал тему, а она меня. Ведь постоянно писать о молодежи я не собирался. Был у меня один сценарий, «Никудышная»,— о девочке лет четырнадцати-пятнадцати и о семидесятилетнем старике. И за него взялась режиссер Динара Асанова.

Так началось наше содружество, которое на долгое время определило мою судьбу. Динара пригласила попробоваться на главную роль в следующем своем фильме, «Жена ушла», потом были «Пацаны», «Милый, дорогой, любимый, единственный». Мы много работали, спорили, и наше общение помогало мне не только в творчестве, но даже в жизни.

Вот благодаря этому содружеству я и стал неожиданно для себя «специалистом» по трудным подросткам, по молодежной тематике.

— А что привлекло вас в творческом методе Динары Асановой? Почему ее фильмы так популярны среди молодежи?

— Сейчас детское кино часто строится на том, что режиссер, двигая детьми, как пешками, выражает какую-то свою идею. Такие картины, конечно, имеют право на существование, но, как мне кажется, очень мало дают собственно молодежной аудитории. Вообще я замечал, что молодежь часто считает наш взрослый кинематограф неестественным, надуманным. Мы говорим в таких случаях: «Ничего, подрастут — узнают». Но дело-то, конечно, не только в этом. Детство само по себе — совершенно особый мир, у него свои взгляды, понятия, свое, нами давно уже забытое мировоззрение.

Творчество Динары Асановой оттого и было так современно и близко молодежи, что все ее фильмы сняты если не с точки зрения ребенка, то с точки зрения той системы ценностей, которая создается детством. Динара была одержима этим подходом. Такую вот «ориентацию на детство» она вводила даже во взрослые картины, и это делало ее творчество неординарным.

Она постоянно стремилась к подлинности, чтобы все было как в жизни, по-настоящему (тоже в чем-то детская черта). Никогда не навязывала своих установок ребятам, с которыми работала. Наоборот, всегда у них спрашивала: как бы они поступили в такой ситуации, что бы сами сделали? И это вызывало доверие, потому что подростки больше привыкли к нравоучениям и указаниям взрослых, и, когда кто-то всерьез интересуется их мнением, им приятно.

— То есть можно сказать, что Динара Асанова выступала от имени молодежи. Защищала ее интересы.

— Во всяком случае, она очень хотела понять ее, открыть молодежь для себя, для своих зрителей. Почти все ее фильмы — это исследование современника с разных сторон. Работая с Динарой, я и сам вдруг увидел, что «взрослое» представление о молодежи мало совпадает с тем, что есть на самом деле, что «земля» эта гораздо больше и что здесь все сложнее, интересней, страшнее иногда или, наоборот, прекрасней.

Мы же понимаем молодежь слишком упрощенно, а часто и совсем отказываемся понимать. «Ну кто они такие?.. Да они думают только о тряпках, о развлечениях... Вот, помню, мы были!..» Так с любым человеком можно в две секунды разговор завязать. Едешь в электричке, не о чем с попутчиком поговорить, и стоит только начать: «Нет, молодежь все-таки не та пошла!» — сразу получишь ответ: «Ну да, и я так думаю...» Как про погоду поговорить — ею тоже вечно недовольны.

Сегодня на наших глазах вырастает новое поколение. Мы называем его трудными подростками, но что значит трудный? Просто непонятный нам, оттого и трудный.

В последней картине Динары Асановой по моему сценарию «Милый, дорогой, любимый, единственный» главная героиня, девушка девятнадцати лет, чтобы доказать свою верность любимому человеку, крадет чужого ребенка — на время. Писано все с натуры, не по книжкам, не по статьям — сюжет был в «Вечерней Москве» опубликован, просто милицейская заметочка из хроники «Не оставляйте детей без присмотра». Однако фильм вызвал недоумение. Мне говорили: «Да этого не может быть! Ну как такая волчица может существовать на белом свете?» Молодежь же смотрит и сразу чувствует, что эта девочка — просто одна из их компании.

— Но вы, значит, оправдываете ее? Ведь красть детей действительно преступно.

— Дело в том, что в юности все переживается гораздо сильнее, масштабнее. Если, скажем, взрослый человек думает о чем-то: «Ну ничего, пройдет... Через год-другой я обо всем забуду...» — то молодость уверена, что это не пройдет никогда. И уж если ненавидишь, то, кажется, на всю жизнь, уж если любишь, то, кажется, в последний раз. Девушка в фильме решилась на кражу во имя любви, а для любви, как известно, не бывает слишком больших жертв.

Мне об этой героине высказывали самые разные суждения. Одни говорят: «Какой характер замечательный! Какая сила!» Другие: «Здорово ты им дал! Давно пора бы!» А ведь я не об этом писал. Главное для меня было — схватить характер вот этого нового поколения. В нем еще столько неожиданного, странного...

Не случайно картина получилась с открытым концом — мой герой так и не разобрался ни в чем. Он честно пытается понять эту девочку, но не может! В кинематографе вообще-то все герои страшно умные. Они все знают, во всем разбираются. Не то что в жизни. В ней все сложнее. Мой герой всегда все делал правильно, понимал правильно, а тут вдруг не понимает! Он впервые увидел, что все гораздо глубже, драматичнее.

— Думается, на сегодняшний день молодежь вниманием не обделена. О ней говорят, спорят, пишут...

— Но при всем внимании поколение это в искусстве пока еще не «открыто». Не проявилось оно пока ни в кинематографе, ни в литературе. Может быть, только публицистика пытается это делать, да и то лишь в последнее время. А молодежь очень хочет увидеть себя на экране. Думаю, что и взрослым было бы очень интересно, если бы их детей вдруг показали без привычной иронии или, наоборот, приукрашиваний.

— Вы, должно быть, уже задумали такой фильм?

— Пожалуй, что да. В новом сценарии, «Взломщик», я попытался создать юного положительного героя. Но не такого, к которому мы привыкли, а реального, чтобы сразу было понятно — этот человек живет где-то рядом. Обычно зритель заранее знает, как выглядит положительный герой и как отрицательный. На самом же деле все не так просто. И этот «отрицательный» вдруг возьмет да окажется в чем-то лучше нашего «положительного». Как же тогда быть?

Это очень непредсказуемо у молодых: в двадцать лет человек может совершить преступление, а может стать героем. Нередко здесь распоряжается случай. И в этом возрасте хорошо бы иметь позитивный пример, на который можно опереться. Указания и поучения родителей не всегда воспринимаются, тем более при некоторой — неизбежной — доле непонимания между поколениями. Нужен пример со стороны. Думаю, что картина «Пацаны» оттого и имела такой успех (фильм посмотрели 27 миллионов зрителей), что показала живого, небутафорского положительного героя. Но это был взрослый человек, а у меня мальчишка 14—15 лет.

Вовсе не обязательно понимать героя как Героя. Можно открывать его, как это делал Шукшин: оказывается, наш сосед — герой. И это будет важнее, ближе. Ведь иногда достаточно лишь доказать пацану, что он не одинок в конце концов...

— Как, на ваш взгляд, должно развиваться молодежное кино дальше?

— Мне было бы, например, очень интересно посмотреть картину, в которой все снято с точки зрения юной героини. Таких фильмов я еще не видел. Ведь когда, например, я пишу сценарий о молодежи, я же автор, и это только мои соображения по данному поводу. А хотелось, чтобы это был их собственный взгляд. Как это сделать? Надо думать... Я с нетерпением жду встречи с ребятами, которые смогут помочь нам в этом.

И вот еще что надо иметь в виду: молодежь даже любит дидактику, то есть она хочет, чтобы ее учили, но только чтобы делали это по-человечески и притом учили тому, что интересно. А нам бы надо почаще объяснять юношам и девушкам, что такое добро и зло, правда и ложь, чтобы не забывалось. Искусство, как и философия, не должно заниматься мелочами.

— Молодежь называют рациональной, технократической... А как вы сами определяете ее отличительные черты?

— Вы назвали молодежь технократической, я назвал ее благополучной—и то, и другое приблизительно верно. Можно придумать и другие определения. Но вряд ли это необходимо. Если же говорить о молодежи вообще, то важней всего ее непохожесть на нас в их возрасте. Конечно, можно выделить некоторые сегодняшние черты ее, но хочется уйти прежде всего от оценочных характеристик. Это постоянно заводит нас в тупик. Наиболее важное свойство, особенность — это быстрота смены поколений. Если раньше смена хозяйственного уклада проходила веками или уж по крайней мере раз в столетие, то сейчас все меняется на наших глазах. Так же и молодежь: четырнадцатилетние — это уже не шестнадцатилетние, а те — не восемнадцатилетние. И между ними часто полное отсутствие контакта, интересов. Они и темы общие в разговоре не всегда найдут.

Мы привыкли делить молодежь по внешним признакам — школьники, рабочая молодежь, студенческая, учащиеся. Однако на деле чаще деление происходит по интересам, даже по убеждениям. Поэтому нельзя чесать сегодня всех под одну гребенку. Бывает, взрослому и не разобраться в тонкостях их взглядов, символики...

Воспитанием сегодня занимаются многие, причем чаще всего большими знатоками этого дела считают себя именно родители-неудачники. Уж они-то всегда «и посоветуют, и научат». Они прекрасно знают, что нужно делать, что запретить, что запретить категорически, но на самом деле нужно не это. Именно мы, взрослые, сегодня бубним: это плохо, то неправильно, другое не так. А молодежь ведь нас уже и не слушает. И думаю, потому, что им нужно другое. Молодому организму нужно нечто позитивное, нужно какое-либо дело, теория, концепция. Им необходимо движение, действие, пусть даже буря, но не штиль. Ничего такого они сегодня не получают. Вот, например, мы все время твердим об акселерации, что дети растут быстрее, знают больше и могут тоже больше, но никакого доверия они не получили, проявить себя им негде, да и как заслужить это доверие? Они получают в избытке лишь указания на то, какими нам хотелось бы их видеть.

Нужно больше дать им инициативы, возможности действовать. Не утюжить и причесывать, не бранить, не разгонять, не запрещать, а направлять и помогать. Мы привыкли к тому, что молодежь нас умиляет, смешит или, наоборот, пугает, но это лучший показатель того, что мы совершенно не знаем ее, что мы страшно далеки от нее. А нам нужно научиться сосуществовать, жить рядом с ней, чтоб не развлечением она для нас была и не сюрпризом, чтоб не пугались мы темных компаний под деревьями во дворах. Нужно быть честными — ведь мы молодежи по-настоящему не знаем. А знать ее необходимо. И любить тоже. Это — главное.

Беседу вел Вадим КИРЮХИН.

Кадры из фильмов с участием В. Приемыхова:

«Жена ушла».

«Пацаны».

«Милый, дорогой, любимый, единственный».

изопублицистика

наблюдения

Белгородский художник Н. Белевцев — имя для «Огонька» новое. Собственно говоря, наши читатели уже отметили его в своих письмах. А то, что он хороший художник, мы знали и раньше, потому-то разыскали его, предложили сотрудничать и по-настоящему подружились.

Он не молод и не стар, находится в той самой поре, когда хочется работать и работать.

А темы подсказывает сама жизнь...

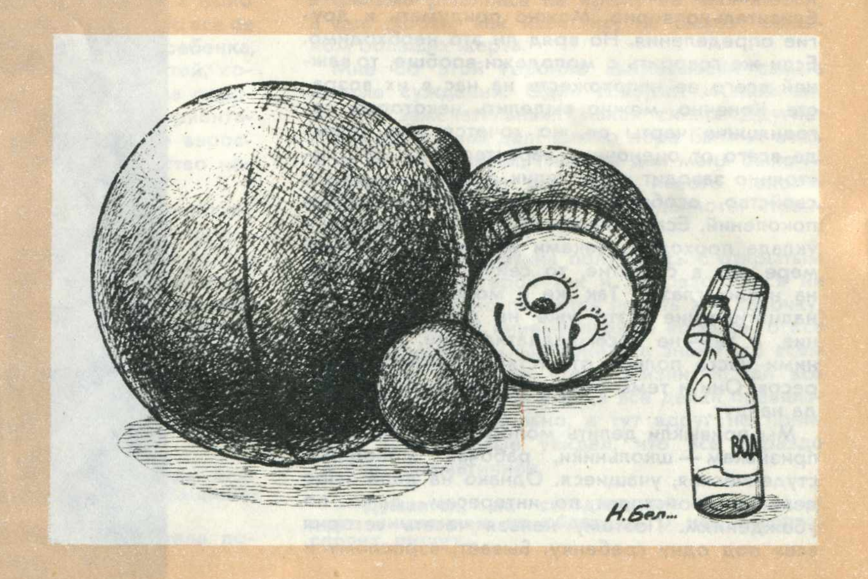

Б. СМИРНОВ,
фото Д. ДЕБАБОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

ПУТЕШЕСТВИЯ ГОЛУБОГО КОНТЕЙНЕРА

Электронный сервис для грузов
•
Новая техника — новое отношение к делу
•
Путешествие на экране дисплея

Сколько стоит информация
•
Сэкономленные секунды, потерянные часы
•
Морской конвейер Рига—Росток

Ни на одной из старых фотографий, которые есть в музее истории Риги и мореходства, я так и не смог найти изображения какого-нибудь грузчика. Вот парусники у причалов, вот сами причалы в завалах бочек, ящиков, тюков, кулей, вокруг стоят какие-то люди, а хотелось бы увидеть именно тех, кто, приседая от тяжести, таскает на спинах эти самые кули и бочки по сходням на палубы. Потом сообразил: фотографиям не меньше сотни лет, и перед камерами той поры люди должны были замереть на несколько секунд, чтобы снимок «получился». А как теперь различишь: кто из застывших — грузчик?.. Впрочем, бродя по залам, я и сам себе не отдавал отчета, почему вдруг мне захотелось рассмотреть на фотографии грузчиков. Наверное, чтобы лучше разобраться в том, что я видел сегодня же несколькими часами раньше в Рижском морском торговом порту.

Там были огромные, похожие на табуретки краны-погрузчики, рядом с которыми терялись в размерах даже океанские корабли, были суетящиеся машины на совершенно безлюдном причале, а люди сидели в кабинах и кабинетах и через слово произносили «терминал», «дисплей», «распечатка», «электроника»... И что самое для меня примечательное — слова эти произносились всеми как-то обыденно, без выражения, почти равнодушно. Нет, нет, я тоже против ложного пафоса и неумеренных восторгов! Но неужели нас, людей двадцатого века, так ничем и не пронять? Перед человеком, в руках его, можно сказать, вчерашняя мечта, а он пожимает плечами и роняет: «Нормально»...

А ведь по одним лишь словам — точнее, по названиям профессий занятых на погрузке людей — можно проследить всю историю портового хозяйства! Было когда-то в ходу слово «биндюжник», возникшее от старинного, принятого на Смоленщине названия большой ломовой телеги — биндюх. Потом сочли, что благозвучнее звучит «грузчик»,— профессия обрела права в ряду рабочих сословий. И вот уже нам, журналистам, в шестидесятых—семидесятых годах нашего века стало как-то неудобно называть грузчиками молодых людей в фирменных касках и тужурках, грамотно руководящих погрузкой-разгрузкой океанских лайнеров,— и прижилось заграничное слово «докер», которое придавало грубой профессии какой-то налет элегантности. А сегодня, забравшись в пилотскую кабину (иначе не назовешь) оранжевого погрузчика-контейнеровоза и назвав ее хозяина докером, я услышал в ответ почти недоуменное: «Нет, просто докеров среди нас нет, мы докеры-механизаторы!» На фоне умных железных мастодонтов, которые в рижском порту работают как бы сами по себе, эта поправка звучала не лишней.

Не знаю, как другим, а мне после встречи с техническим сюрпризом всегда хочется оглянуться на прошлое — хотя бы через музейное стекло: ощущаешь дистанцию времени. Вот и сейчас стою у старинной гравюры и представляю себе, как в скромную гавань, что в устье маленькой речки Риги, входит парусник с какими-то заморскими грузами... Теперь и речки, давшей название городу, не существует — давно ее засыпали; и там, где была гавань, уже сотни лет как стоят дома, а это место стало называться площадью Альберта — на нее хоть сейчас попадешь, если пойдешь от центрального универмага в сторону вокзальной площади. Здесь лет пятьдесят назад археологи нашли под землей дубовые сваи, остатки причалов, даже остов старинного парусника — отдельные части его и сейчас хранятся в музее, из них, говорят, все собираются воссоздать деревянное судно целиком... Двенадцатый век! А в тринадцатом гавань переехала на Даугаву, потом в устье реки, ближе к морю. Восемнадцатый век, петровская эпоха: русский царь наезжает в Ригу, дарит ей корабли вместе с матросами-крепостными, хочет построить здесь судоверфь...

Идут века, порт в основном приобрел те черты, которые он сохранил и поныне. Но я уже знаю то, о чем пока не рассказывает музей: сегодняшние причалы — те, что построены на острове Кундзинь, не просто шагнули еще дальше к морю, а открыли совершенно новую страницу в истории рижского мореходства. Наверное, даже из рижан далеко не каждый знает, как теперь это место называется — «контейнерный терминал».

Здесь, на большом песчаном острове среди протоков Даугавы, издавна стояли деревянные дома в окружении садов. Но зелень, как ни жаль ее, отступает под натиском бетона, железа и стали: строится новый район морского торгового порта, он уже сейчас стал чем-то вроде полигона самой современной техники.

Далеко не все причалы даже в самых главных зарубежных портах перешли на электронный сервис; у нас в стране контейнерные терминалы действуют в ленинградском порту, в порту Восточный в Приморье — но все же бог Термин (существуй он на самом деле) предпочел бы для своей обители именно этот — полный и совершенный — комплекс рижского порта.

В древнеримской мифологии бог Термин был охранителем пограничных знаков. И если понятие «термин» употребляется, наверное, еще с тех незапамятных времен, то «терминал» — слово, обозначающее конечный пункт ввода информации в вычислительную систему,— родилось лишь в эпоху ЭВМ. И получается, что здесь, в порту, бог Термин взял под опеку границу наземных и водных путешествий контейнеров — огромных металлических ящиков, в которых мог бы уместиться целый дом... ну, не дом, а домик для садового участка. Впрочем, что объяснять — сейчас такие контейнеры можно увидеть повсюду, они и на железнодорожных платформах, и на прицепах тягачей-грузовиков. Просто странно, как это раньше человечество не додумалось перевозить грузы таким удобным способом: заполнил контейнер чем угодно, опечатал дверь — и можно этот железный «сундук» грузить, перегружать, перевозить по суше и по воде хоть на край света. Правда, в прежние времена потребовалась бы целая армия грузчиков, чтобы только лишь приподнять этот многотонный «багаж», ну, а теперь его шутя отвезет куда угодно мощный погрузчик с единственным водителем за рулем, поднимет и опустит в трюм корабля специальный кран. Все быстро, надежно, с гарантией. Но самое главное — человек только открывает и закрывает контейнерную дверь, а в остальном пальцем к нему не прикасается! Без специальной, «контейнерной», техники здесь никуда, а вчера такой просто еще не существовало. Выходит, контейнер — тоже символ нашего времени, дитя конца двадцатого века!

И ведь что интересно: в этих железных ящиках — бездна романтики! Они же вечные путешественники... Например, вот в этом серо-голубом пенале два месяца назад холодильники из Минска прибыли сюда, в Ригу, и отправились дальше — в голландский порт Роттердам; там после холодильников контейнер принял груз тюльпанов и совершил путешествие в Грецию, порт Салоники; потом с грузом бокситов — в ФРГ, дальше с антикварной мебелью — в бразильский Порту-Алегра, чтобы, преодолев на железнодорожной платформе горы, взять в центре страны груз кофе и вернуться с ним в Европу. И вот он снова в Риге, и я прикасаюсь рукой к гофрированной стенке бесстрастного путешественника... Разве не романтичная история?

И я ее не придумал, а просто переписал несколько минут назад с экрана дисплея в диспетчерской. Мы разговаривали с начальником контейнерной площадки по экспорту Михаилом Алексеевичем Журавлевым, и он объяснял мне, что в памяти ЭВМ терминала хранятся данные о каждом контейнере, который когда-нибудь появлялся на этом причале. «А как вы их распознаете, они же все на одно лицо!» — пошутил я. «Очень просто, на стенках каждого есть свой собственный номер. Ну, возьмем хотя бы этот». Журавлев указал мне на одну из семизначных цифр, зеленовато светившихся на экране дисплея. Я переписал ее в блокнот, и тогда Журавлев пробежался пальцами по клавишам пульта. Сначала все цифры с экрана исчезли, потом вверху его поползла ровная строчка — словно кто-то там, внутри прибора, печатает на машинке. Экран постепенно заполнялся: здесь был не только маршрут контейнера с «моим» номером, но и сведения о его весе на

каждом участке пути с указанием сроков, номеров квитанций... Экран рассказывал о том, что необходимо знать отправителям, получателям, морякам, железнодорожникам, портовикам, внешнеторговым организациям — всем, кто причастен к загадочной для большинства из нас сфере международной торговли.

— Завтра мы погрузим этот контейнер на пароход «Механик Герасимов» и отправим в Магдебург. Какой там груз будет на этот раз? Асбест с Урала! — заключил свой экскурс по компьютерной памяти Михаил Алексеевич, и мне показалось, в глазах его, недавнего выпускника высшего мореходного училища, вместе с улыбкой блеснуло торжество — он словно гордился эрудицией своей машины. А я и так был сражен полнотой информации, оперативностью, масштабами творящихся здесь дел.

Все, что рассказал мне Журавлев, на служебном языке называется «история прохождения контейнера». Прочитав ее на экране дисплея, я вдруг захотел увидеть этого «путешественника» наяву. Журавлев сказал «сейчас» и подключился к автоматической системе слежения за контейнерами, тут же назвал адрес, говоря по-морскому, координаты. Я пошел на причал и сразу обнаружил искомый ящик среди сотен таких же, уложенных в два этажа, — белых, желтых, коричневых, зеленых.

А что, если бы никаких ЭВМ здесь не было? Ходила бы по этому городу железных ящиков сердитая учетчица в халате, сверяя номера с толстой конторской книгой. Куда, что, когда, как отправить... А завтра прибудут новые тысячи контейнеров. Тысячи! Нет, самая гениальная учетчица тут же сойдет с ума. Без компьютера теперь уже не обойдешься. Простенькую задачку типа «груз из пункта А отправлен в пункт Б» было сложно решать еще в парусную эпоху, а сейчас она стала уравнением с сотней неизвестных.

Но время идет, и вполне возможно, что скоро на этом причале останутся одни только роботы. Уже теперь просто так, пешком, по причалу почти никто не ходит. Побродив по бетону среди безмолвного железа, я, так никого и не встретив, снова пошел в диспетчерскую. «Вы куда хотите, на погрузчик?» — спрашивает дежурный и тянется рукой к пульту. «Нет, сначала вот сюда!» — показал я на кран у железной дороги. «А, козловый...» — диспетчер берется за микрофон. «Янка, к тебе гости, прими, когда сможешь...»

Я не буду описывать эту технику (хотя в портовом хозяйстве страны такие краны наперечет), но смотреть за ее работой — удовольствие. И удовольствие — смотреть на молодого симпатичного парня, когда он, совмещая свою сноровку с электронной логикой и моторной мощью крана, заставляет всю эту систему тросов, блоков, колес, захватов легко и плавно маневрировать во всех плоскостях пространства. Раз — контейнер подхвачен с железнодорожной платформы, два — он уже на тележке тягача. Операция «сгрузить-погрузить» длится двенадцать секунд... Но в перерывах между составами мы говорили с Янисом Стивриньшом не столько о совершенстве техники, сколько о том, чем она стала в его, Яниса, жизни. Оказалось — случай очень непростой. В свои двадцать восемь лет Янис успел, как говорится, наломать в своей биографии дров, но вычеркнутые годы не сделали его «совсем пропащим». Поверили ему, дали возможность показать себя в работе, и вот теперь — этот новейший кран. А техника такого класса — штука коварная: если ты внутренне слабее ее, будет она на тебе ездить, а понял, осилил ее разумом, и ты «на коне»...

— Вот смотрите, — говорил Янис, — я подвожу захваты к контейнеру, захваты сработали — контейнер пошел вверх; вот так, мне кажется, и меня техника поднимает до современного уровня.

— А вы сможете починить кран, если что-то с ним случится?

— Сложные поломки должна устранять специальная бригада. А в остальном я сам разбираюсь: например, когда надо определить, какой блок в электронике неисправен или как поменять плату...

Понятнее слов мне все объяснил самодельный радиоприемник, укрепленный на стенке рядом с креслом крановщика: «Это я через усилитель ребятам музыку даю, когда работы мало», — сказал Янис. Что же, в молодости все проблемы, даже технические, кажутся легко разрешимыми. Ну, а в более поздние годы?

И снова мне повезло: у диспетчерской из оранжевого погрузчика спускается по ступенькам пожилой человек в докерской куртке. Ян Янович Корпс, пятьдесят четыре года, в порту работает двадцать лет, в молодости был рыбаком. И как-то трудно верится, что всего двадцать лет назад, когда он стал грузчиком, от него только и требовалось, что сила да выносливость. Что таскал? В основном мешки. Сахар очень неудобно таскать — горбатый мешок, спину режет. Самое неприятное, когда надо было грузить скользкие говяжьи туши... Уставал? «Я бы сказал, нет. Может, за все время только два раза уставал», — поводит Ян Янович могучими плечами. Впрочем, все эти воспоминания как-то «не греют» собеседника — куда охотнее он рассказывает о том времени, когда стал учиться работать на первых погрузчиках-«газонах». И вот теперь — оранжевый красавец шведский «Кальмар». Перед стеклом кабины табличка: «Водитель, помни, государство уплатило за эту технику сто пятьдесят тысяч валютных рублей, береги ее!»

Я видел, как умело обращается Ян Янович с этой техникой; пусть она и совершенная, но можно утверждать, что водителю не проще «попасть» захватами в гнезда контейнера, чем стрелку — в «яблочко» мишени. А когда «Кальмар» Яна Яновича, подняв вагонного размера контейнер на трехметровую высоту, крутится с ним среди штабелей груза — просто дыхание перехватывает от восхищения водительским мастерством.

И все же Ян Янович в чем-то меня разочаровал... Даже не он, а то, что ему приходилось делать — возиться с какими-то рукописными бумажками, допотопными накладными, которые, казалось, просто кричали о своей неуместности в этом царстве умной автоматики. «Да, рутинный способ оформления документов на грузы частично еще сохранился, но все эти бумажки доживают последние месяцы», — успокоил меня Журавлев, когда я, рискуя ему надоесть, вновь пришел в диспетчерскую за разъяснением. И понял, что проблема, перед которой встал сейчас контейнерный терминал, выходит далеко за границы не только рижского порта, но и всей нашей страны. Нужно ставить целую сеть ЭВМ на сотнях наших заводов-поставщиков, на железнодорожных узлах, соединить эти машины каналами связи с теми ЭВМ, что стоят у наших зарубежных партнеров, и тогда данные о всех грузах без малейшей задержки, без единой ошибки моментально будут переданы от поставщика к потребителю.

Например, на заводе в Новосибирске будут еще только грузить контейнер на платформу, а на узловой станции в Вологде уже узнают и номер контейнера, и номер платформы, и вес, и сроки, и все прочее — значит, будет возможность заранее подготовиться. А в рижском порту Ян Янович на экране оперативного дисплея (да, докеры тоже войдут в контакт с ЭВМ!) прочтет, когда и с какой платформы он должен снять контейнер номер такой-то, в какой срок и к какому судну его доставить. А на корабле, который стоит сейчас где-то за границей, в чужом порту, суперкарго (тот, кто отвечает за грузы) на своей бортовой ЭВМ уже получит данные: тогда-то в рижском порту на судно будет погружен контейнер из Новосибирска такого-то веса, с такой-то центровкой — и заранее рассчитает, в какой трюм, на какое место этот контейнер поставить. А хозяин фирмы в Канаде, который ждет посылки из Новосибирска, увидит те же данные на своем дисплее и заранее сделает все, чтобы принять груз с максимальной выгодой... Вот такая получится длинная и всем удобная цепочка, в которой сейчас, к сожалению, еще не все звенья на месте.

— Когда вы напишете этот репортаж, у нас уже будет действовать такая «электронная цепочка» с ГДР! — пообещал начальник Рижского морского торгового порта Валентин Михайлович Евстигнеев. Порт в Ростоке — один из наших главных партнеров, между ним и Ригой суда ходят строго по расписанию. На днях мы получаем канал связи, и тогда ЭВМ у нас и у немецких коллег начнут непосредственный обмен информацией. Что это даст? Миллионную экономию! В наше время дороже всего ценится информация. Все то, что вы видели на наших новых причалах, — это не только удобно, красиво, современно: это выгодно! Терминал принял к обработке первые грузы всего пять лет назад, а мы уже сэкономили для государства миллионы рублей валюты. Правда, могли бы сэкономить еще больше...

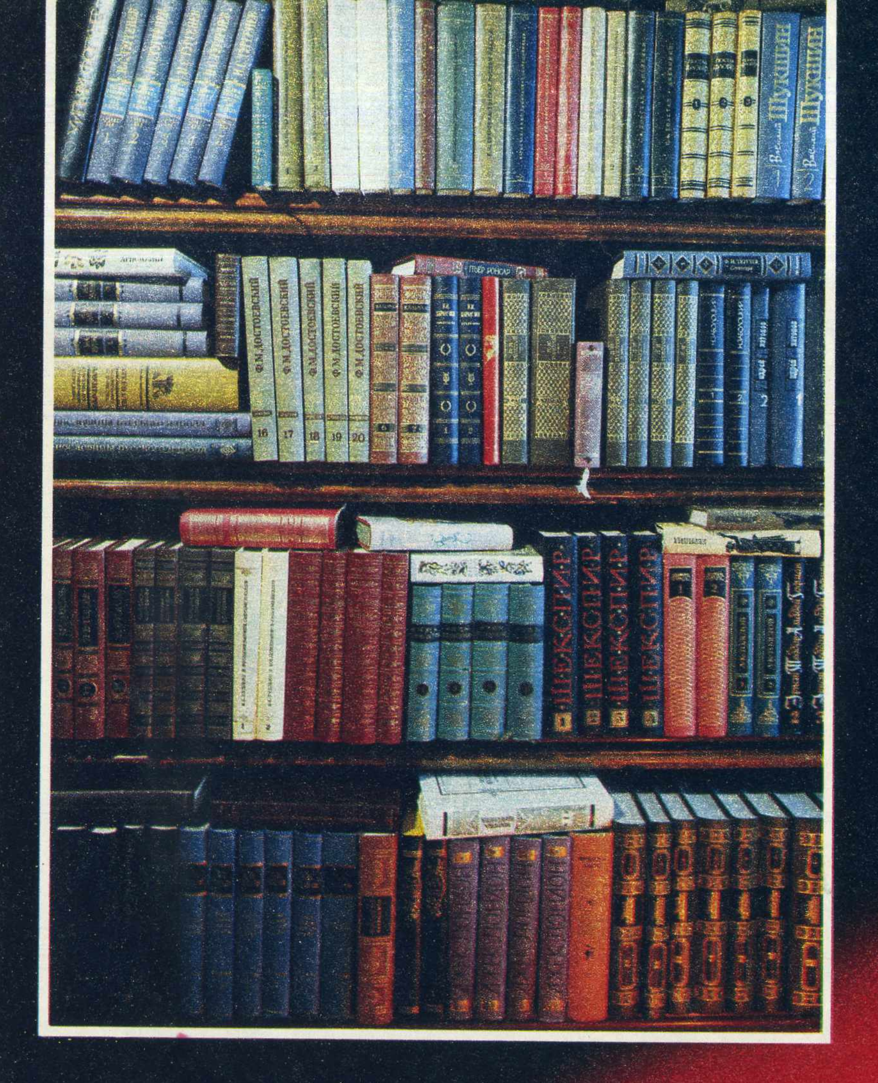
Уж это как у нас, к сожалению, водится: у нового дела были и до сих пор остаются и противники, и равнодушные созерцатели в ответственных креслах, и случайные попутчики на месте недопущенных к делу энтузиастов. Такая, например, деталь: и рижский порт, и руководство Латвийского морского пароходства при поддержке Минморфлота СССР доказывали целесообразность создания терминала еще... пятнадцать лет назад. А вопрос был решен за... две недели, когда один умный руководящий товарищ случайно увидел с берега в Юрмале очередь судов в рижский порт. Сколько времени, сколько возможностей упущено безвозвратно!

— Казалось бы, наш смежник — Прибалтийская железная дорога — больше других должен интересоваться развитием порта, а они просто не хотят признавать тот факт, что терминал существует! — продолжает Валентин Михайлович, что называется, «открытым текстом». — На территории порта мы сами, даже не получив проекта, стали строить насыпи, эстакады, прокладывать пути: часть будущего узла уже построена, а Прибалтийская дорога словно не замечает, что объем грузов значительно возрос, что у порта есть свои тепловозы, вагоны, рельсовые пути. Мы, экономя на разгрузке судов секунды, формируем составы, подаем их к границе станции и ...часами ждем специального разрешения на въезд. У них свои планы, и нас в них включать не хотят — чтобы не было, как нам заявляют, прецедента. Почему? Почему мы для железной дороги чужие?..

Теперь в сложном положении оказался и я: просто неловко было, когда мне, журналисту, и начальник порта, и начальник Латвийского морского пароходства Виктор Иванович Дырченко приводили десятки примеров, мягко говоря, безразличия к важнейшим проблемам. Они не жаловались — они устало повторяли то, что из года в год говорится ими в самых разных инстанциях. Так неужели нашему «тонкому» журналу делать то, чего не могут решить официальные учреждения? Чтобы, например, оснащенное за валюту по последнему слову техники пожарное депо терминала не стояло под замком, так как не дают на него «единиц штата»; чтобы работники порта (как нужны здесь специалисты — повторять не надо) не ждали очереди на жилье по полтора десятка лет... Увольте — нельзя превращать журнал в докладную записку.

...Вот так, насытившись буднями порта, я оказался в музее. Изучил историю на много веков назад. Заодно выяснил: скоро откроется новый филиал музея, там будет целый раздел — морское пароходство в советский период. И, надо думать, стенд с надписью «Терминал» здесь по интересу не уступит первенства, скажем, стенду петровской эпохи...

Дни и ночи работает порт. На вахте — молодой машинист О. С. Соловьев * Контейнеры готовы в путь.

ЧТО МЫ ЧИТАЕМ?

Книжный голод или изобилие! С печатного станка — в макулатуру! «Классики» на душу населения! Что такое современный бестселлер?..

Эти и другие вопросы обсуждались на встрече в «Огоньке» литературоведами, писателями, библиографами, социологами.

КНИГА: читать или иметь?

Давно уже в наш обиход вошли такие понятия, как «океан книг», «книжные Гималаи», «самая читающая страна». Сегодня в СССР ежегодно выпускается два с половиной миллиарда экземпляров различных изданий, а в личном пользовании советских людей находится сорок миллиардов томов. Много это или мало? Еще одна цифра: еженедельно с печатных машин наших типографий выходит почти пятьсот новых книг.

Вспоминается, как один известный поэт делил человечество на три категории: на тех, кто прочел «Братьев Карамазовых», на тех, кто еще не прочел, и на тех, кто не прочтет никогда. Можно добавить сюда еще и легион «читателей», которые знакомы с «Братьями Карамазовыми» по кино и телефильмам.

Четверть века назад некоторые ученые предрекали апокалипсис книги, ее смерть, ибо телевидение беспощадно. Конец не настал, но телевидение действительно подкосило интерес к книге. Люди стали читать меньше. Статистика утверждает, что в библиотеках страны угрожающе высок процент изданий, которые никогда не востребовались читателем.

Еще на заре человеческой цивилизации было сказано: «Без книг мы оставались бы дикарями». Но, увы, сегодня нередко можно наблюдать не менее дикарскую ситуацию: дом, полный книг, которые не читаются.

Да, мы гордимся самым лучшим в мире читателем, самыми большими тиражами, переполненными залами библиотек.

Но мы же являемся свидетелями фантастических залежей только что изданной макулатуры, которую никто не берет,— и одновременно острейшего дефицита книг русских и зарубежных классиков, равно как и хороших современных авторов.

С одной стороны, мы вроде бы помним мудрый афоризм о том, что книги, как колодцы в пустыне, они принадлежат всем. С другой — как часто сидим мы на своих сказочных богатствах — книгах, не вынося их из дома, не давая читать другим, а самое страшное — не читая их вовсе.

Как получилось, что в нашей самой читающей стране мира, гордящейся цифрами издательской продукции, ощущается книжный дефицит, книжный голод? В нашем восприятии уже давно существуют как бы параллельные миры, когда из-под печатного станка выходят одни книги, а читают другие, когда газетно-журнальные дифирамбы в адрес произведений тех или иных авторов не имеют ничего общего с интересом к ним со стороны читателей. Ситуация эта, проблема эта масштабна, в республиках она усугубляется еще и тем, что многие книги остаются неизвестными читателю всесоюзному, а дойдя до него, не всегда получают одобрительную оценку.

Заглянув в недавний номер «Рекламного приложения» к «Вечерней Москве», мы были поражены тем, что целая страница отдана под списки нераскупленных сборников поэтов, заваливших московские магазины. Почти полторы сотни имен! Книги некоторых авторов лежат на складах и прилавках с... 1968 года, а альманах «Поэзия» — с 1981-го. Тут есть над чем задуматься. Может быть, мы разучились торговать, рекламировать, пропагандировать книгу?

На седьмой сессии Московского городского Совета народных депутатов резко говорилось о плачевном состоянии фондов и помещений Библиотеки имени Ленина. Как это произошло? Ведь деятельность библиотечных работников в немалой степени влияет и на общее отношение читателя к книге.

Книга должна работать. Служить человеку. Помогать ему постигать мир, делать его жизнь красивее, лучше. Наконец, научить человека оставаться человеком в нелегкой борьбе идей добра и зла на земле.

Так что же делать? Читать или иметь? Как научиться выпускать только нужное, необходимое? Как часто мы обращаемся к книге — «самому мощному орудию дальнейшего развития... человечества», по словам Горького? Какие издания нас привлекают и волнуют? Где и как мы приобретаем книги? Обладаем ли мы вкусом в выборе книг? И самое важное: умеем ли мы читать книгу? Эти вопросы касаются всех, особенно сегодня. Многое соединилось в этих проблемах. И гласность, о которой так четко было сказано на XXVII съезде партии, еще не всегда сопутствует литературным спорам.

Книжным проблемам посвятил очередное заседание «Клуб на «Огонек». Нашими гостями были члены редколлегии и авторы популярного в читательском мире «Альманаха библиофила».

Со вступительным словом к участникам встречи обратился главный редактор журнала «Огонек» В. А. Коротич.

В заседании участвовали:

***Е. И. ОСЕТРОВ**, главный редактор «Альманаха библиофила»,*

***В. Н. ГАНИЧЕВ**, главный редактор «Роман-газеты»,*

***Н. П. МАШОВЕЦ**, главный редактор издательства «Молодая гвардия»,*

***А. И. ОВСЯННИКОВ**, главный редактор еженедельника «Книжное обозрение»,*

***В. Д. СТЕЛЬМАХ**, заведующая сектором социологии чтения Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина,*

***А. И. РЕЙТБЛАТ, М. Д. АФАНАСЬЕВ**, социологи ГБ СССР имени В. И. Ленина,*

***В. И. БЕЗЪЯЗЫЧНЫЙ**, кандидат филологических наук, доцент,*

***Ю. М. НАГИБИН**, писатель,*

***В. В. КОЖИНОВ, С. С. ЛЕСНЕВСКИЙ, С. В. ЛОМИНАДЗЕ**, литературные критики,*

***В. Я. ЛАЗАРЕВ**, поэт, прозаик, **Л. БУКИНА**, поэтесса.*

Евгений ОСЕТРОВ:

«КНИЖНОЕ СЛОВО В ЖЕМЧУГАХ ХОДИТ»

Книг много и мало.

Все чаще и чаще библиотеки отказываются принимать пополнение — полок не хватает. Одновременно уменьшается число пользующихся фондами публичных библиотек. В нелегком положении — я употребляю самое мягкое выражение — находятся такие прославленные книгохранилища, как Ленинская библиотека и научная библиотека Московского университета. О гибели огромного числа книг в столице выразительно писала недавно «Правда», хотя имена современных Геростратов еще не названы. Давным-давно закрыта ценнейшая библиотека Института мировой литературы, пользоваться ею нельзя, а ведь знатоки называли ее «библиофильским раем».

Горючими слезами плачут собиратели, которых некогда Гете считал «счастливейшими из людей»,— выясняется, что даже подарить свое ценнейшее собрание государству не так уж легко. Печальна судьба прославленных личных собраний — библиотек Демьяна Бедного, Юлиана Оксмана, Сергея Наровчатова, Дмитрия Благого,— каждая из них была единственной и несравненной. Медоточивые доброхоты советуют, если у вас дома много книг, приглашайте в гости соседей-читателей, будьте щедрыми и т. д. Никто почему-то не предлагает превратить частные автомашины в бесплатное такси для соседей, родных и знакомых. Сделать последнее все-таки проще и дешевле, даже удобнее, чем не очень обширную городскую квартиру сделать публичным читальным залом. Но именно такой эксперимент настойчиво популяризируется.

Не могу молчать о многотрудном деле издания стихов. У нас были и есть отличные поэты. Но поколение читателей воспитывалось на эстрадном стихотворчестве, девиз которого — за вкус не ручаюсь, а горячо будет. На читателя обрушиваются потоки стихотворных сборников, убедительно подтверждающих, что графомания не так безобидна. Поразительно своевременно звучат сегодня слова Л. Н. Толстого: «...Стихотворство в народе сделалось за последнее время зловредной эпидемией, которую не надо поощрять, но против которой, наоборот, надо всеми силами бороться, тем более, что в основе этого сочинительства лежат большей частью очень дурные чувства тщеславия и корысти».

Нет, я не призываю объявлять поход против молодых стихотворцев; их надо терпеливо и уважительно поощрять и печатать. Но не пора ли прекратить суету и открытие — пачками! — стихотворных калифов на час. Дошло до того, что мы ищем гениев по телефону. Одна книга, красовавшаяся долго на прилавках, называлась: «Алло, мы ищем таланты!» Вовсе не обязательно поощрять старых, заслуженных графоманов телеявлениями из Останкина, премиями и подарочными изданиями.

Мы много пишем и говорим о критике, но ее родная сестра — библиография пребывает на положении Золушки, напрасно ждущей принца. Исчезло умение издавать красочные рекомендательные каталоги. Единственное в стране библиографическое издательство «Книга», размывая славные традиции Масановых и Мезьер (попробуйте отыскать их труды!), на наших глазах нежданно-негаданно превратилось в издательство великолепных сувениров. Сувенир — нужен, но библиографии он не заменит.

Административный восторг, долго царивший на ниве печати, привел к тому, что книгу, изданную в Москве, отыскивают с грехом попо-

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

лам в Петрозаводске, а то и в более отдаленных краях. Когда мы нарочито печатаем книгу, которую никто (и все это знают) не будет читать, то мы обманываем сами себя. Воспитание читательского вкуса — дело государственной важности. Нельзя его подменять сбором макулатуры. В России книжники всегда были подвижниками. Деды уважительно говорили: книжное слово в жемчугах ходит. Не устаю повторять, что книжное общество должно быть обществом добровольцев-энтузиастов. Добровольцы-администраторы — грустное явление.

Будем помнить, что за каждой книгой кроется человек. Научимся ценить книгу из-за любви к человеку.

* * *

Гете сказал как-то: «Слишком много читают посредственных книг и теряют на них время». А в другой раз произнес: «Нет такой книги, из которой человек не мог бы научиться чему-нибудь хорошему». Противоречие! Да. Разрешает он его следующим образом: «...Добрые люди и не подозревают, каких трудов и времени стоит научиться читать. Я сам на это употребил 80 лет и все не могу сказать, что вполне достиг цели».

Владимир БЕЗЪЯЗЫЧНЫЙ: *«ИНТЕЛЛИГЕНТНЫМ ПРИТВОРИТЬСЯ НЕЛЬЗЯ»*

А. П. Довженко любил повторять, что трус может притвориться храбрым, скупой щедрым, а вот интеллигентным притвориться нельзя.

Недавно академик Д. С. Лихачев в своем выступлении по телевидению напомнил эти мудрые слова. Здесь, как говорится, есть о чем подумать. Нечего греха таить — появилось уже несколько поколений людей, которые воспитаны и образованы более всего телевидением. Библиотека, книга далеко не всегда одерживают победу в своеобразном соревновании с телеэкраном. Н. П. Смирнов-Сокольский, блистательный книжник и человек сокрушительного остроумия, говаривал об одном человеке: «Он знает очень много». Потом, артистически выдержав паузу, добавлял со вздохом: «Только не очень точно». Человек, который знает «много, но не очень точно» — это, к сожалению, достаточно характерное явление нашей жизни. Сейчас, как никогда, стало воистину насущным и жизненно важным углубление уровня — образовательного и культурного (не забывая и о нравственном!) — каждого человека, специалиста прежде всего. Вместо того чтобы поднимать уровень массового читателя, мы подчас опускаемся до его уровня там и в такой степени, что это внушает тревогу.

Огорчительным примером этого я считаю завершившееся только что трехтомное издание сочинений Пушкина. Оно выпущено совершенно небывалым у нас тиражом в 11 млн. 700 тыс. экземпляров и могло бы стать заметным радующим явлением нашей культурной жизни. Но не стало им, потому что подготовлено — неизвестно кем — без всякого учета типа издания, без обращения к богатому отечественному опыту редакционно-текстологической работы. Достаточно сказать, что это издание, предназначенное самому широкому читателю, по существу, не имеет столь необходимого в данном случае научно-справочного аппарата, строго соответствующего типу книги, а отбор текстов и их расположение внутри издания вызывают серьезные и основательные сомнения. Впрочем, все это о первом нашем поэте. А как же со вниманием к тем, кто «рангом пониже»? Считаю нужным напомнить хотя бы о двух писательских именах, безосновательно забытых в наше время: о А. В. Амфитеатрове и Вас. Ив. Немировиче-Данченко. Можно ли принять как должное, что из громадного литературного наследия Амфитеатрова мы вспоминаем едва ли только не одно его произведение — остросатирический памфлет «Господа Обмановы», а имя Василия Ивановича Немировича-Данченко если иногда и вспоминается, то с оттенком оскорбительной снисходительности. Писатель поистине поразительной литературной продуктивности (свыше 250 книг!), он был автором многих талантливых произведений, будь то очерки его путешествий по всем уголкам России и едва ли не по всему свету или великолепные военные очерки, а также исторические романы. Разумно ли забвение таких имен?

А можно ли смириться с тем, что давным-давно стали малодоступными для широкого читателя «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева? Горько сознавать, что недавно выпущенные в серии «Литературные памятники» три тома сказок имеют тираж всего 50 тыс. экземпляров — при весьма немалой, кстати, цене — 16 рублей!

* * *

Следите зорко за книгами, многие из них подлежат строгому суду, как злоумышленные преступники: отнимая драгоценное время у читателя, они наносят смертельные удары хорошим книгам.

Джон Мильтон

Вадим КОЖИНОВ: *«ЯДОВИТАЯ ТЕНЬ ОТ МАССКУЛЬТУРЫ»*

Я думаю, что в наших разговорах о книге мы склонны недооценивать современное положение дела. Если ясно вспомнить, как обстояло дело лет двадцать назад, можно поразиться невиданному торжеству книги в наше время.

И меня лично гораздо сильнее волнует иная, более широкая проблема, а именно: то, что называется массовой культурой. Книга всегда была и остается сердцевиной культуры, и потому, думая о книге, нельзя не думать о культуре в целом. Вначале было слово, но что же дальше? Мне вспоминается встреча с одним из крупнейших наших писателей; кто-то сказал тогда, что он — подлинно народный писатель. И тогда я с некоторым ехидством возразил: «Нет, ты в сущности элитарный писатель, твоему слову внимают сотни тысяч людей, а сотни миллионов слушают совершенно другие слова...» И это в самом деле так.

Недавно в издательстве «Искусство» вышла весьма содержательная книга, которую я всем рекомендую прочитать: «Западная Европа и экспансия культурного «американизма». Книга во многих отношениях просто поражает. Освещая положение культуры на Западе, у нас часто делают некий перекос, пытаются убедить, что там низкопробная массовая культура безнаказанно господствует, а мы, мол, с ней беспощадно боремся. Книга, о которой идет речь, убедительно свидетельствует, что в основных странах Европы борьба с засильем пресловутой массовой культуры ведется гораздо более интенсивно, нежели у нас.

Возьмем хотя бы проблему экранизации классических произведений. Вероятно, многие из присутствующих смотрели западноевропейские фильмы, созданные на основе произведений Бальзака, Стендаля, Диккенса, Мопассана. Во всех них очевидно бережное отношение к тексту и колориту эпохи. Между тем можно буквально по пальцам пересчитать экранизации нашей классики, отмеченные бережным вниманием к тексту,— как «Подросток» или «Отцы и дети». Когда думаешь об этом, становится просто стыдно за свою литературу, свою культуру.

Василий Белов не раз говорил и писал о необходимости закона, предусматривающего недопустимость искажения классики,— подобного закону об охране памятников зодчества, живописи, прикладного искусства. И я совершенно с ним согласен.

Я не могу не подчеркнуть, что не разделяю достаточно широко распространенного мнения, согласно которому массовая культура — это нечто заведомо плохое. Вот, скажем, французская певица Мирей Матье. Несомненно, что ее искусство принадлежит именно к массовой культуре. Но благородный облик этой актрисы вызывает уважение. На нашей же эстраде, увы, являются нередко совсем иные облики, и нельзя без чувства стыда думать о том, что в чьих-то глазах подобные «имиджи» представляют твою страну...

Хотим мы этого или нет, а сомнительного толка массовая культура словно бросает некую ядовитую тень на наши бесценные книги — книги Пушкина и Толстого, Шолохова и Заболоцкого. Не приходится уже говорить о том, что душу молодого человека, впитавшую в себя ту отраву, не так уж легко воскресить самыми великими книгами. Вот что меня более всего волнует в проблеме «книга»...

* * *

У каждой книги своя судьба, своя долгота века. Есть книжки-однодневки, и есть книги, которые переходят от поколения к поколению.

С. Маршак

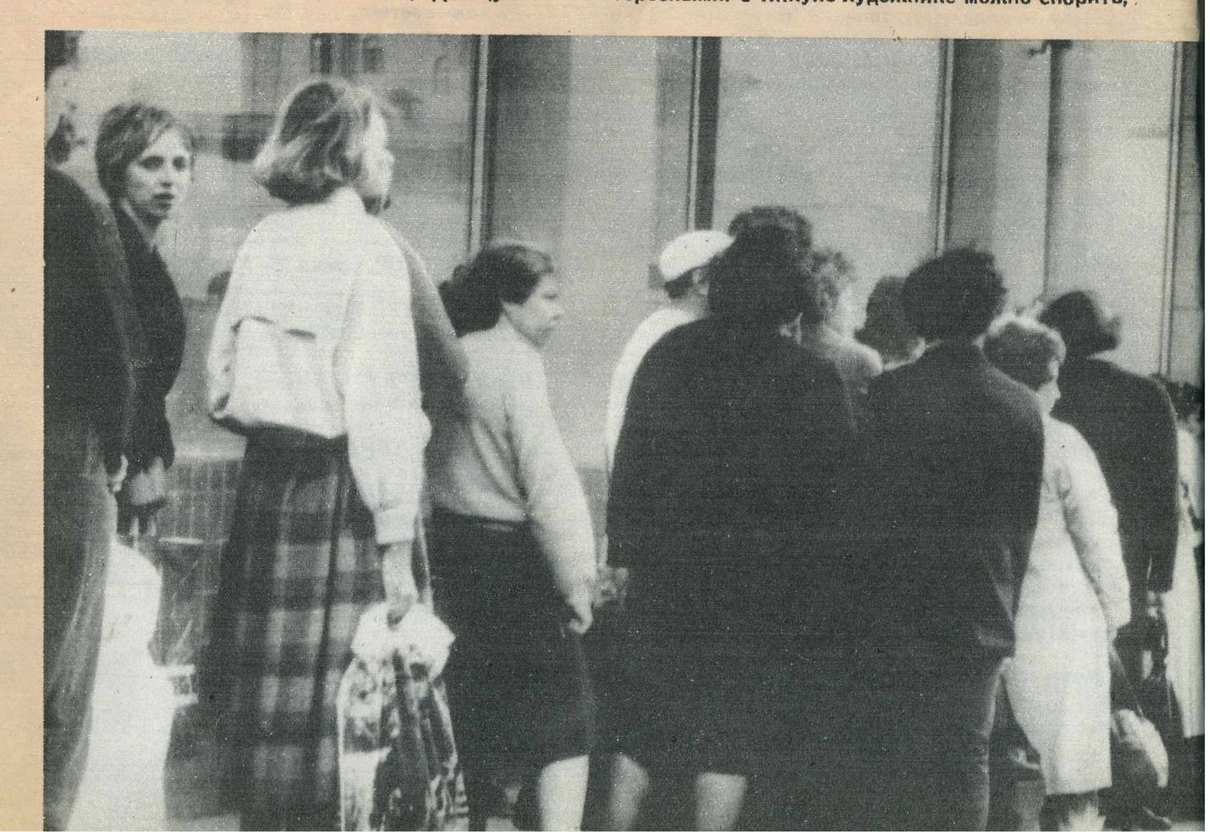
Валерий ГАНИЧЕВ: *«ИМЕНА НАЗЫВАЕТ ЧИТАТЕЛЬ»*

Я хочу затронуть вопрос о цене нашей книги. Ну хотя бы «Роман-газеты». Это издание было задумано Горьким как самое недорогое издание для широких масс трудящихся лучших произведений отечественной и мировой художественной литературы. Начиная с 70-х годов цена годовой подписки на «Роман-газету» стала катастрофически увеличиваться: 3 рубля, 6 рублей, 9 рублей, 14 рублей 60 копеек, а в настоящее время 26 рублей 60 копеек. Повышение это граничит с удушением книжного дела вообще. Согласитесь, что при такой высокой цене уничтожается возможность чтения для самого массового, демократического читателя: пенсионеров, студентов, военнослужащих и т. д. Это уже привело к тому, что в одном только 1983 году миллион читателей перестал подписываться на наши выпуски. Из самого дешевого в стране издания «Роман-газета» превратилась в самое дорогое.

Превратить нацию из читающей в нечитающую можно очень быстро, об этом не следует забывать,— об этом говорит опыт Америки.

Проблема вторая — что мы читаем, что хотели бы почитать? Беру только прозу. Хула в адрес современной поэзии, здесь произнесенная, мне понятна. Но как обстоят дела с прозой? Мы решили уточнить, что представляет собой наш читатель. Обратились с анкетой, получили 10 тысяч писем. Это дало возможность представить себе облик нашего читателя. В основном он оказался городским (хотя 20 лет назад это был сельский житель, периферийный): Кузбасс, Донбасс, Свердловск, Нечерноземье, зона от Урала и дальше на восток.

По тематическому интересу на первом месте при выборе произведений для чтения стоит историческая проза. Быть может, это оттого, что появились такие писатели, как Чивилихин, Пикуль, Балашов, армянские, грузинские исторические романисты. Хочу заметить, что меня удивила негативная точка зрения В. Каверина на прозу Пикуля, высказанная им в «Литгазете». Я считаю книги его познавательными, интересными. О Пикуле-художнике можно спорить,

это другое дело, но читатель просит печатать его как можно больше.

На втором месте (21 процент опрошенных) поставлена военно-патриотическая литература, то есть литература о Великой Отечественной войне. На третьем месте по читательским интересам стоит приключенческая литература, остросюжетная. И только на четвертое по итогам опроса вышла современная литература.

Наш опрос мы, естественно, проводили в основном на материале выпусков «Роман-газеты» и считаем, что проведен он был основательно, оценки даны объективные. Ежегодно в сфере нашего рассмотрения до 600—700 произведений, а в редколлегию входят виднейшие наши литераторы. И вот такие не очень радужные результаты с современной прозой. Хотя грехи за нами тоже имеются: полвека «Роман-газета» не печатала Л. Леонова. Или, например, только в 1984 году впервые напечатали В. Белова и получили массу доброжелательных писем.

Не побоюсь я сказать о мнении читателей, которые касаются перспективных планов изданий. Так вот, в этом перечне первое место занимает роман Пикуля «Фаворит». Аргументы? Самые разные. В том числе и такой: если издать роман большим тиражом, прекратится спекуляция этой книгой на черном рынке. Есть предложения издать следующие произведения: «Экспансию» Семенова, «Маршал Жуков» Яковлева, «Печальный детектив» Астафьева.

* * *

Ум без книг, аки птица спешена. Якож она взлетати не может, такоже и ум не домыслится совершена разума без книг. Свет дневной есть слово книжное.

Сборник «Пчела».

Без книг мы теперь не можем ни жить, ни бороться, ни страдать, ни радоваться и побеждать, ни уверенно идти к тому разумному и прекрасному будущему, в какое мы непоколебимо верим.

К. Паустовский

Между этими высказываниями — века. Но как одинаково они отражают место книги в жизни человека!

Станислав ЛЕСНЕВСКИЙ: *«КНИГА ЗОВЕТ К ТВОРЧЕСТВУ»*

Говорят, что судьба книги как явления — это судьба мира. Вот почему, обсуждая бытие книги, мы затрагиваем едва ли не все сферы жизни.

Возьмем хотя бы проблемы библиотечных помещений — то простое и драматическое обстоятельство, что книги уже не вмещаются в имеющиеся библиотеки, что книги негде хранить и что происходит подчас бесследное исчезновение многих изданий. Необходимо, думается, периодически, раз в несколько лет, устраивать смотр библиотечных помещений, проверку сохранности книжных фондов. Вот дело, требующее внимания нашего Всесоюзного общества книголюбов.

Заслуживают поддержки предложения делегатов VIII съезда писателей СССР об организации издательства «Дружба народов» и театра под таким же названием. Быть может, назрел вопрос о создании научно-исследовательского института и музея Дружбы народов СССР, социалистических стран. Необходимо систематически изучать процессы, происходящие в экономике, культуре, языке братских стран.

Убежден, что необходимо энергично поддержать мысль отечественных славистов о том, что пришла пора возродить журнал «Славяне» — он необходим всему культурному миру.

У нас образовался огромный долг перед читателем, перед культурой, перед будущим поколением — по изданию русской литературы, нашей классики. Представьте себе, что завтра объявили бы открытую, без ограничений, массовую подписку на «Историю Государства Российского» Н. М. Карамзина... Не сомневаюсь, что миллионы людей пожелали бы иметь в своем доме, в своей семье такое издание. Оно стало бы настольным чтением. Современные читатели вообще больше любят издания солидные, полные, хорошо подготовленные и со вкусом оформленные. Какой всенародный успех, безусловно, имело бы, например, добротное издание Полного собрания сочинений В. А. Жуковского!.. Собрания сочинений Андрея Белого, В. Хлебникова, Б. Пастернака, разумеется, не залежались бы на полках наших книжных магазинов, да и могли бы составить существенную часть советского книжного экспорта.

Кстати, названные издания вправе выходить в подписном приложении к «Огоньку». Но радикально решить проблему с изданием богатейшего наследия русской литературы, часто граничащего с наследием историков, способно лишь, как мне кажется, только новое издательство — «Русская литература и история». Это должно быть самостоятельное учреждение, организованное и по-новому, со своими полиграфическими и книготорговыми возможностями. Такого масштаба, какой достоин имени и цели издательства, о котором мы сегодня мечтаем.

В современных условиях коренной перестройки не обойтись без всесторроннего поиска, без издательского и книготоргового эксперимента. Так, один из путей решения проблем поэтической книги — появление возможности для авторов при прочих равных условиях выпустить свой сборник стихов небольшим тиражом, уплатив издательству определенную сумму. Конечно, за издательством остается контроль качества публикуемых произведений. Стоило бы изучить идею основания кооперативного издательства писателей и т. д. Видится, например, и магазин коммерческой книги, где любое дефицитное издание вы сумели бы приобрести по реально установившейся рыночной цене.

* * *

Когда я вижу вокруг себя, как люди, не зная, куда девать свое свободное время, изыскивают самые жалкие занятия и развлечения, я разыскиваю книгу и говорю внутренне: этого одного довольно на целую жизнь.

Ф. Достоевский

Алексей ОВСЯННИКОВ: *«СДЕЛАТЬ КНИГУ ЛЕТУЧЕЙ»*

Я принадлежу к редкой категории людей, которые не только слышат, что книг в нашей стране много, но и своими глазами каждый день ощущают это великое множество. Все они поступают в «Книжное обозрение».

И все же, если говорить серьезно, с учетом численности населения страны, с учетом всеобщей грамотности и возросшей культуры населения, то оказывается, книг издается у нас не так уж и много. Об этом же говорит и другой показатель: на каждого жителя у нас продается книг в год всего-навсего на шесть рублей. Немного съедает человек «хлеба культуры». К тому же это средний показатель. С учетом регионов страны картина выглядит более уныло: в республиках Средней Азии, Закавказья да и некоторых других этот средний показатель вдвое меньше.

В стране всего 17 тысяч книжных магазинов — это на 50 тысяч городов и населенных пунктов. Об этом надо во весь голос говорить.

Скажу еще об одной проблеме — об использовании книг, их рабочем коэффициенте. Сейчас в СССР, по уточненной статистике, 340 тысяч общественных и государственных библиотек. Их суммарный фонд — 5 миллиардов томов. К сожалению, используются эти богатства плохо. В ряде библиотек даже художественная книга в течение года выдается читателю один раз. Многие другие книги (до 30 процентов) вообще не читаются, не снимаются с полок. И это во время «книжного голода»!

Наши читатели признаются и в том, что домашние, личные библиотеки также часто напоминают складские хранилища. Накопленные сотни и тысячи томов в этих библиотеках обрастают пылью. Но попробуйте что-то лишнее сдать в букинистический магазин? Сделать это нелегко! Ведь в стране действуют всего 200 букинистических магазинов, как правило, крошечных, маломощных. Отсюда и книгообмен, с восторгом принятый читателями, книголюбами, развивается пассивно.

Уверен, что вторжение в эти важные проблемы нашей печати смогло бы расшевелить книжные запасы и сделать книгу, как завещал В. И. Ленин, воистину летучей.

* * *

Читается трояким образом: первое, читать и не понимать; второе — читать и понимать; третье, читать и понимать даже то, что не написано.

Я. Княжнин

Николай МАШОВЕЦ: *«КНИГА ПО ПРЯМОМУ АДРЕСУ»*

Недавно по просьбе нашего издательства научно-исследовательский центр Высшей комсомольской школы с участием Всесоюзного общества книголюбов провели большое исследование читательских интересов молодежи, путей приобретения и самой потребности в книге. Эти материалы не дают основания ответить однозначно на поставленный здесь вопрос: голод или пресыщение? Скорее так (если идти от сравнения книги с духовной пищей): значительная читательская масса испытывает книжное «недоедание», и очень многие не могут наладить «рациональное питание». Хорошая книга — дефицит. А кто имеет доступ к дефициту? Уж во всяком случае — не молодежь. Поэтому на встречах с читателями основная доля записок с вопросом: «Где купить?»

По данным исследований, торговля книгами с рук (фактически спекуляция) «успешно конкурирует с госторговлей через книжные магазины. Любопытно и то, что, например, около 50 процентов всех книг научные работники приобретают в командировках, учителя, врачи, комсомольские работники — примерно треть. Это говорит о том, что мы неверно планируем распределение книг, плохо работаем с книжными остатками, не используем в полной мере возможности магазина «Книга — почтой».

Какой выход? То, что зависит от нас: пытаемся выпускать издания, которые можно было направить именно тем, кому они адресованы. Сейчас в «Молодой гвардии» разработали 20-томную подписную «Библиотеку молодой семьи». В нее входят четыре тома прикладного характера с советами и рекомендациями «на все случаи жизни» и 16 томов, состоящих из лучших повестей и рассказов современных советских писателей. Библиотека будет распространяться среди молодоженов. Подписка будет проводиться с участием комитетов ВЛКСМ. Тираж — 200 тысяч. Хорошо бы, если другие издательства нашли бы возможность подключиться к выпуску этой библиотеки. Собираемся аналогично поступить и с переизданием ставшей популярной библиотеки «История Отечества в романах, повестях, документах», есть предложения о создании подписных библиотечек из книг серий «ЖЗЛ», «Эврика», «Стрела», некоторых других.

На писательском съезде справедливо критиковался наш очень неповоротливый издательский механизм. Не все отлажено в тиражной и гонорарной политике. Что касается издания молодых авторов, то мы считаем, их произведения можно издавать буквально в три-четыре месяца после одобрения рукописи. Для этого нужны только гарантированные тиражи для прозы в 30 тысяч, для поэзии — 15. Названные тиражи минимальны. Они позволят обеспечить центральные библиотеки обязательными эк-

земплярами (кстати, здесь в последнее время заметна определенная апатия во взаимоотношениях с книготоргом) и представить читающей публике начинающего автора. Данные тиражи учитывают и возможность материальной поддержки литературной молодежи. Это будет своего рода пробный тираж, а затем уже можно будет выпускать массовыми изданием то, что получит одобрение читателей, критиков.

Видимо, нужна реформа в начислении гонораров, выплате потиражных. Эта «проза» жизни, к сожалению, очень сильно влияет на уровень отечественной словесности. У нас прямая зависимость вознаграждения от размера произведения, поэтому о чеховской краткости, что сестра таланта, иные авторы стараются не вспоминать.

* * *

Английский поэт XIX века Сэмюэл Колридж делил всех читателей книг на 4 группы:

— «губки», которые столь же легко и быстро впитывают все прочитанное, как и забывают о нем;

— «песчаники», которые никогда ничего не впитывают и не удерживают в памяти;

— «фильтры», которые задерживают лишь жалкий отстой прочитанного ими;

— «Великие Моголы» (столь же редкие среди читателей, как алмазы среди камней), которые способны не только по-настоящему оценить прочитанное, но и заставить других сделать это.

Валерия СТЕЛЬМАХ: *«БЕЗ ЧИТАТЕЛЯ ЛИТЕРАТУРА — ПОЛЕ, ПОРОСШЕЕ ВОЛЧЕЦОМ»*

Книги — создаваемые и издаваемые — лишь один полюс нашей литературной культуры. Вторым ее полюсом является читатель — «единственный объект», ради которого горит писательская мысль. Там, где его не существует, «литературная деятельность представляет собою не что иное, как беспредельное поле, поросшее волчецом, на обнаженном пространстве которого бесцельно раздается голос, вопиющий в пустыне», как писал Салтыков-Щедрин.

За прошедшее с тех пор время читательский мир изменился неузнаваемо. Во-первых, он стал густонаселенным. Во-вторых, читатель обрел голос и уверенность в своем праве самому судить о той литературной продукции, которая ему предлагается. Многим этот мир представляется непонятным и хаотичным, полным загадочных ситуаций, опрокидывающих все установленные нормы литературного вкуса. Здесь третьеразрядный беллетрист будет соседствовать с Булгаковым или опережать его, а неведомые даже искушенным критикам произведения (типа «Бардадым — король черной масти») займут на шкале читательских предпочтений то же место, что и бесспорные шедевры мировой литературы. При беглом взгляде на эту картину невольно вспоминается зощенковское — «Читатель пошел какой-то отчаянный».

Неумение объяснить эти «парадоксы» приводит к снисходительному отношению к читателю как к недоразвитому ребенку, который не понимает, как себя вести, и которому следует объяснить, что хорошо и что плохо.

На самом деле читательский мир логичен и упорядочен, здесь свои законы, правила и нормы, свои лидеры и эпигоны. Изучением этого мира занимается социология литературы и чтения — сильно запущенная у нас область науки. Социологов чтения «мало и тех нет», социологические лаборатории единичны, а немногие значимые по охвату, проблематике и собранной информации работы, подготовленные и изданные Государственной библиотекой СССР имени В. И. Ленина, известны лишь профессионалам. И дело не в том, что это какая-то ведомственная и чуть ли не полузакрытая статистика читательского спроса. Работы библиотеки имени В. И. Ленина «Советский читатель», «Книга и чтение в жизни небольших городов», «Книга и чтение в жизни советского села» опубликованы и широко доступны. Но слишком долгое отсутствие общественного интереса к проблемам читательской жизни и обратной связи в литературной коммуникации оставляло социолога вне игры, анализ статистики читательских мнений относился к ведомственной науке, необходимой лишь узкому кругу посвященных.

Констатация высокого уровня читательской культуры в стране подменяла систематический анализ читательской ситуации, делала его ненужным, прикрывала напряженность сферы реального бытования литературы. Мне довелось слышать, как один известный и уважаемый литератор призывал нас гордиться книжным голодом, служащим-де уникальным доказательством роста читательской культуры в нашей стране. Думается, что испытывать подобные чувства можно, лишь находясь вдали от читателя, не соприкасаясь с ним, не подключаясь к его бедам, а взирая на них с большого расстояния.

Будни книжной жизни — скудость читательского рациона и книжный дефицит, ослабление интереса к чтению, особенно у молодежи, усиливающаяся телеориентация досуга, падение престижа библиотеки, неспособность многих и многих «заступать в другое состояние» при чтении художественной литературы — стали сегодня темой откровенных дискуссий в самых разных аудиториях. Книжные трудности находятся в ряду тех вслух обозначенных острых вопросов, о которых идет публичный и нелицеприятный разговор. Социологический материал — не просто аргумент в наших спорах и поисках. Собирательный образ современной читающей публики должен стать одним из ориентиров литературной и книжной политики.

* * *

История ума представляет две главные эпохи: изобретение букв и типографии; все другие были их следствием.

Н. Карамзин

Владимир ЛАЗАРЕВ: *«ЖАДНОЧИТАЮЩИЕ «ГЛОТАТЕЛИ ПУСТОТ»*

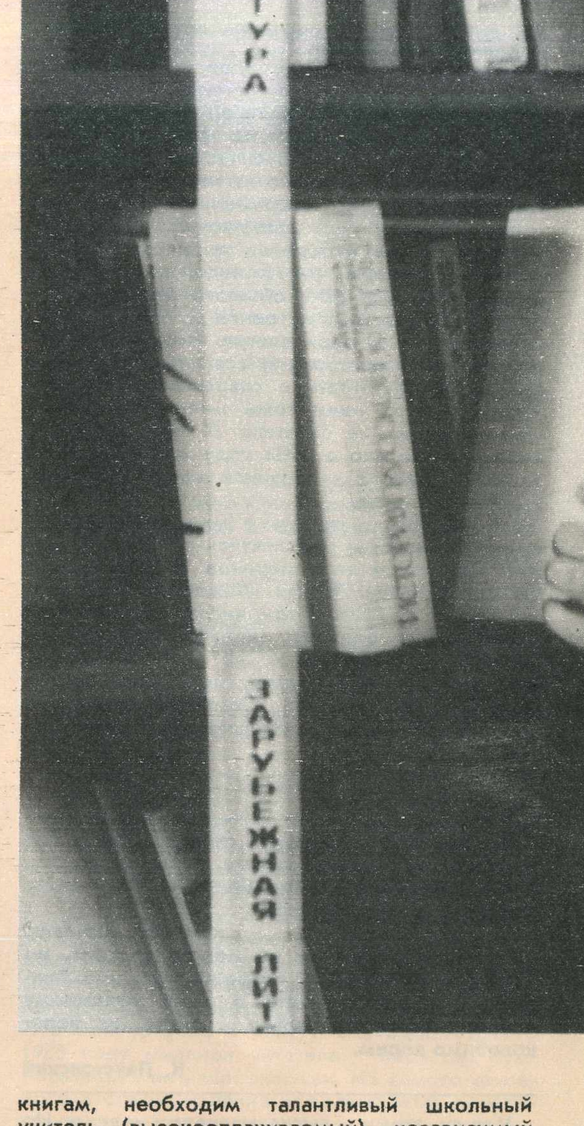
Духовно зрелая, художественно совершенная живая книга,— какова ее судьба, каково ее реальное влияние на широкое общественное сознание? Какова ее реальная воспитательная роль,— подчеркиваю: **реальная** — в многообразной среде нынешних читателей, в которой не так уж редко встречаются люди, обладающие большим самомнением и ложным самочувствием понимания художественных ценностей, в силу одного лишь своего пристрастия к чтению. «Самые читающие»,— поглощающие великое множество книг? Не слишком ли мы завораживаем сами себя этим современным явлением? А не мало ли среди нынешних жадночитающих — "глотателей пустот" в художественном и духовном смысле? И хорошо бы еще «пустот», а то заодно с ними и весьма завлекательных, а по сути своей духовно разрушающих, развращающих вкус воинствующих «микробов» антикультуры. Опаснейшую роль в этом активном освоении антикультуры играет то, что Пушкин определял как **полупросвещение...** Именно полупросвещение обладает чудовищным самомнением, рождает химеры.

Кто может в точности определить, какой духовный урон нанесет молодому читателю, скажем, выпущенная в Баку в издательстве «Язычи» книжица полуграмотных виршей под названием «Монологи певицы», можно сказать, уникум примитивности. Красочно оформленная (по эскизам самой певицы, очень у нас известной) книжица эта в коммерческом отношении, очевидно, выгодна издательству, ибо у певицы множество поклонников. Но достаточный ли это повод для издания книги?

Всякий талантливый исполнитель, разумеется, имеет право на свой особый творческий почерк. Но имеет ли он право на духовный диктат в обществе, который иной раз навязывает с помощью телеэкрана миллионам телезрителей?

И тут необходимо заметить, что в современном обществе, в широкой читательской среде восприятие книги (в том числе и классической) нередко происходит в тесной зависимости от телевидения. Книга подчас существует в нашем сознании не сама по себе, а как телероман, телепоэма, телехроника и т. д. Но ведь далеко не все лучшее и ценное в литературе поддается телевоспроизводству! К этому необходимо отнестись с большой серьезностью. Вот уже несколько лет я возглавляю общественный совет в Московской библиотеке имени В. А. Жуковского. Здесь постоянно проводятся литературные вечера, освященные именами классиков русской и мировой литературы. Делаются выставки, посвященные Жуковскому, Пушкину, Лермонтову... Как это влияет на читателей? Честно говоря, многих читателей больше всего интересует все, что творилось вокруг имени и личности Жуковского, Пушкина, Лермонтова, а не их сочинения.

Кто повинен в неразборчивости читательского вкуса? Как стратегически, глубоко развить широкий общественный интерес к подлинно художественному, духовному? Прежде всего, разумеется, созданием честных, правдивых и эстетически совершенных произведений. Но для того чтобы обеспечить их реальное влияние, чтобы возникло широкое читательское сочувствие великим и замечательным книгам, необходим талантливый школьный учитель (высокооплачиваемый), независимый литературный критик, дающий верную оценку книгам, высокий уровень телепередач, четкая издательская политика и т. д.

Все это входит в стратегию жизни и влияния книги в обществе. Такое быстро не совершается. А вот перестройка издательской политики ведется еще достаточно робко. Скажем, к примеру, ряд книг серийного типа не выдерживает тиража в 300 тысяч, и уныло теснятся они на полках библиотек, ни разу не востребованные. Но вот Политиздат выпускает книгу Н. Прошунина (автора темпераментной, откровенной статьи «Слово о критике», опубликованной в журнале «Коммунист») «Что такое полемика?» тиражом в 100 тысяч экземпляров, тотчас раскупленную! Почему же не увеличить тираж такой книги, не переиздавать ее в течение года несколько раз, как это делали в свое время русские издатели?

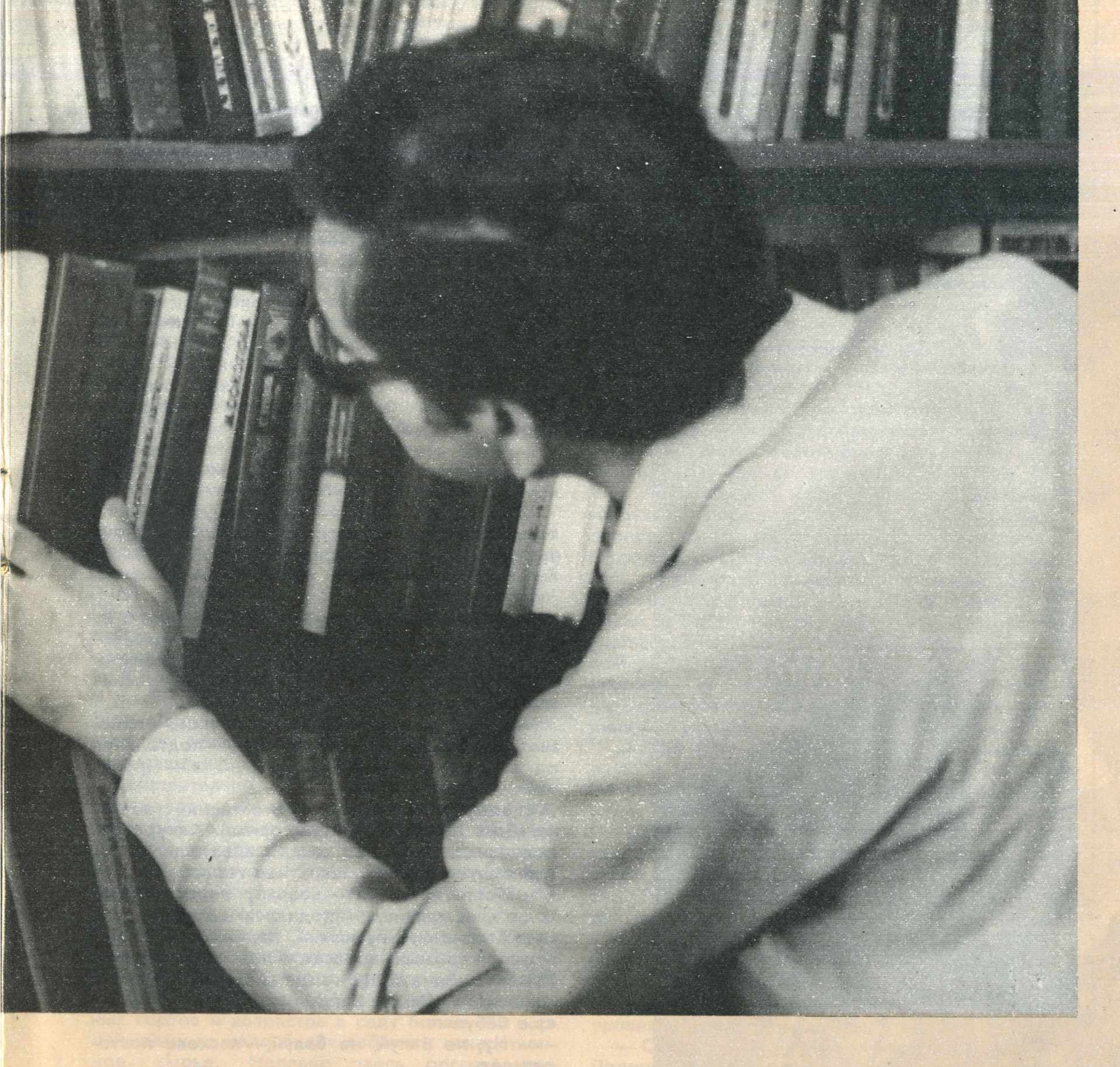
Если смотреть с этих же позиций, то и недавний съезд Союза писателей прошел достаточно робко и при всех благих намерениях, не на уровне подлинно высоких критериев культуры. В Отчетном докладе, к примеру, Л. М. Леонов — крупнейший наш писатель, по сути дела, живой классик, упомянут как бы между прочим, вскользь. Л. Пантелеев (А. И. Еремеев)— подлинный классик юношеской литературы, вовсе не замечен (как не замечали его долгие годы) за рядами более удачливых своих коллег, нареченных в гении, полугении и т. д. Другими словами, замечательный художник слова из-за невнимания со стороны нашего высокого литературного начальства — а потому и средств массовой информации — по существу вытеснен из сознания современных читателей. И Л. Пантелеев не одинок в этом отношении. Атмосферу подлинной книжной культуры, по моему глубокому убеждению, должен первоначально создавать творческий Союз писателей.

* * *

Произведение, которое читают, имеет настоящее; произведение, которое перечитывают, имеет будущее.

А. Дюма (сын)

Известный советский писатель Юрий Нагибин не был на заседании. Но его размышления

о роли книги в нашей культурной жизни, которые он предоставил нашему «Круглому столу», представляют несомненный интерес.

Юрий НАГИБИН: *«ИЗДАВАТЬ ЛИШЬ ТО, ЧТО ИМЕЕТ СПРОС»*

Книга движет историю, направляет общественную жизнь и народное чувство, формирует человека. И когда в силу тех или иных причин она перестает играть положенную ей судьбоносную роль, а нечто подобное уже случилось на Западе и отдаленно грозит нам, становится очень тревожно за будущее.

Конечно, прекрасно, когда книга хорошо издана. Не знаю, принадлежит ли Италия, где я побывал недавно, к великим полиграфическим державам, но от витрин книжных магазинов невозможно оторваться. Какие переплеты, какая бумага, какие краски, какая тщательность, нет, больше, любовь в каждой детали оформления! Как убого выглядят рядом с ними наши идентичные издания, кроме тех, сравнительно немногих, что предлагает «Аврора» зарубежным издателям. Но и дешевые издания расхожей беллетристики, так называемое вагонное чтиво, выглядят у итальянцев на редкость «аппетитно».

Само собой напрашивается такое рассуждение: там мало и вяло читают, издателям надо показывать товар лицом, чтобы их продукция находила хоть какой-то сбыт, а при нашей жадности к чтению... стоп! У нас тоже не все жадно читают, особенно в сельских местностях, иные лишь выдирают выкройки из женских журналов, на этот счет имеются точные и удручающие статистические выкладки. Но читателей у нас куда больше просто потому, что у нас неизмеримо больше населения. А вот если соотнести тиражи изданий с количеством потенциальных читателей, то обнаружится, что у нас едва ли не самые маленькие тиражи в Европе. Достаточно сказать, что «Советский писатель» книгу прозы издает, как правило, тиражом в 30 тысяч экземпляров. Соотнесем эту цифру с около 300-миллионным населением и сравним с 3-тысячным тиражом книги, изданной в Норвегии, где численность населения равна одному Ленинграду. Тогда станет ясно, что и сто тысяч — для нас капля в море и даже миллион.

Поэтому мне хочется говорить не о безобразном оформлении наших книг, а о самом главном — тиражной политике. Не знаю, применимо ли высокое слово «политика» к тому, что было бы правильнее назвать хаосом или еще проще — бесхозяйственной неразберихой? Почему у нас такие нищенские тиражи? Нет бумаги? Да как это может быть в стране с самым мощным лесным массивом в мире? Бумажного голода нет даже в странах, вовсе лишенных лесного покрова?

Беда в том, что у нас издается слишком много макулатуры. Бывают промашки даже у самых опытных издателей; книга, казалось, обреченная на успех, вдруг терпит фиаско, но я вовсе не о том. У нас сознательно и хладнокровно закладывается в план заведомая макулатура: книги и брошюры, а порой целые собрания сочинений в нескольких томах, о которых заранее известно, что они никому не нужны, кроме авторов.

А ведь все проще пареной репы: издавать надо лишь то, что имеет спрос. Но расплодилось неимоверное число членов СП, которые наряду с красной нарядной членской книжечкой обретают право жить от литературы, т. е. издаваться. А на самом деле такого права нет, ибо читатель не приемлет их писанину. Но разве заставишь вернуться к честному, полезному труду того, кто нюхнул типографской краски со страниц собственного творения?

Кроме того, есть такое уязвимое рассуждение: если идти на поводу у читателей, то придется издавать одну лишь приключенческую литературу. А не надо идти на поводу у такого читателя, пусть записывается в очередь в библиотеке на очередной «бестселлер».

РАЗГОВОР В «МИНИСТЕРСТВЕ КНИГИ»

Буквально на следующий день после встречи в редакции наш корреспондент был приглашен на пресс-конференцию, которую вел председатель Госкомиздата СССР М. Ф. Ненашев. И что же: многие вопросы, звучавшие на заседании в «Огоньке», совпали с теми, которые поднимали журналисты.

Временами создавалось впечатление, что об этих проблемах никто раньше не думал, что возникли они будто бы неожиданно. Но это, конечно, не так. Техническое отставание нашей полиграфической промышленности, низкое качество книжной продукции возникло не вдруг, а «накапливалось» годами, десятилетиями.

«Если на западе,— сказал М. Ненашев,— книга находится в производстве два-три месяца, то у нас два года».

Разве это темпы? Находясь в производстве, многие издания стареют, теряют свою актуальность, на корню перестают интересовать читателя.

А разговор о качестве оформления книжной продукции давно уже стал притчей во языцех. Или у нас нет замечательных художников-оформителей, дизайнеров книг? Конечно же, они есть! Не будем перечислять имен, скажем только, что благодаря их мастерству некоторые наши книги удостаиваются почетных дипломов на международных выставках.

И вообще создается впечатление, что у нас зачастую думают не о читателе, как таковом, конкретном, массовом, любящем книгу, а думают больше о чести мундира. Конечно, книги-лауреаты красивы, замечательны, изящны, они выполнены на уровне мировых стандартов, но где они, как их купить? Чей глаз они радуют? Или они выпускаются только для вящего престижа?!

Председатель Госкомиздата констатировал, что целое поколение читателей не имеет своего отношения к книге. Своего, личного, индивидуального. Это только кажется, что у нас все разбираются в книге, в том, какую книгу приобрести, а какую прочитать. Факты говорят: у нас покупают намного больше, чем читают.

На пресс-конференции (кстати, первой, отныне они будут регулярными) говорилось об улучшении службы социологии, которая как бы проявляет наши потребности в культуре, дает возможность в разрезе увидеть что есть что. Один из предметов социологического обследования: книга в семье — во многом нераскрытый резерв познания книги.

Только что Госкомиздат принял решение о переиздании произведений крупнейших русских историков С. М. Соловьева и В. О. Ключевского. Это радует! Если уж быть последовательным, дело теперь за изданием «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина. Ставим этот вопрос на повестку дня.

Актуальнейшая задача — наладить выпуск в больших объемах при больших тиражах самой различной справочной литературы. Ведь в ней нуждается практически каждый читатель, от мала до велика. Что-то в последнее время сдвинулось в этом плане. В частности, издаются тематические энциклопедические словари, «Лингвистический», «Юридический», «Демографический», краткие словари по профессиям для школьников, усеченные словари самых разных видов. Но работы здесь невпроворот.

Проблем много. Главное — желание что-то изменить, гласность, умение смотреть правде в глаза. Поворот к лучшему в наших книжных делах должен произойти. Но пока... Пока мы не только ждем решений и рекомендаций, но и предлагаем их сами.

Итак, от имени журнала «Огонек» и «Альманаха библиофила» мы обращаемся к Госкомиздату СССР, к Союзу писателей СССР, ко всем заинтересованным организациям и ведомствам.

Не пора ли принять закон, предусматривающий недопустимость искажения классических произведений литературы!! Ведь существует закон об охране памятников архитектуры и живописи!

Нельзя ли на «Роман-газету» установить прежнюю, значительно меньшую цену!

Как быть с предложением о создании нового издательства (или слиянии нескольких существующих) под условным названием «Русская литература и история»!

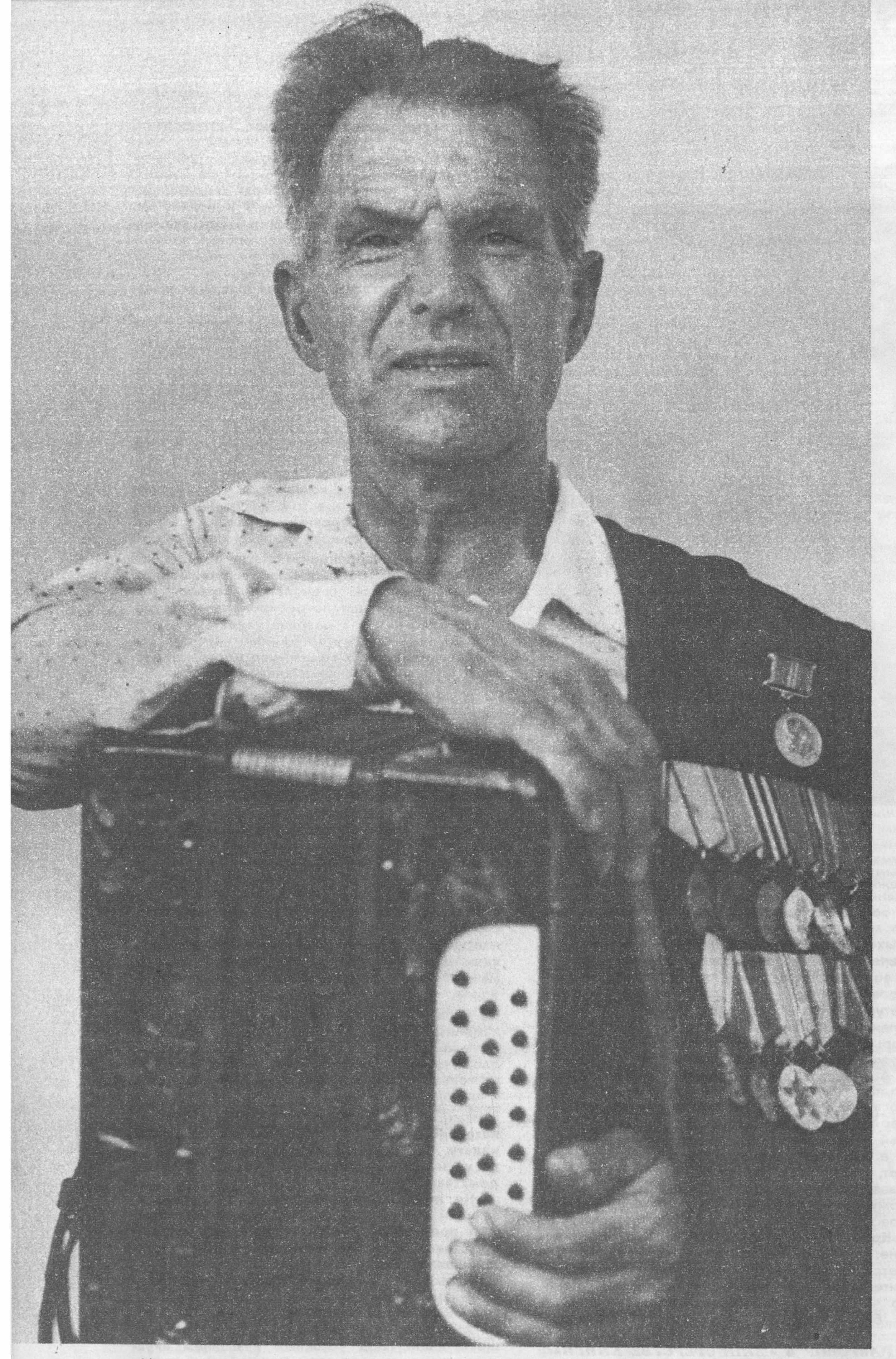
Нельзя ли организовать в Москве, Ленинграде, в двух-трех крупных городах страны магазины коммерческой книги!

Кооперативное издательство! Когда оно откроет свои двери авторам!

Чтобы и в дальнейшем контролировать претворение в жизнь хотя бы некоторых предложений участников заседания клуба «На «Огонек», а также многочисленных читательских пожеланий, через определенное время мы вновь соберемся для продолжения дискуссии.

А нашим читателям, всем книголюбам мы обещаем вести заинтересованный разговор на страницах журнала. Приглашаем принять в нем участие тех, кому дороги судьбы книги — величайшего создания человеческого разума.

Публикацию подготовил Феликс МЕДВЕДЕВ.

Михаил Егорович Леонидов.

З. КРЯКВИНА,
фото Д. ДЕБАБОВА

Школьное варенье

Березовский школьный сад — детище учителей Леонидовых! И, конечно, нескольких поколений их добровольных помощников, отзывчивых и благодарных. Михаил Егорович четверть века здесь директорствовал, сейчас — на пенсии. Но со школой не порывает — как можно! Учит, как и учил, ребят истории. А жена, Римма Васильевна,— биолог. Орденоносец она...

Березово раскинулось на челябинских землях, на пригорке у слияния двух речек — Уй и Тагузак. Что означает название первой речки, узнать так и не удалось, а Тагузак по-русски «Семь ручьев». Текут речки, петляя, то разливаются протоками, то будто замирают, образуя тихие заводи. А недалеко от села бьет ключ. Говорят, даже большому морозу остановить его не под силу.

Восьмилетняя школа видна издалека и не только потому, что двухэтажное здание стоит на самой макушке пригорка, особняком от сельских улиц,— школу широким кольцом окружают деревья.

Ворота школьные оказались открытыми, а на крыльце толпились мальчишки. В школе вовсю готовились к учебному году. Пахло краской, стружками, свежей побелкой. Спросила ребят, как найти Леонидовых.

— А вон их дом! Сразу за школой,— показал парнишка.— Алешка, к вам,— подтолкнул он вперед розовощекого мальчика.— Проводи!

К дому вела хорошо протоптанная тропинка. Дом Леонидовых просторный. Аккуратная поленница, навес для сена. Алеша еще из сеней закричал: «Бабушка, к нам гости».

— Гость на порог — хозяину радость. Проходите, пожалуйста,— поднялся навстречу Михаил Егорович. Невысокий, подвижный, с проседью в темных волосах. Глаза приветливые. Улыбаясь, из второй комнаты вышла с шитьем миловидная Римма Васильевна. Алеша прижался к бабушке.

— Ну, не балуй, не балуй,— ласково повторял дед.

— Бабушка говорит, что это ты меня балуешь.

Так состоялось знакомство.

Потом мы пили чай с медом. Мед у Леонидовых свой, только что накачали. Говорили о школе, о детях, о воспитании. Из сеней тянуло прохладой, на дворе моросил дождь. В окна заглядывали и словно просились в тепло гроздья рябин.

...Еще каких-нибудь лет тридцать назад в Березове садов не было. Но вот приехали сюда Леонидовы и посадили у школы первые деревья. И пошли скоро по селу саженцы и черенки. Теперь у многих здесь «леонидовские» вишни, крыжовник, жимолость, смородина... В шестидесятые годы начали строить новую школу, а Михаил Егорович и Римма Васильевна сразу же приступили к разбивке сада. После уроков, вооружившись лопатами, ребята вместе с учителями шли на пустырь, сажали первые саженцы...

Много с тех пор воды утекло. Разросся школьный сад. По весне гудят в нем пчелы, летом и осенью здесь собирают спелые ягоды, яблоки. Ребята, которые ухаживали за первыми деревьями, уже сами папы и мамы, и теперь в школьном саду хозяйничают их дети. Как-то осенью собрались выпускники. Прошлись по саду, радовались, что многим этим тополям и березам они дали жизнь. Михаил Рудаков вспомнил, как сомневались его одноклассницы Галина Тишкина и Саша Минина, вырастут ли на такой пустоши деревья, не посохнут ли. А Михаил Егорович, помнится, убеждал их: конечно же, посохнут, если не глядеть во все глаза за деревцами и в летнюю сушь полениться привезти бочку воды...

Пошли посмотреть нынешний школьный сад. Он и впрямь велик — шесть гектаров! Я еле поспевала за Риммой Васильевной и Михаилом Егоровичем, которые сворачивали то в одну, то в другую аллею. «Вишня. Китайка. Дичка, культурная,— комментировала Римма Васильевна.— Ни одна из них не похожа на другую, и каждая хороша! Пробуйте».

За беседой вышли в парк Победы, сразу за ним еще сад — сад Ильича, посаженный в честь 110-й годовщины со дня рождения

В. И. Ленина. Чуть дальше — вишневая аллея, память о пионерском юбилее...

— Смотришь, как ребята в саду возятся,— говорил Михаил Егорович,— и светлеет на душе. Настоящие хозяева. Не было случая, чтобы кто-то сломал дерево, нарвал без нужды цветов или, хуже того, зелеными ягоды оборвал...

— Ну, а когда ягоды, яблоки, овощи поспеют, их куда?

— Да им же, ребятам! Все, что выращивается,— в школу,— объяснила Римма Васильевна.— Картошкой полностью обеспечиваем школьную столовую. Салаты из огурцов и помидоров у нас до ноября. Потом идут в ход маринованные огурцы и томаты. Варенье варим. Солим, консервируем...

— И со всем этим управляетесь?

— Еще как! Сад немаленький, а в школе пока всего семьдесят два ученика. Те, что постарше, еще и в совхозе работают, по договору, обрабатывают три гектара картофеля да на ферме помогают. А может быть, от работ в совхозе школьников следует освободить? Пусть занимаются только садом. Например, вагановские ребята, нашего же Октябрьского района, выращивают утят и получают за это немалые деньги. А мы? Наша школа тоже могла бы выращивать пять-шесть тысяч саженцев! И декоративных, и плодовых! И продавать населению... Если ученик работает в саду не три часа, как положено, а больше, почему же ему не заплатить за труд?

Действительно, стоит задуматься. Если пока школа варит варенье для собственных нужд, если ребята пока только лакомятся ягодами, то через несколько лет они со своим урожаем не справятся. Желающие купить фрукты, конечно, найдутся. А вот ухаживать за большим плодоносящим садом, выращивать, а главное, сохранять плоды с каждым годом труднее. Сад разрастается, ширится, входит в пору зрелости. Совсем скоро потребуют рабочих рук кусты боярышника и рябины, их разных сортов и возрастов в саду более 200 корней, кому-то надо будет собирать лекарственное сырье. Недавно здесь организовано школьное лесничество, а Михаил Егорович Леонидов теперь еще и главный лесничий. Хлопот всем прибавилось. Ребята взяли на себя охрану ста шестидесяти гектаров насаждений. Собрали почти четыреста килограммов сосновых шишек в прошлом году, а нынешней весной заложили питомник для будущего леса. Шефы — Октябрьский лесхоз — наставник заботливый. Школьники получили в подарок мотоблок, шланги и лейки для полива.

Березовские мальчишки и девчонки, воспитанные в леонидовском саду, народ трудолюбивый. При встрече говорили наперебой. Поделились мечтой украсить улицы села рябиновыми аллеями, а по берегам окрестных речек насадить черемуху с боярышником. Показали овраг, что в шести километрах от села, где они уже посадили сосны и кустики боярышника у самой речки.

Возвратившись из близкого похода в школу, мы пили чай с вареньем из ревеня. Здешние ребята отдают ему предпочтение, считают самым вкусным. Девочки рассказывали, как приготовить из ревеня компот, кисель, как печь с ним пирожки. Назвали и лучших мастериц по этой части. Самую тонкую работу делает Петровна — так в шутку называют домовитую Нину Важенину. Нина уже окончила восьмилетку, но помочь сварить варенье не отказывается.

Летом в саду впервые плодоносила жимолость. И ребята сварили на пробу необычно красивое сине-фиолетовое варенье с приятной горчинкой. Пришлось полазить по книгам, поискать рецепты... Зато варенье удалось. Более двухсот килограммов варенья наварили! Из вишни, смородины, крыжовника, яблок, ревеня, жимолости... Ароматное и вкусное, оно украшает любой праздничный стол.

Березовским ребятам можно позавидовать. У них хорошие учителя. Главное их желание — передать детям все, чем сами богаты, научить беречь все живое, радоваться окружающему зеленому миру, работать на земле. Нет для Леонидовых большего удовольствия, чем самим покопаться в саду, подышать вольным воздухом, посадить, пересадить, подрезать, окопать... Тому же учат ребят. И взрослые с благодарностью помнят эти уроки. Мне довелось встретиться со многими учениками Леонидовых в районе. Среди них и учителя, и врачи, и партийные работники. Но чаще всего ученики Леонидовых связывали свою жизнь с землей, с работой на земле — в поле, саду, огороде. Примечательно, что все руководители Березовского отделения совхоза имени Ленина — выпускники здешней восьмилетки.

...Когда я попросила рассказать Леонидовых о себе, Римма Васильевна принесла альбом. На первой странице три девчушки в белых халатах. Посреди с длинной косой она, Римма.

— Мои подружки по фельдшерско-акушерской школе, воспитанницы Каслинского детского дома. После учебы пришлось расстаться.— Римма Васильевна показывает фотографии подруг, их детей и внучат.

— А вот Михаил Егорович в молодости. Секретарь Каракульского райкома комсомола... Тогда мы и познакомились, вскоре поженились и приехали сюда, в Березово. Мишу направили директором школы, а я с ним.

— Сын Женька! Продолжатель династии. Пединститут закончил в Челябинске, историк, учительствует в нашем районе.— Михаил Егорович протягивает фотографию сына.

А вот и он сам в детстве, Миша Леонидов. Без отца рано остался. Еще паспорта не получил — война началась. Пошел в трактористы. Через год призвали. Попал на фронт, дошел до Берлина, награжден орденом Красной Звезды, боевыми медалями. Жаль, на рейхстаге не расписался: День Победы встретил Михаил Леонидов в госпитале, а домой вернулся инвалидом. О тракторе не могло быть и речи. Стал комсомольским вожаком, заочно учился в педагогическом институте.

— А вот на этой фотографии просто счастливый весенний день,— говорит Михаил Егорович.— Мы с Риммой пришли в свой сад. Мне кажется, что у нас и дня без радости нет.

Сад для учителей Леонидовых — и жизнь, и любовь, и память. Любовь к уральскому краю, к той земле, где они живут и трудятся. Их мечта, чтобы сад цвел всегда, чтобы каждый, войдя в него, ощутил себя школьником, вспомнил, как по весне парила земля и лопались почки на тополях, как потом летел тополиный пух и сдували мальчишки июньский снег с девичьих кос...

Сегодня варенье варят Таня Вешкина, Наташа Жевайкина, Галя и Наташа Кузяевы.

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧТО СДЕЛАНО?

КАЧЕСТВО, ЭСТЕТИКА, АССОРТИМЕНТ...

Садово-огородного инструмента много, а нередко так бывает, что выбрать нечего. То из плохого металла сделана лопата или грабли, то выглядят они так, что в руки брать не хочется... Об этом говорилось в экономических заметках «Коса на камень». На публикацию пришли отклики: и от читателей, и от ведомств, заинтересованных (как нам казалось) в решении вопроса. Часть писем опубликована в обзоре «Коса на камень» («Огонек» № 28, 1986 год). Мы публикуем полученное редакцией письмо Роспотребсоюза.

Министерство тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР пока отмалчивается...

Поднятые экономистом Р. Антоновой в «Огоньке» вопросы актуальны. Вырабатываемый в настоящее время ручной садово-огородный инвентарь не отвечает современным требованиям. Министерство тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР, ответственное за состояние и развитие производства сельскохозяйственного инвентаря, не уделяет должного внимания вопросам качества, эстетики да и координации производства этих изделий; например, выпуск граблей металлических ведется на 100 предприятиях более 15 различных министерств и ведомств.

Роспотребсоюз неоднократно обращался в Минсельхозмаш СССР да и в другие министерства с конкретными предложениями по улучшению качества садово-огородного инвентаря, просил об освоении лучших образцов (как в объединении «Васар»), настаивал на том, чтобы уменьшили вес лопат и покрывали их антикоррозийными эмалями. Таким предприятиям, как куйбышевская «Строммашина» и Волгоградский судостроительный завод, следовало бы выпускать лопаты по образцам Курского завода технологического оборудования.

В публикации правильно дана критическая оценка и мотоблокам, которые выпускают предприятия Минавиапрома СССР. Медленно решаются вопросы выпуска навесных орудий к мотоблокам и комплектной их поставки. Мало тележек, косилок, плугов, а кормодробилки, картофелекопалки, насосные установки, ямокопатели (при устойчивом спросе на них) к выпуску даже не предусматриваются.

Оптовая ярмарка по продаже товаров на 1987 год и четырехлетний опыт торговли изделиями по уходу за скотом и птицей в личных подсобных хозяйствах показали — эти товары не отвечают требованиям сельского покупателя. Они громоздки, тяжелы, очень велики и некрасивы. Вот доильный агрегат, он весит 48 кг, мыть его трудно, нужно много воды, а водопровод-то в сельской местности есть далеко не всюду. Еще примеры: накопитель кормов весом 30, дробилка фуражного зерна — 37,4 килограмма, а выполняет только одну операцию.

Следовало бы, в том числе и с целью повышения конкурентоспособности этих товаров, провести четкую специализацию производства садово-огородного инвентаря, скоординировать его выпуск на тех предприятиях, которые могут делать хороший инструмент, исключить дублирование одних и тех же изделий несколькими предприятиями. Надо бы не только унифицировать, но и комбайнировать малую технику, то есть дать широкий набор различных насадок. Скажем, доильный агрегат может быть совмещен с сепаратором, с маслобойкой. И, конечно же, следует повысить эксплуатационные качества мотоблоков, мотокосилок, электроинкубаторов, доильных и стригальных агрегатов и другой техники, потому что качество — это главный вопрос.

А. ДОМАНОВ,
заместитель председателя правления Роспотребсоюза

УТРО НА КАСПИИ

Таир САЛАХОВ,
народный художник СССР, академик живописи

Ренато Гуттузо с поистине итальянским темпераментом поведал мне о встрече с молодыми художниками в Риме:

— Эти славные юноши и девушки были очень восторженны, увлечены своими идеями: «Мы хотим поднять искусство на космическую высоту. А вы, Ренато, как относитесь к этой мысли?»

— Я ответил, что давно неравнодушен к звездам. Но писать буду то, что хорошо знаю и люблю. Или ненавижу. На планете еще много нерешенных человеческих проблем. Мы далеко еще не исчерпали земные темы...

Вспоминая этот рассказ Ренато Гуттузо, думаю, как он прав.

Канун нового тысячелетия, до которого рукой подать, крайне сложен. Восьмидесятые годы XX века требуют от художника выбора, ответа на вопросы, которые волнуют род людской... И, по совести, хотя я объездил нашу огромную Родину и повидал немало зарубежных стран, все же больше всего, с охотой и любовью, вот уже тридцать лет пишу мой Азербайджан, своих земляков. Наверно, в этом есть логика.

Это зов сердца.

Баку. 1938 год. Библиотека имени Белинского. До сих пор не могу себе простить, что запамятовал имя пожилой русской интеллигентной женщины-библиотекаря. Хотя зримо вижу строгий пробор в седых волосах. Черное скромное платье. Узкий кружевной воротничок. Тонкие руки с голубыми прожилками. Отложные мягкие манжеты. Это от нее я впервые получил потертый, истрепанный томик Пушкина. И потом не счесть сколько книг... И каждый раз, глядя на меня прозрачными серыми глазами, она тихо говорила:

— Таир, пожалуйста, когда прочтете книгу, попытайтесь сделать иллюстрации. Прошу вас.

Мне, десятилетнему мальчишке, в первый раз сказали «Вы». В те нелегкие годы я остро почувствовал внимание. И, самое главное, поверил в достоинство человека.

Началась война. Чтобы помочь маме, я работал художником в Парке культуры имени Сергея Мироновича Кирова. 1943 год. В Баку затемнение. Комендантский час. Рисовал на асфальте масляной краской афиши и плакаты. Обычно ночью. Помню, светит луна, звезды. Мрачные, безглазые дома окружают парк. Только военные патрули проходят, пошутят, угостят хлебом. До сих пор порою чую запах олифы и еще теплого, от дневной жары, пыльного асфальта. Так нестираемо живучи страницы детства.

1951 год. Исполнилась мечта. Я студент Института имени Сурикова в Москве. Позади трудная юность. Вместе с Михаилом Савицким, Павлом Никоновым, братьями Александром и Петром Смолиными — задорными, энергичными,— упорно занялись штудией. Натура, эскизы композиций, этюды. Само время заставило нас осознать, искать новые, может быть, более суровые, сдержанные, а иногда романтические решения.

Благодарен судьбе, что она свела меня с Александром Александровичем Дейнекой. Он не был моим профессором. Я работал в мастерской Петра Покаржевского. Но Дейнека на старте моего движения в искусстве сыграл кардинальную роль. Особенно ошеломляющее впечатление произвела на меня его персональная выставка. Мир Октябрьской революции, гражданской войны, строек первых пятилеток с их искрометным пафосом и самоотдачей, страницы Великой Отечественной. И рядом в экспозиции спортивная юность, свежесть.

В 1959 году произошел случай, который не забуду.

Как-то утром по привычке — а я уже окончил институт — зашел в мастерскую к дипломникам-монументалистам.

Вдруг распахнулась дверь. В темном проеме четко читалась фигура Дейнеки в светлом спортивном костюме. Он стоял и молча наблюдал... Пружинисто подошел к дипломным холстам. Скрестил руки. Брови его поднялись и сдвинулись. На лбу залегла складка. Твердо сжал губы.

Мастер был в хорошем настроении. Вернулся из Ленинграда, где ему удачно выложили мозаику.

Внезапно высоким теноровым шепотком он сказал:

— Ребятки. Пора поднажать. Времени мало.

Подошел к стулу. Сбросил пиджак. Взял чью-то палитру.

Три часа работал Дейнека.

Мы глядели, затаив дыхание, как загорались колера, как креп рисунок, как осмысленней и динамичней становилась сама композиция.

Это была школа.

«Новое море». Я написал картину в 1970 году. Мне хотелось показать большое событие, как не просто официозный праздник с кумачовыми лозунгами, духовым оркестром и поздравлениями с успехом. Я пытался отразить серьезность, глубинную значительность свершенного.

Пошла первая вода. Хлынула лавина белоснежной влаги. Буйной, хотя покоренной. На бетонных цокольных контрфорсах — строители. Они задумчивы. Почти смущены тем, что создали. Но в них затаена гордость. Ведь даже капля воды в Мингечауре — алмаз.

А тут море...

Мне пришлось побывать и работать на стройках гигантских гидростанций. И много узнать интересного. Поэтому мечталось, чтобы в полотне не было парадности, показной шумихи. За плечами этих людей — бездна труда. Бессонные ночи. Авралы. Тревоги и радости общего большого дела. Они умны и строги к себе.

Хозяева земли.

...Каспий. Ушла пора, когда лишь рыбачьи сейнеры, яхты, торговые корабли бороздили море. В открытой бурной акватории на глубине шло бурение и добыча нефти. Шельфы, острова на плаву. Эти заводы на стальных сваях работают среди непредсказуемо коварной стихии. Шквальные ветра. Штормы.

Рыцари труда: в негнущихся, похожих на латы, робах, в массивных, тяжелых сапогах. Мастера новой техники. Нефтяники. Колючая оболочка не может скрыть их сути. Простодушия, мужества, доброты.

Деталь для художника бесценная. Часто видел, как по эстакаде или платформе наперекор ветру шагает рабочий. В тяжелой горсти нежно несет розу.

Кстати, цветы, и не только розы, выращивают сами нефтяники в своих садиках на нашей пепельной тяжелой огненосной земле.

Начиная с 1957 года, когда написал диплом «С вахты», на всю жизнь предан теме Апшерона, Каспия, романтике труда. «Утренний эшелон», «Нефтяник», «Ремонтники», «Женщины Апшерона» — все эти и другие картины как бы части большой сюиты.

«Утро на Каспии»— продолжение...

...Машина мягко катила вдоль кромки песчаной косы. В лучах зари пригородные пляжи казались безлюдными. Правое колесо автомобиля касалось моря. Вихрь брызг вздымался к сумеречному небу.

Как аккомпанемент безудержному движению, буквально из-под колес взлетали чайки. Блеснув ослепительно белыми, чуть окрашенными восходом ломкими крыльями, они стремительно уходили далеко к горизонту. Туда, где маячили нефтяные вышки.

Крики чаек, то тоскливые, то озорные, тревожили душу. Вспоминалось детство, когда бродил такой же ранью по песку. Мои следы на пляже оставались лишь на миг. Накат смывал их.

Картину «Утро на Каспии» готовил долго. Писал эскизы, этюды. Рисовал. Но потом настал момент, когда утро, крики чаек, катера, нефтяники, вышки, эстакады, розы в крепких руках сошлись вместе. Родилась тема.

Спокоен кряжистый парень в брезентовой куртке. Его мысли еще дома. Рядом с женой, детьми. Впереди напряженный рабочий день. Кричат чайки. Медленно, неспешно плывут громады облаков.

Мне хотелось, чтобы зритель услыхал лейтмотив холста — голос моря, гармонию труда и Человека.

Лейтмотив. Гармония... Меня иногда спрашивают: почему вы так много изображаете композиторов?

Я горжусь, что мне уделил время великий Шостакович. Я писал его уже неизлечимо больным, но он позировал.

Узеир Гаджибеков, Кара Караев, Фикрет Амиров.

Скажу прямо, я не мыслю живопись без ощущения ритма, звучания времени.

Кажется, Леонардо сказал, что музыка и живопись — сестры.

«Агава». Это растение выхаживала моя мать. Простая женщина из апшеронского селения. Она родилась там, где и ныне стоят древние храмы огнепоклонников. Где дома сложены из грубых камней. Моя матушка Сона-ханум была человечна, ласкова, невольно, глядя на агаву, ощущаю, как росли мы, пять малышей, под ее крылом. Вижу сегодня ее светозарное морщинистое лицо. Ее руки, не знавшие отдыха. Нет ее ныне. Стоит красный стул, на который, бывало, она присядет на минутку.

Почему оказался фонарь на шершавых каменных плитах? Не знаю. Может быть, свет, который он несет, укрепляет смысл этого полотна...

Думается, в искусстве нет малозначительных тем, если они отражают жизнь. Натюрморт, казалось, наиболее статичный жанр в живописи. Однако взгляните на корявые, истоптанные «Башмаки» кисти Ван Гога — это поистине страшный рассказ о безысходной судьбе Мастера. Но посмотрите на вангоговские «Подсолнухи», и вы увидите в них пылающее солнце Прованса, поймете неумирающую вопреки всем невзгодам мечту живописца о добре и красоте.

...Всегда верю в молодежь. В ее талант. Связь со своим временем. Стараюсь понять и почувствовать ощущение молодыми эпохи. Учусь у них дерзости, поиску.

Вспоминаю слова Мартироса Сарьяна: «Вот говорят молодежи: дерзайте! А потом сравнивают их картины с фотографиями».

Наверное, надо не забывать быть более чуткими к новациям, к мечте. Без мечты нет искусства.

Мы живем во время, когда дерзание, инициатива, гласность, мастерство приобретают особое государственное значение. Мы должны «прибавить» и в искусстве... Выйти на завтрашние рубежи художественности.

Меня на днях потрясли строки, прочитанные у Александра Блока: «Растет передо мною понятие гражданин, и я начинаю понимать, как освободительно и целебно это понятие...»

Как современно звучат эти вещие слова поэта!

В. Сидоров. Род. 1928. ТИХАЯ МОЯ РОДИНА. 1981—1985.

Всесоюзная художественная выставка.
«Мы строим коммунизм».

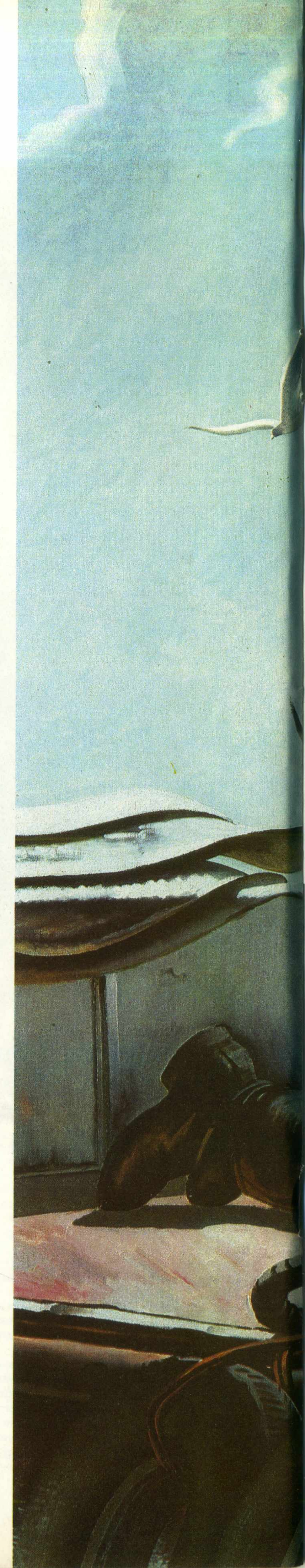
НОВОЕ МОРЕ.

Т. Салахов. Род. 1928. УТРО НА КАСПИИ. 1985.

Всесоюзная художественная выставка. «Мы строим коммунизм».

АГАВА. 1981.

Е. Широков. Род. 1931. ПОРТРЕТ ЛЮДМИЛЫ ЧУРСИНОЙ. 1983.

Всесоюзная художественная выставка. «Мы строим коммунизм».

На страницах «Огонька» не раз появлялись публицистические очерки известного советского писателя Цезаря Солодаря, которые стали основой его антисионистских книг, таких, как «Дикая полынь», «Темная завеса», «Лицемеры», «Укрыватели».

Цезарь Солодарь много сил отдает борьбе с сионизмом во всех его проявлениях, является членом президиума Антисионистского комитета советской общественности. Многие его публицистические книги направлены на разоблачение расистской сущности современного сионизма — как израильского, так и международного. В предлагаемом читателям очерке автор вновь обращается к этой злободневной теме и раскрывает чудовищные преступления сионизма, грязную ложь сионистской пропаганды, лицемерие израильского правительства.

паутина

Цезарь СОЛОДАРЬ

РАСИСТСКИЕ «ПРОСВЕТИТЕЛИ»

Уругвай. Мрачная пора военной диктатуры. По произволу политической полиции в тюремный каземат брошена группа молодых борцов с реакционным режимом. Юношей и девушек жестоко пытают.

Тюремный надзиратель приходит к молодым узникам еврейского происхождения с совершенно неожиданным предложением: «С вами хочет побеседовать раввин. Согласны?»

Вспыхивает надежда: а вдруг посещение раввина заставит полицейских отказаться от очередной пытки! И заключенные соглашаются «принять» раввина.

Он, оказывается, приехал из Соединенных Штатов. Цель его проповеди, сдобренной изрядной порцией расистских ламентаций,— пробудить в брошенных за решетку молодых уругвайских евреях «священное чувство национального долга» и убедить их выступить в защиту... советских евреев. Перед заключенными, которых вскоре ждут новые пытки, гость проливает крокодиловы слезы сочувствия «угнетенным» советским евреям.

Бредовая выдумка? Дурной анекдот? Нет, истинная быль.

Об этом во время встречи с активистами Антисионистского комитета советской общественности рассказали участники уругвайской делегации на XII Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве.

И сразу мне вспомнилось короткое газетное сообщение, которому я, признаюсь, поначалу не придал особенного значения. Одна из толщих газет бельгийских сионистов, «Ниве Исраэлитише веекблаад», нескрываемо восторгалась «достойной подражания» инициативой нью-йоркского (головного и самого богатого!) филиала так называемого Сохнута, ведающего перекачиванием евреев из стран «рассеяния» в Израиль: сохнутовцы стали привлекать к просветительским поездкам в страны Латинской Америки опытных пропагандистов «из культурных и религиозных сфер евреев». Задачи нью-йоркских «просветителей» с позиций бельгийского сионизма самые благородные: воскрешать в еврейской молодежи латиноамериканских стран «высокое понимание израильских интересов»; напоминать им об исторической неизбежности грядущего "объединения богоизбранной всемирной еврейской нации»; сеять в них «зерна понимания необходимости общенационального противостояния евреев всего мира соседним с Израилем государствам», наконец, призывать латиноамериканских евреев к «защите евреев стран Восточной Европы».

Если эту высокопарную галиматью пересказать простыми и ясными словами, задачи пропагандистских десантников из среды нью-йоркских сионистов в странах Латинской Америки не ограничиваются только попытками убедить тамошних евреев решиться на переезд на «родину отцов». Нет, просветители из Сохнута стремятся еще отравить латиноамериканских евреев, прежде всего молодежь, ядом расизма.

Разве сев злокозненных «зерен» антиарабской израильской экспансии — это не откровенно расистские намерения сионистов вовлечь евреев всего мира в осуществляемое израильской военщиной истребление «враждебных» и «неполноценных» палестинцев и ливанцев! Разве не с расовых позиций призывал нью-йоркский раввин заточенных в тюрьме молодых уругвайских евреев участвовать в противоправном вмешательстве во внутренние дела стран социалистического содружества! Разве сохнутовский просветитель не дал понять жертвам уругвайской военной диктатуры, что самый гарантированный для них путь освобождения из тюремного каземата — это стать антисоветчиками и выступать «в защиту советских евреев»!

Конечно, у сохнутовских «просветителей», как у всех сионистских пропагандистов, есть еще одна — возможно, наиболее коварная — цель. Они стремятся завербовать, рекрутировать, высосать из «стран рассеяния» в Израиль побольше неимущих и безработных евреев.

В ПОГОНЕ ЗА «НЕКАПРИЗНЫМ» ПУШЕЧНЫМ МЯСОМ

Только неимущих и безработных? Да, на деле выходит именно так. И прежде всего потому, что состоятельных никакими коврижками в «страну отцов» не заманишь. Впрочем, иммиграции в Израиль персон из «высоких сфер» не очень-то добиваются и сами израильские сионисты. Им с избытком хватает собственной классовой и расовой элиты, избалованной и развращенной всякого рода поблажками и привилегиями. Им нужно «некапризное» пушечное мясо. Им нужны неприхотливые, заранее согласные на все иммигранты для военизированных поселений на оккупированных арабских землях.

Израильское информационное агентство Итим сообщило, что «в январе — марте 1985 года в страну прибыло на несколько сот латиноамериканских олим [1] меньше, чем в те же три месяца прошлого года». Сказано весьма и весьма расплывчато. Особенно если учесть, что за тот же срок бегство из Израиля бывших латиноамериканцев (впрочем, как и коренных израильтян) неизмеримо возросло. Но об этом агентство Итим предпочло умолчать.

Какие причины заставляют израильских граждан бежать из страны? Те же самые, по каким граждане еврейского происхождения других стран не желают переселяться в Израиль. Среди этих причин далеко не последнее место следует отвести паутине расизма, все гуще опутывающей страну. Тяжелый груз расистского гнета испытывают на себе не только арабы, но, как читатель сможет убедиться, и определенные круги еврейского населения.

ПУТЬ, ОБАГРЕННЫЙ КРОВЬЮ

Очень любят сионисты разглагольствовать о «кровных узах».

Но с этими узами что-то у них не получается. Для тех, кого они самовольно берут под свою опеку, навязанные узы становятся путами, тисками, кандалами. А вот кровь сионисты действительно проливают без зазрения совести — таков страшный результат массового терроризма, захватнических войн и карательных акций, ставших неотъемлемыми чертами политики руководимого сионистами государства.

Расизм повел Израиль по пути, обагренному кровью. Этот античеловечный путь неоднократно осуждали и осуждают Организация Объединенных Наций, конференции руководителей неприсоединившихся стран, международные встречи неправительственных организаций по вопросу о Палестине, Международная комиссия по расследованию израильских преступлений против ливанского и палестинского народов, Всемирный Совет Мира, многочисленные международные форумы.

Напомню, что десять лет тому назад, в ноябре 1975 года, Генеральная Ассамблея ООН в резолюции № 3379 признала, что «сионизм представляет собой угрозу международному миру и безопасности и форму расизма и расовой дискриминации».

С той поры израильский сионизм стал еще более откровенным и оголтелым. Ныне даже в самом Израиле проводят аналогии с Германией тридцатых годов, открыто ораторствуют о неотложной нужде в «сильном человеке» фюрерского типа (Бегин и Шарон, дескать, еще не доросли), констатируют порожденную кровавыми захватническими войнами моральную деградацию в обществе, иными словами, признают наличие весьма питательной почвы для фашизма.

С того времени, когда Генеральная Ассамблея ООН приравняла сионизм к расизму, Международная комиссия по расследованию преступлений Израиля против ливанского и палестинского народов неоднократно приводила в своих мотивированных документах перечни расистских деяний израильской военщины, адекватных по своей сути методам и целям гитлеровскому геноциду, в частности в отношении евреев.

Вот только один короткий отрывок из выступления члена международной следственной комиссии, анализировавшей расистский характер военных преступлений израильских войск в Ливане и лагерях палестинских беженцев.

«Впервые со времени окончания второй мировой войны происходят подобные ужасные преступления, воскрешающие в памяти злодеяния нацистов в отношении всех народов Европы и в особенности против тех, кто сейчас сам использует их методы и повторяет их страшные

[1] Так в Израиле называют прибывших в страну иммигрантов.

ошибки,— отмечает греческий юрист Эвангелос Махера,— к сожалению, правителей Израиля ничему не научили страдания своего народа, и сейчас они пытаются уничтожить палестинский и ливанский народы, не проводя различия между военными и теми, кто не способен себя защитить: стариками, женщинами, детьми, больными и ранеными».

О некоторых из этих преступлений упоминают «Выводы третьего заседания Международной комиссии по расследованию преступлений Израиля против ливанского и палестинского народов», проходившего в марте 1985 года в Бонне. Читая эти выводы, я не мог не вспомнить обвинительное заключение на процессе главных нацистских преступников в Нюрнберге. Как говорится в воззвании той же комиссии, «40 лет спустя мы являемся свидетелями того, что некоторые бывшие узники лагерей смерти превратились в военных преступников, попирающих права человека и резолюции международных организаций. Трудно поверить, но это так: среди тех, кто сегодня с расистских позиций угнетает и истребляет арабов, имеются люди, сами испытавшие кошмар фашистских лагерей».

А ныне подчиненные этим людям войска... Впрочем, обратимся к «Выводам»:

«Международная следственная комиссия особенно обеспокоена следующей преступной практикой, которая **АНАЛОГИЧНА** (подчеркнуто мной.— Ц. С.) действиям фашистской армии:

— оцепление деревень;

— продовольственная блокада этих деревень;

— облавы, прочесывание целых районов и обыски в домах, в ходе которых оккупанты не щадят ни школ, ни святынь, ни больниц;

— массовые аресты, затрагивающие также детей, стариков и беременных женщин;

— взрывы и разрушения бульдозерами домов ни в чем не повинного мирного населения;

— обстрел оккупантами гражданских лиц, а также иностранных граждан, журналистов и военнослужащих из контингента ООН;

— пытки и расстрел гражданских лиц по приговорам военно-полевых судов;

— расстрел раненых бойцов сопротивления по приговорам военно-полевых судов».

Этот сжатый перечень военных преступлений сионизма, аналогичных преступлениям фашизма, относится, заметьте, только лишь к действиям израильской армии в месяцы, предшествовавшие ее так называемому «поэтапному отходу» из Южного Ливана. Если же перечислить все акции сионизма, равнозначные варварским действиям нацистских извергов в пору второй мировой войны, потребовалось бы несколько страниц.

Расистские акции сионизма в Ливане и на ранее оккупированных арабских землях неоднократно осуждала ООН. Иногда даже администрация Соединенных Штатов вынуждена была выступать с осуждением наиболее махровых расистских деяний своего ближневосточного жандарма и стратегического союзника.

Какие же контраргументы выдвигает сионизм? Прежде всего истерические вопли о традиционном «равнодушии» народов Европы к судьбам евреев. И нагло отваживается придавать этому мифическому «равнодушию» чуть ли не расистский оттенок. Словом, вор орет: держите вора!

ПРИЗНАНИЯ ПРОЗРЕВШИХ

Чудовищность преступлений сионизма начинают осознавать и многие израильтяне даже из среды военнослужащих. Можно назвать полковника Дова Иермию, профессионального военного, участника всех нападений Израиля на арабские страны. Когда летом 1982 года началось вторжение израильских войск в Ливан, Иермия, будучи резервистом, поспешил попроситься в действующую часть, точнее — в специальный (имеется в виду карательный.— **Ц. С.**) отряд «по работе с гражданским населением ливанского юга».

Увиденная Иермией «работа» отряда потрясла его. Избиения подозреваемых, расстрел без суда и следствия «уличенных», изощренные пытки захваченных в плен, обстрел из бронетранспортеров и танков больниц и родильных домов, разрушение бульдозерами мирных жилищ, издевательства над ранеными, рыдания матерей, жен и детей убитых ливанцев — все это пробудило в нем человеческие чувства. Поняв, насколько сильно опутали сионисты израильскую солдатню паутиной расизма, Дов Иермия начал вести дневник — неоспоримое свидетельство зверств оккупантов. Эпиграфом к этому впервые изданному во Франции дневнику можно поставить признание самого же Иермии: «Мы превратились в дикую орду, для которой огонь, разрушение и смерть стали второй натурой».

Но вернемся еще к одной страничке огромного и впечатляющего дневника, к заседанию Антиимпериалистического трибунала, на котором давал показания израильский делегат Яков Шайн — театральный работник, родившийся, учившийся и проживающий в Тель-Авиве.

К сожалению, я не слышал обличающих сионизм слов этого бородатого молодого человека с буйной шевелюрой и не по возрасту грустными глазами. Но молодой журналист-международник Алексей Новиков разрешил мне воспользоваться сделанной им магнитофонной записью показаний Шайна. Привожу некоторые отрывки из дословного перевода выступления израильского свидетеля:

— Сегодня Израиль представляет собой репрессивное военизированное общество, одну огромную казарму. Жизнь здесь проходит под знаком войны. Все образование пронизано милитаризмом, с самого раннего детства людей начинают превращать в солдафонов и пушечное мясо. И это приносит свои печальные плоды. Недавние исследования (их, стоит подчеркнуть, проводили далеко не оппозиционные сионизму организации.— Ц. С.) показали, что более 40 процентов молодых людей в Израиле придерживаются крайне расистских, почти фашистских взглядов. Они требуют навсегда лишить палестинцев их земель, а то и вовсе уничтожить палестинский народ.

Яков Шайн далее рассказывает, с чем он столкнулся на оккупированных землях еще весной 1976 года, когда его впервые призвали в армию:

— Нас тогда отправили на Западный берег реки Иордан и разделили на группы для сопровождения пограничников. И тут произошел случай, заставивший меня по-иному оценить все, что я видел вокруг. Однажды израильские пограничники погнались за стайкой детворы. Та стала бросать в них камни. Пограничники в ответ ворвались в ближайший дом, избили его обитателей и учинили там форменный разгром: перебили посуду, разломали всю мебель, не оставив ни одной целой вещи. А жертвы этого побоища смотрели испуганно и беззащитно: они не могли ничего поделать, им неоткуда было ждать помощи.

Этот случай, по признанию Якова, произвел на него неизгладимое впечатление:

— С тех пор я постепенно переосмыслил все, чему меня учили ранее. А это, должен сказать, было не просто. Для израильтянина, по крайней мере рядового, отвергнуть идею войны — значит полностью пересмотреть свои взгляды, отбросить все, чему тебя учили, порвать со всеми принципами, в которых тебя воспитывали. Вот почему израильтяне отказываются воевать гораздо реже, чем это было, например, в Соединенных Штатах в период нападения на Вьетнам. Но я смог это сделать. Я начал активно участвовать в движении протеста против интервенционистской политики сионистов.

В 1982 году Якова призвали вторично.

— Израиль тогда развязал новую агрессивную войну против арабов. Я получил повестку с призывного пункта. Меня собирались послать в Ливан на военную службу, но я отказался воевать с мирными, беззащитными людьми, и меня бросили в тюремную камеру. Чего только не предпринимали власти, чтобы сломить мою волю. Меня запугивали, уговаривали, пытались купить. Но я не сдался. Я мог бы провести в тюрьме всю жизнь, ведь мне даже не позволили встретиться с адвокатом. И лишь под давлением определенных кругов общественности, развернувших широкую кампанию за мое освобождение, власти вынуждены были отпустить меня на волю.

Свои показания Яков Шайн, трижды брошенный сионистами в тюрьму, закончил так:

— Сегодня я обвиняю сионизм. Я обвиняю его в пропаганде войны, в агрессии против суверенных народов, в человеконенавистнической идеологии!

Яков Шайн не был сионистом и до призыва в израильскую армию. Но от сионизма решительно отрекаются и некоторые из тех, кто в прошлом был активистом разномастных сионистских организаций. Ошибочно, правда, предполагать, что отход от сионизма начался только лишь под влиянием наиболее кровавых его преступлений — таких, как трагедия Сабры и Шатилы. Нет, отречение от сионизма и переход в ряды его активных противников — процесс давнишний, многолетний и, можно сказать, традиционный.

Стоит подробнее поговорить о новых метастазах расизма во внутренней жизни Израиля. Так было при правительстве Бегина и Шарона, так оно продолжается при правительстве «национального единства» (в Израиле невесело острят — «правительства национальной трагедии») Переса и того же Шарона. Я имею в виду расовую дискриминацию, бьющую не только по арабским жителям Израиля, но и по евреям. Точнее, по «нечистым», «неполноценным», «второсортным» евреям.

Таковыми они числятся не только по этническому признаку, как любят выражаться клерикальные сионистские теоретики, то есть в зависимости от того, где родился и откуда приехал еврей в Израиль. По израильским меркам, родившийся в Израиле еврей — ультрачистый сабра — пользуется особыми привилегиями; родившийся в Европе — получистый ашкенази; родившийся на Ближнем Востоке или в Африке — совсем уже третьесортный сефард. И т. д. и т. п.

Огонь государственного клерикализма направлен прежде всего по детям, родившимся в ассимилированных, «не чисто еврейских» семьях. Как видим, сионизм неукоснительно идет по стопам нацистов, в точности следует расистской основе законов гитлеровского рейха.

Раздумывая над этим, вспоминаешь тесные сионистско-нацистские контакты довоенной давности.

ПОЗОРНЫЕ АНАЛОГИИ

На медали — нацистская свастика. На оборотной стороне — сионистская шестиконечная звезда Давида. Впрочем, трудно определить, какая сторона медали лицевая, а какая — оборотная.

Привожу эти слова не в качестве распространенной метафоры, характеризующей неразрывную, трогательно взаимную связь сионизма и нацизма. Нет, это точное описание памятной медали, выпущенной по личному указанию Геббельса осенью 1934 года в честь шестимесячного пребывания в Палестине по приглашению сионистов барона фон Миндельштайна, начальника еврейского отдела службы безопасности СС. Результаты этого визита точно определил доктор исторических наук Г. Л. Бондаревский: «В сентябре — октябре 1934 года в геббельсовском органе «Дер Ангрифф» были опубликованы 12 статей барона, в которых он выражал свое глубокое удовлетворение колонизаторской деятельностью сионистов в Палестине».

Через три года сионисты пригласили в Палестину Адольфа Эйхмана. К тому времени, оттеснив Миндельштайна, этот ультранацист стал одним из руководителей еврейского отделения нацистской службы безопасности. Впоследствии Эйхман, один из непосредственных организаторов массового истребления евреев в годы второй мировой войны, не раз вступал в контакты с сионистскими эмиссарами.

Сионистская пропаганда до сих пор старается внушить мировой общественности, что израильские власти не пожалели сил и затрат, чтобы после войны обнаружить Эйхмана и судить его именно в Тель-Авиве как главного виновника гибели шести миллионов евреев. Ложь! Розыск Эйхмана сионисты вели особенно интенсивно по другой причине: уж очень много знал он о непосредственных связях сионистских лидеров с гитлеровским рейхом, и если бы его судили не в Израиле, показания Эйхмана прозвучали бы на весь мир как беспощадный обвинительный приговор сионизму — партнеру нацизма.

Разрекламировав казнь Эйхмана как окончательную расплату с нацистскими убийцами, сионизм, по существу, прекратил активный розыск других нацистских преступников. Практически им была дана индульгенция.

Достаточно назвать фашистского изувера «врача и философа» Йозефа Менгеле. Израильская разведслужба «Моссад» точно знала его многочисленные псевдонимы, под которыми он много лет скрывался в Парагвае и других южноамериканских странах с диктаторскими режимами. Тем не менее «Моссад» поспешил объявить, что следы Менгеле безвозвратно утеряны и дальнейшие розыски «ангела смерти» бесполезны. Именно это и помогло вывезенному американской разведкой Менгеле безмятежно менять места пребывания и наслаждаться жизнью за счет субсидий западногерманских и латиноамериканских пронацистов.

Тем более постыдным и лицемерным выглядит маневр израильского правительства, официально пообещавшего в мае 1985 года вознаграждение в один миллион долларов (именно долларов, а не каждодневно обесценивающихся шекелей!) за... информацию о местонахождении Йозефа Менгеле. Печальная символика просматривается в том, что израильская премия должна быть выплачена в американской валюте: ведь Израиль и США, как вер-

ные партнеры, в течение десятилетий не предпринимали ничего реального для поимки нацистского палача, на чьей совести уничтожение 400 тысяч заключенных.

Нетрудно представить себе, что кой-кого в Израиле взволновала «расточительность» правительства: подумать только, инфляция приближается к пятистам процентам — как же можно швыряться целым миллионом долларов! Но израильтяне, всерьез принявшие крикливый вольт своего правительства, могут успокоиться: ЦРУ с помощью своих латиноамериканских марионеток все послевоенные годы настолько прочно опекало безопасность Менгеле, что израильскую щедрую премию никому получить не удастся. Налицо очередной дешевый пропагандистский трюк сионистов.

Сами творящие расистские преступления, они не очень-то заинтересованы в поимке и предании суду гроссмейстеров гитлеровского расизма.

КТО СПАСАЛ УЗНИКОВ ФАШИЗМА!

Уже не первый год сионистская пропаганда любыми средствами силится внушить людям еврейского происхождения во всем мире такую расистскую концепцию: во время гитлеровского нашествия на Европу «все остальные народы» проявили вражду к евреям. Покорно выполняя директивы идеологов антисоветского «крестового похода» всячески принизить роль Советской Армии в разгроме фашизма, международный сионизм особенно ревностно отрицает освободительную миссию наших войск. На свой лад отметив 40-летие Победы, сионисты из кожи вон лезли, доказывая недоказуемое, якобы советские воины-интернационалисты не спасли от неминуемой гибели сотни тысяч узников фашистских лагерей смерти и гетто.

А ведь неоспоримо установлено: сами сионисты ровно ничего не предприняли для спасения евреев, обреченных фашизмом на гибель. Наоборот, они намеренно срывали попытки отдельных смельчаков помочь заточенным в гетто евреям бежать оттуда.

Напомню вкратце, как сионисты осенью 1944 года предательски погубили двадцатитрехлетнюю Анику, дочь венгерского писателя Бэла Сенеша. Будучи в эмиграции, Аника с помощью коммунистов сумела сплотить группу молодых евреев в боевой отряд парашютистов, решивших спасти узников будапештского гетто. Им, вылетевшим из Югославии, удалось приземлиться на оккупированной гитлеровцами венгерской земле. Гестаповцы и хортисты не сумели обнаружить отряд. Но свое черное дело поспешил сделать сионистский «комитет спасения» во главе с нацистским наймитом Кастнером. Он выдал карателям всех, кто прилетел на помощь узникам будапештского гетто. Анику Сенеш гитлеровцы пытали и расстреляли.

Время от времени сионистские лидеры сквозь зубы признавали и признают «некоторый недостаток активности» международного сионизма и военизированных сионистских организаций Палестины в развертывании борьбы за спасение евреев в оккупированных гитлеровцами европейских странах. Как правило, эти вынужденные признания делаются главным образом для того, чтобы опорочить конкурента — лидера той или иной сионистской группировки.

И только Н. Гольдман, возглавляющий долгое время руководство Всемирной сионистской организации, в 1963 году со всякого рода увертками и оговорками признал: «Все мы были не на высоте. Главное, что у нас не было непоколебимой решимости и готовности предпринять надлежащие шаги, соразмерные самым ужасным событиям всех времен».

Давно уже отлично известна истинная подоплека равнодушия сионистов к судьбам евреев, обреченных гитлеризмом на истребление. Это нацистско-сионистские контакты, более того — документированный альянс, по которому сионизм расплачивался с нацизмом миллионами умерщвленных евреев за разрешение вывезти в Палестину нужных там для скорейшего захвата арабских земель специально обученных молодых людей. Выпускали в Палестину и просионистски настроенных богачей, имевших крупные вклады в банках нейтральных стран. А дополнительной платой сионистских лидеров того периода, вроде надзиравшего за еврейским гетто в Венгрии Кастнера, было то, что признал обер-палач Эйхман: «Подобные предатели оказали нацистам большую услугу и согласились помочь удержать евреев от сопротивления депортации».

Россказни же сионистов, пытающихся принизить роль Советской Армии в освобождении узников нацизма, вступают в явное противоречие с фактами. Вот несколько сокращенный рассказ полковника в отставке Григория Давыдовича Елисаветского. Он командовал полком, принесшим освобождение еще живым (вернее сказать, полуживым) заключенным концлагеря Освенцим, этого ада из адов, созданных гитлеровским карательным механизмом:

«Наша 60-я армия спешила овладеть районом Освенцима. Промедление могло привести к увеличению жертв среди узников. К тому времени мы уже многое знали о трагизме положения узников гитлеровских концлагерей. Но то, что мы увидели, услышали из уст чудом оставшихся в живых, превзошло границы всего возможного, доступного пониманию.

Суббота, 27 января 1945 года,— день, когда войска 60-й армии под командованием генерал-полковника (ныне генерала армии) П. А. Курочкина сломили сопротивление противника и овладели гитлеровским комбинатом смерти. Часть, которой командовал я, освобождала лагерь Биркенау (Бжезинка), в котором были расположены газовые камеры и печи крематория. Там оказалось несколько бараков, наполненных евреями, предназначенными к уничтожению.

Бараков около пятисот. Они воплощение дьявольского фашистского плана истребления целых народов. Обходим территорию опустевшего лагеря. Всюду запорошенные снегом трупы: женщины, дети, старики, застреленные в упор. А вот ужасная картина: мертвая женщина с прижатым к груди младенцем. Поспешно отступая, буквально перед нашим приходом фашисты угнали около 80 тысяч узников, видимо, рассчитывая еще использовать их рабский труд. Отстающих расстреливали в упор, чтобы не оставлять свидетелей зверств. Несчастную женщину с ребенком тоже настигла автоматная очередь гитлеровского выродка. Часть угнанных узников наши войска догнали. Конвой перебили. Многих узников спасли.

В одном бараке мы увидели: в сумраке на трехъярусных нарах, как в склиде на стеллажах, лежали полуживые изможденные люди, смотревшие на нас с испугом. Это были евреи из ряда стран, до травмированного сознания которых мы пытались довести, что они уже свободны, что им нечего бояться. Удалось это сделать только тогда, когда я заговорил с ними на идиш: «Я советский офицер, мы пришли вас освободить».

В бараках мы нашли несколько тысяч до крайности истощенных дистрофией, искалеченных людей. Они находились на грани жизни и смерти. Их надо было срочно спасать. Мчусь с докладом к командующему армией. Генерал Павел Алексеевич Курочкин выделил в мое распоряжение два госпиталя...»

Вынужден прервать Григория Давыдовича и дать существенную справку: генерал Курочкин счел возможным выделить два госпиталя для лечения освенцимских узников в тот самый момент, когда его войска вели решающие бои за овладение обреченным нацистами на разрушение Краковом.

«Передать невозможно, что делали наши врачи, медсестры, офицеры, солдаты,— продолжает Г. Д. Елисаветский.— Они не ели, не спали, отхаживали людей, боролись за каждую жизнь. К сожалению, многих уже ждала неизбежная смерть. Не удалось спасти и норвежского паренька лет девятнадцати, которого принесли в госпиталь всего в глубоких ранах. Из многих тысяч «подопытных» он один еще оставался в живых. Его прятали узники. Не могу забыть его грустных глаз. Как молил он о спасении!

Героическими усилиями наших медиков удалось вырвать у смерти 2819 человек. Это был воистину подвиг.

И вот после виденного мною и пережитого я узнаю о различного рода насквозь лживых, клеветнических публикациях, оскорбляющих священную память советских воинов, отдавших жизнь за избавление народов Европы от коричневой чумы. Я вправе заявить во всеуслышание, что советские офицеры и солдаты сделали все возможное и даже сверхвозможное для освобождения, а потом и возвращения к жизни узников концлагерей, в частности Освенцима!»

Продолжение следует.

...И БРОСИТЬ КУРИТЬ

На столе у ялтинского врача Игоря Васильевича Брайко лежало письмо из Японии. С позволения Брайко беру его в руки, читаю:

«Дорогой сэр, мы узнали ваше имя через Агентство печати «Новости» в Токио. Желание всего человечества — продлить активную жизнь людей, то есть сохранить их здоровье. Одним из важных средств в достижении этой цели является избавление от курения. Мы очень заинтересовались вашим методом лечения... Надеемся на сотрудничество с вами в ближайшее время».

— Сказать по совести, в Японию поехать, конечно, хочется,— говорит Брайко.— Японцы достигли немалых успехов в области медицины. Я бы послушал их, сам рассказал о том, как лечу людей от курения. Но едва ли это получится в ближайшее время. Очень много людей, мечтающих избавиться от курения. Люди приезжают ко мне, не спросясь, из самых разных мест, и я стараюсь никому не отказывать, принимаю всех. И чем больше людей спасаю от курения, тем больше желающих. А вообще за пять лет практики я вылечил от курения тысячи людей. Проходит время, я получаю от них письма и всякий раз убеждаюсь: метод борьбы с курением, который я практикую, себя оправдывает. Судите сами.

И действительно, письма, которые дает мне в руки Брайко, трудно читать без волнения. Их много, я выбираю некоторые из них.

«Многоуважаемый Игорь Васильевич! Курил я злостно 57 лет и совсем потерял надежду расстаться с этим злом. Вы меня буквально спасли от преждевременной смерти. Спасибо и еще раз спасибо. Инвалид Великой Отечественной войны II группы Леонид Николаевич Басов, г. Брянск, пер. Осоавиахима, д. 4, кв. 3». Другое письмо: «Уважаемый Игорь Васильевич! Прошло ровно три года с тех пор, как я благодаря Вашим золотым рукам и опыту лечения бросил курить. Я был заядлым курильщиком в течение 30 лет. До Вашего лечения... я сильно мучился головными болями. Пройдя курс, разработанный Вами, курить я бросил, мне стал неприятен даже запах дыма, головные боли сразу же прошли и больше меня не тревожат. Разрешите от всей души поблагодарить Вас за Ваш чуткий и скромный труд и пожелать Вам дальнейших успехов в Вашем благородном и так нужном всем больным труде. Полковник запаса А. Н. Слатин, Ленинград, ул. Партизана Германа, д. 33, кв. 300». И еще вот такое письмо: «Дорогой Игорь Васильевич! Меня поразило больше всего, больше Вашего чудотворства то, что Вы даже не спросили ни имени, ни адреса. Взяли и сделали великое добро... Т. Сагитов, г. Ташкент, до востребования».

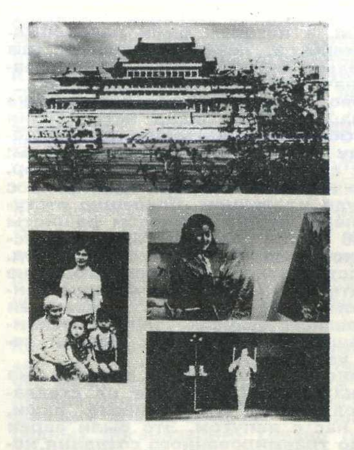
Что же это за метод такой удивительный — метод борьбы с курением, используемый Брайко? Ничего особенного, точнее, невероятного: иглотерапия. Накануне сеанса пациент, начиная с двух часов дня, не курит. Живет, как живут все люди, ест, спит, но только не курит. Утром он приходит в кабинет Брайко. Легкий укол лечебной иголкой в мочку уха (самое важное угадать, в какое ухо нужно колоть: в правое или в левое,— ибо у разных людей заветная «точка», которую необходимо найти, не совпадает) и... все. Сеанс длится не более двадцати минут.

Существует несколько способов борьбы с курением. Многие из них, однако, имеют те или иные противопоказания. А Брайко даже не спрашивает больного, чем он болел когда-то или болеет: при иглотерапии это абсолютно неважно. Уже на следующий день после «операции» больной чувствует себя так, будто он никогда не курил...

Брайко каждый день получает новые письма с просьбой о помощи. Вот самое последнее, его трудно читать без волнения: «Я — Натаров Александр. Мне тринадцать лет, начал курить я во втором классе. Не понимал еще тогда, какой вред я приношу сам себе. Шли годы, я становился старше, но было уже поздно... Три года назад я пытался бросить курить, но ничего не вышло. Я бросал курить на месяц, на два, а потом опять начинал. Перерывы сопровождались ужасными головными болями, у меня начинало падать давление. Прошу Вас, помогите мне. Терпеть такие муки больше нет сил. Я живу в селе Ясном Мелитопольского района Запорожской области...»

Брайко уже послал ответ, Саша приедет в Ялту. Здесь не отказывают никому...

К. АНДРЕЕВ

15 АВГУСТА 1945 ГОДА ЗАВЕРШЕНО ОСВОБОЖДЕНИЕ КОРЕИ ОТ ЯПОНСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

Алмазные горы, нарисованные шелком

Новелла **ИВАНОВА**

Кымган — в переводе с корейского означает Алмазные горы. Эти сказочные по красоте места — горные пики Пиро и Чхоннё, скалы Чхоллима, водопад Курён и горное озеро Самильпхо — воспеты в легендах, поэмах, их изображают художники. И в первый же день приезда в эту страну мы увидели красоты Кымгана. В столичной гостинице, где мы остановились, зарубежные гости покупали сувениры — вазы, картины с изображением скал Чхоллима, пика Чхоннё. Рассматривая картины, я не сразу поняла, что они... вышиты шелком. Ничего подобного мне никогда не приходилось встречать, и я спросила у нашего гида-переводчика, можно ли увидеть, как создается такое чудо. «Конечно! — ответил он.— В программе, которую мы для вас приготовили, предусмотрено посещение института художественной вышивки».

Институт вышивки? Я была заинтригована, а мой коллега стал расспрашивать, как там дело обстоит с освещением, чтобы можно было сделать снимки. С нетерпением мы ожидали поездки в этот необычный институт, но попали туда уже после того, как проехали по стране и своими глазами увидели знаменитые Алмазные горы. День, проведенный у подножия гор в поселке Ончожон, незабываем. Правда, у нас не хватило времени, чтобы вместе с туристами пройти традиционный маршрут в двенадцать километров. Но все-таки мы добрались до знаменитой смотровой площадки, вырубленной в скалах, коснулись рукой шершавого, раскаленного солнцем бока горного исполина и услышали его мощное дыхание...

Неужели все это можно вышить? Небесную синь, каменную твердь и эту непередаваемо прекрасную коричнево-зеленую гамму тонов одеяния Кымгана? Оказывается, можно!

Я стою рядом с миловидной вышивальщицей. Перед ней на подставке нарисованный художником водопад Курён. То, что сделал художник, похоже на детскую переводную картинку, которой еще предстоит проявиться... На коленях у девушки шелковая многоцветная коса из ниток, и, неторопливо перебирая их, она ищет нужную краску для картины. На прозрачном, словно дымка, шелке она проворно рисует иглой птицу в ярком оперении. Я смотрю на птицу, и кажется, будто она взмахнет крыльями и вот-вот улетит неизвестно куда... Наклоняюсь поближе, чтобы получше ее рассмотреть. Женщина с улыбкой протягивает мне свою работу. Беру ее в руки, верчу во все стороны и не вижу ни одного узелочка. Ни единого!

Цан Ми Сон, инструктор-педагог, которая сопровождает нас по институту, объясняет, что такого совершенства здесь достигли многие и не случайно вышивки, созданные в этих стенах, не раз получали призы на международных выставках. В Пхеньян приезжают специалисты из разных стран мира. Совсем недавно, например, были гости из Танзании и США, а педагоги-инструкторы этого института тоже разъезжают по свету.

В Корее вышивка имеет давнюю традицию. Еще во времена средневековья она украшала одежду воинов, и сегодня здесь нет семьи, где бы девочки, девушки, женщины обходились без вышивки.

Институт родился в 1948 году, когда пятьдесят мастериц объединились под одной крышей и стали работать вместе. А через три года, с началом американской агрессии, художницы-вышивальщицы, укрывшись в подземелье, стали вышивать знамена для армии...

— Кто же сегодня здесь учится и работает?

— Тот, кто хорошо рисует! Конкурс на поступление в наш институт велик — желающих гораздо больше, чем мест, и к нам попадает только наиболее одаренная молодежь, из числа тех, кто еще со школы начал готовить себя к этой профессии,— рассказала Цан Ми Сон.— По всей стране, в каждом уезде и провинции есть мастерские по вышивке, и наш институт разрабатывает для них методические советы, устраивает выставки работ, помогает обмениваться опытом мастерам и художникам.

...Перед тем, как распрощаться с нами, Цан привела нас в выставочный зал. Там были знамена, бесчисленное число скатертей, салфеток и покрывал, но больше всего там было картин — от маленькой, всего в две ладошки, до большой, во всю стену. Среди картин мне особенно запомнилась одна. Синяя река. Коричневые головы буйволов. Ярко-желтые снопы соломы, укрывающие груз. Женщины с винтовками в руках бредут по пояс в воде вслед за буйволами, груженными оружием и провизией для армии.

Талантливые женские руки шелком нарисовали историю женщин-героинь, которые в годы борьбы с захватчиками сражались рядом с мужьями и отцами.

Пхеньян—Москва.

Людмила **ЩИПАХИНА**

Облик земной

•

Склоняюсь в поклоне
Пред памятью нашей нетленной.
Пред чудом природы,
Что дарит нам
Синь и багрянец...
Но я и сама
Полноценная капля Вселенной!
Ее прототип.
И бушующий протуберанец.
Все атомы мира
Вращаются в русле артерий.
Законы земли
Соблюдают
Мое притяженье.
Не я ли
Гармонии
Высшей предел и критерий?
Триумф эволюций,
Разумной природы свершенье.
Дышу и люблю.
И над нежным подснежником плачу.
Костер разожгу.
Или древнюю свечку задую...
Неужто не праздновать
Светлую эту удачу?
И нимб бытия
Не носить как награду святую?
Закашляюсь горько.
Искусственный выпью напиток.
Над стрессами жизни
Победной пройду круговертью!
Так что,
Не во мне ли
Таинственной силы избыток?
Энергии сгусток?
И вечные гены бессмертья?

•

Нет, еще простор не взорван.
Не пылает биосфера.
Антарктида не размокла.
Не расколот Эверест...
Но уже немало вздора
Черный ветер недоверья
На судьбу намел жестоко
И развихрился окрест.
Но уже на белом свете
Тени нравственных уродов
Бродят жутко и понуро
В безднах секса и тоски.
И гуляет по планете
Радиация разводов.
Пепел массовой культуры
Оседает на виски.
Шлягер бьет по перепонкам.
Алкоголь дыханье душит.
Разъедает толстосумов
Накопительская страсть.
Может, это взрыв грядущий
Ударяет по подонкам
И туманит мир безумный
Прежде, чем ему пропасть.
Но уже сегодня бьются
Об асфальт гудки и свисты.
И на пультах вьются клеммы.
И с прошедшим рвется нить.
Меланхолики смеются,
И мрачнеют оптимисты.

Мир рехнулся от дилеммы:
Быть войне или не быть?
Подсчитаем все потери.
Ужаснемся цифре гласной.
...А пока над мирной кроной
Синь, покой и благовест.
И потоп не выбил двери.
И над хрупкой протоплазмой
Не разверзся луч нейтронный.
И не дрогнул Эверест.

КОГДА АДАМ ПАХАЛ...

Когда Адам пахал, а Ева пряла,
Не был ли мир подобьем идеала?
Побег лозы у скромного порога.
Над головой — ни стронция, ни смога.
Из двух камней — простой очаг жилища.
Сработана соха из корневища.
И дерево греха плоды роняло,
Когда Адам пахал, а Ева пряла...
Чего ж, мой друг, нам не хватает ныне,
Когда посадки буйствуют в пустыне?
Когда растут без солнца и без тени
Гибриды трав и призраки растений?
Смотри, мой друг, как плод велик и матов
От сточных вод, от жирных химикатов.
Смотри, как землю подставляя буру,
Долбим мы грунт и крепим арматуру.
Уж под луною нам пространства мало.
Крепчает марсианский гул металла.
И, позабыв мелодию напева,
Уже давно прядет и пашет Ева.
Сильны ее предплечия и руки.
На ней пальто и джинсовые брюки.
Химическая прядь из-под берета.
И над губой дымится сигарета.
Порой гнетет нас это. И тревожит.
И ностальгия по былому гложет.
И манит свет далекого начала,
Когда Адам пахал, а Ева пряла.

ВОПРЕКИ

У неба, у солнца, у лета
Просить не желаю совета.
Слагаю молитву земную:
«Мой милый, люблю и ревную!»
Но ветер метнулся в экстазе.
Сирень опрокинулась в вазе.
И туча разбрызгалась грозно:
«Опомнись, покуда не поздно!»
Светило в окошке исчезло.
Пружинами вздыбилось кресло.
«И ты ли подвоха не чаешь?
Зачем его нимбом венчаешь?»
И чайник зафыркал на плитке.
И лязгнул засов на калитке.
И веник скребнул по порогу:
«Зачем накликаешь мороку?»
Поникла в стакане ромашка.
Разбилась любимая чашка.
Обрушилась книжная полка.
Ладонь уколола иголка.

Ах, что же такое случилось?
Всё против меня ополчилось.
Но я эти козни миную!
Мой милый, люблю и ревную...

БУБКА У СЕБЯ ДОМА

Е. БОГАТЫРЕВ,
фото А. БОЧИНИНА

Когда поздним июльским вечером Сергей Бубка на Играх доброй воли с изумительной легкостью и изяществом покорил высоту 6,01, в какой уже раз побив мировой рекорд,— многие зрители подпрыгнули от восторга. Тысячи людей, взметнув в едином порыве вверх руки, на какое-то неуловимое мгновение сами как бы оторвались от трибун. Я убедился в этом, просматривая в монтажной Центральной студии документальных фильмов кадры, снятые кинооператорами.

Могли ли предшественники Буб-

ки — Раевский, Озолин, Близнецов,— представить себе, что такой прыжок будет возможным, что шест подкинет Бубку на «шестое небо»? За эти годы прыжок стал выше на два метра, но Бубка и сегодня с огромным уважением вспоминает тех, кто прокладывал ему путь в небо.

— Вот о ком писать надо! — убежденно говорит Сергей.— А то склоняют мою фамилию — Бубка да Бубка... А ведь до меня появились замечательные прыгуны. Удивительным было их мужество.

— А тебе приходилось совершать мужественные поступки?

— Разве что в детстве, когда защищал от мальчишек брата.

— Ты?.. Брата?.. Да он ведь старше тебя... А что мешает ему обыгрывать тебя?

— Трудно сказать... Василий уступает мне в скорости, к тому же на больших высотах у него случаются сбои в технике. Но когда он в боевой форме, выиграть у него трудно.

— Ты это утверждаешь по-родственному?

— И как брат, и как соперник. Уступить прыгуну, имеющему личный рекорд 5,85, незазорно... особенно если это твой брат.

— А как отмечен был твой мировой рекорд?

— Провели недельку дома вместе с нашим тренером Виталием Афанасьевичем Петровым и его молодыми учениками, теми, кто придет к нам на смену.

— У тебя ведь уже сегодня появились в группе Петрова свои подшефные.

— Да, я помогаю мальчишкам раскрыть секреты высотных прыжков. И мастерство этих ребят — Андрея Кравченко, Сергея Казакова, Владимира Свинченко — растет буквально на глазах. Андрей, к примеру, уже преодолевает высоту 4,90. Я в четырнадцать лет о таких прыжках только мечтал.

— Выходит, что у вас в группе, Виталий Афанасьевич, растет по крайней мере еще один Бубка? — спрашиваю я Виталия Афанасьевича Петрова.

— Вполне возможно. Андрей Кравченко по росту мастерства превосходит Сергея. Но чемпиона делает прежде всего характер, а хватит ли его у юного прыгуна? Кто знает.

...Самому Сергею бойцовского характера не занимать. В Париже прошлой зимой он выступал больным на первых Всемирных играх в закрытом помещении. Потом он признался, что вышел в сектор только для того, чтобы его главный соперник — француз Тьери Виньерон не подумал, будто он испугался поединка с ним. И Бубка вышел и победил.

— До выступления на Играх доброй воли все свои рекорды ты ставил за рубежом. В чем тут причина? — спрашиваю я Сергея.

— Причин несколько. Это и повышенная ответственность, и сильные конкуренты, и поддержка зрителей.

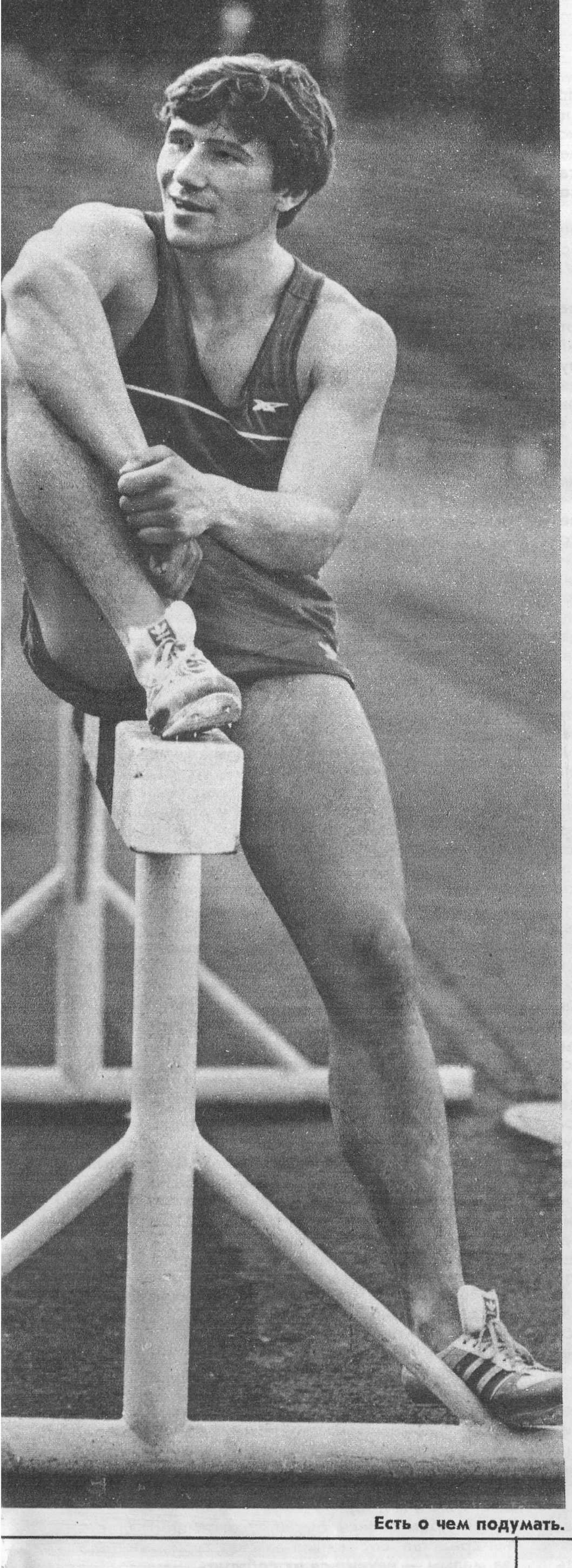
— Но и на наших зрителей ты не можешь быть в обиде. Как за тебя болел стадион в Лужниках!

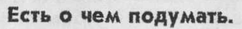
— И поэтому, наверное, состоялся рекорд. А вот многие соревнования по легкой атлетике — и всесоюзного, и международного ранга — у нас, увы, проходят при полупустых трибунах, а мне выступать перед такими трибунами неинтересно. Когда же видишь, что на стадион пришли тысячи людей, хочешь подарить им радость.

Сергей Бубка и его жена Лиля на улицах Донецка.

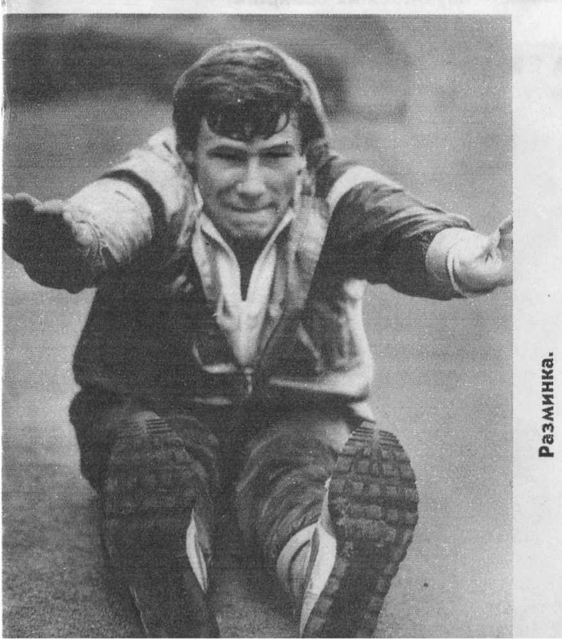
В гостях у донецких шахтеров.

Есть о чем подумать.

Проблемы... Слева направо — Василий Бубка, Сергей Бубка и их тренер В. А. Петров.

Разминка.

Будущие Бубки!

память и сервис

Владимир НИКОЛАЕВ

Фото автора

Впервые я попал в Суздаль в 1965 году. Состояние, в котором тогда находился один из самых уникальных в мире архитектурных ансамблей, меня поразило, и я написал в «Огоньке» очерк «Судьба каменной летописи». В нем, в частности, говорилось:

«На всех древних строениях аккуратно прикреплены массивные плиты, удостоверяющие, что перед вами действительно памятник архитектуры. Они, пожалуй, необходимы, эти надписи. А то и не поверишь! Ведь через разбитые окна и ржавые решетки видно, каким несусветным хламом забиты все эти «памятники архитектуры». Разрушаются и гибнут безвозвратно не только фрески и росписи. Стены, выдержавшие не одно вражеское нашествие, рушатся от людского равнодушия».

К счастью, с тех пор многое изменилось. Сегодня Суздаль 1965 года вспоминается как дурной сон, город, можно сказать, возродился. Его монастыри, церкви, торговые ряды и другие древние сооружения восстановлены, во многих из них развернуты прекрасные экспозиции. С близлежащих владимирских просторов сюда собраны чудом сохранившиеся шедевры деревянного зодчества: крестьянские дома, хозяйственные постройки, колодцы, мельницы, церкви... Как и другие примечательные в городе центры, это не просто собрание исторических шедевров, радующее своей удивительной красотой, а Музей деревянного зодчества и крестьянского быта. Посещение избы запоминается не меньше, чем архиерейских палат.

Лет двадцать назад печальную судьбу Суздаля разделяли у нас многие другие исторические памятники, но их тоже возродили к жизни. Сегодня, как и в старые времена, украшает нашу землю Ростов Великий. Вместе с Суздалем, Владимиром, Ярославлем, Костромой и другими большими и малыми городами он сияет в ожерелье (протяженностью в тысячу километров), имя которому «Золотое кольцо России». Это летопись и душа народа. Она рассказывает о борьбе с монголо-татарским нашествием, о создании флота Петром I, о развитии экономики и культуры. Не счесть по «Золотому кольцу» мест, связанных с именами выдающихся людей России, с началом революционного движения в конце XIX века, с жизнью и деятельностью В. И. Ленина и первых русских революционеров.

В путеводителе по «Золотому кольцу» говорится, что путешествие по нему рассчитано примерно на тридцать дней. Сегодня это путешествие тем более ценно и поучительно, что в большинстве своем мы являемся свидетелями как бы второго рождения памятников нашей культуры. Причем возрождены они, как правило, из такого же состояния, в каком был упоминавшийся выше Суздаль двадцать лет назад.

В последние годы сделано очень многое для сохранения наших исторических корней, но есть еще немало памятников, нуждающихся в срочной помощи, в том числе и по «Золотому кольцу». Например, связанная с именами Тютчева и Баратынского усадьба Мураново, от столицы рукой подать! О безобразиях в связи с ее сохранением и восстановлением «Огонек» писал, но все словно в стену упирается. То же самое можно сказать и по поводу судьбы редкостного памятника архитектуры, одного из первых гражданских каменных сооружений постройки XVII века в селе Иванове (тоже на «Золотом кольце»). Случившаяся печальная история настолько типична в этом ряду, что необходимо сказать о ней несколько слов устами корреспондента «Правды», который пишет из города Иванова:

«Некого укорить — настолько единодушны все, кого ни коснись, в оценке сложившегося бедственного положения с памятником XVII века. Во всяком случае, на словах.

Что ж до дела, то время от времени собираются, заседают компетентные лица. Встречаются представители самых разных организаций, вплоть до облисполкома. Кивают друг на друга, по сути, тянут время... Шагу никто не сделал в городе для спасения памятника. Реставрационные работы... давно заброшены. Реставраторы работали без души, допустили ошибки. Поэтому строение серьезно повреждено, подклет его затоплен. Срочно требуется ливневая канализация.

И что же? Ничего. Одни принимают решения. Другие копят исходящие бумаги. Доскональо известно, что именно надо предпринять. Терпящий бедствие «объект», который год кочует из одного плана в другой. Теперь уже можно твердо сказать: для вида, для убаюкивания ведутся всякого рода обсуждения, издаются распоряжения. Как и пять, как и десять лет назад».

И даже там, где о сохранении памятников старины заботятся по-настоящему, дело это оказывается не совсем простым, оно требует не только энтузиазма, но и знаний. Так, в Ростове Великом перед кремлем стоит двухэтажный дом, внешне ничем не примечательный. Его решили снести, но местное отделение Общества охраны памятников заинтересовалось древней постройкой, почему-то воздвигнутой прямо у кремлевских стен. История учит, что зря наши предки не строили. И вот оказалось, когда кое-где отбили штукатурку и сделали зондаж, что эта постройка не что иное, как митрополичий конюшенный двор, редчайшее творение архитектуры XVII века. Говорят даже, что это единственный дошедший до нас памятник такого рода. А чуть было не сломали...

Когда сохранение памятников культуры было поднято на должную высоту, появилась другая проблема — забота о массовом туризме. В том же Суздале, на окраине города, за речкой Каменкой, был построен большой туристский комплекс. Он сооружен и спланирован по-современному, но вовсе не нарушает исторического облика города, поскольку стоит в низине. Хорошее впечатление оставляет и туристский центр в Ростове Великом. Во многих городах «Золотого кольца» сооружены современные гостиницы, открыты рестораны, где уже овладели забытыми было тайнами русской кухни.

Все это так. Но... По-моему, это только начало. Как двадцать лет назад дружно взялись за восстановление памятников старины, так надо сейчас браться за сервис.

Начнем с того, что в гостиницах и центрах питания мест явно не хватает. В гостиницу неорганизованному туристу попасть трудно, а рестораны, как правило, вместо приветствия «Добро пожаловать!» вывешивают отпечатанную типографским способом (значит, не случайную, а долговременную) табличку «Закрыто на спецобслуживание». Недостаточно путеводителей, альбомов, карт, открыток, их качество оставляет желать лучшего. Негде купить и проявить фотопленку, отпечатать фотографии. Имеющийся автосервис намного отстает от размаха автотуризма. Плохо с сувенирами. И это на дорогах «Золотого кольца», где издавна славятся ростовская финифть, изделия Гусь-Хрустального, Палеха, Мстеры!..

Да и само обслуживание туристов в исторических местах не должно, наверное, ограничиваться только экспозициями и экскурсоводами. Почему не слышно голоса всемирно известной звонницы в Ростове Великом? Трудно сегодня это осуществить? При желании можно. Хорошо хотя бы включать время от времени уже сделанные записи ростовских звонов. То же самое можно сказать и вообще о русской музыке, она почему-то не звучит в древних стенах и на старинных улицах и площадях. А ведь во Владимире, например, мне посчастливилось побывать на концерте местного камерного хора, исполняющего старинные русские произведения. Несколько лет назад он начинал как самодеятельный коллектив, формально остался им и сегодня, но не только перерос уровень самодеятельности, а добился высочайшего исполнительского мастерства. И хор недаром официально стал частью Владимиро-Суздальского заповедника. И еще два слова о музыке. В ресторанах по «Золотому кольцу», построенных в старом русском стиле, надрываются и оглушают всевозможные вокально-инструментальные ансамбли, по-моему, не совсем там уместные.

И такое вот соображение. Каждый значительный центр на «Золотом кольце» может (при желании, вкусе, чувстве меры, знании дела и выдумке) стать местом самых разных театрализованных представлений, так, как это, например, делается по вечерам у египетских пирамид, где слово, музыка и свет дополняют и подчеркивают величие уникальных древних шедевров.

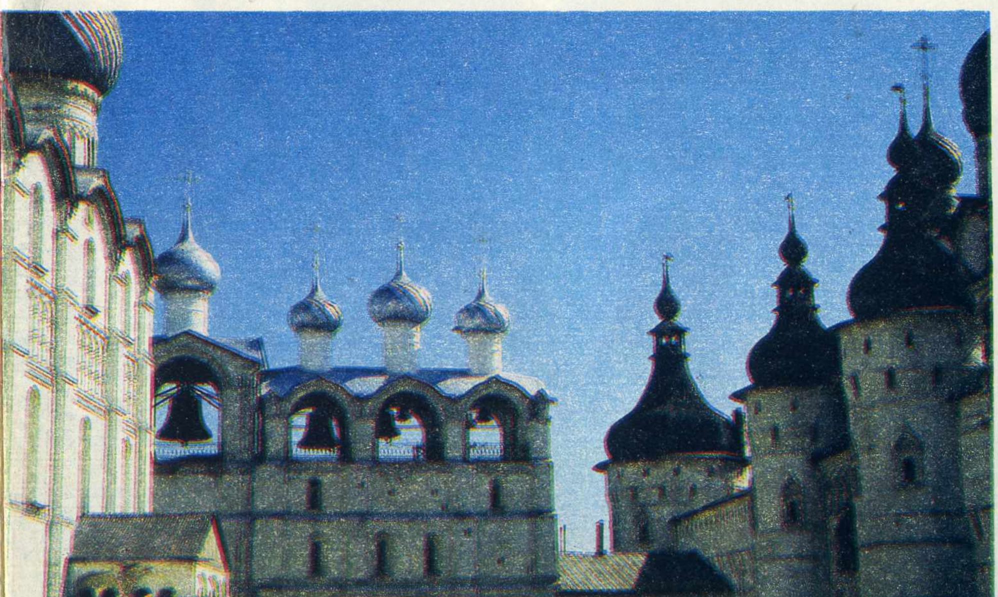
За долгие годы работы журналиста-международника мне довелось посетить немало исторических мест и памятников культуры на четырех континентах, всюду туристский сервис при них на высоте, там не вывешивают табличек «Мест нет», а зазывают к себе людей. И зачем нам изобретать велосипед при становлении у нас этого сервиса? Можно и нужно изучить то, как это давно уже налажено у других, в первую очередь в соседних социалистических странах.

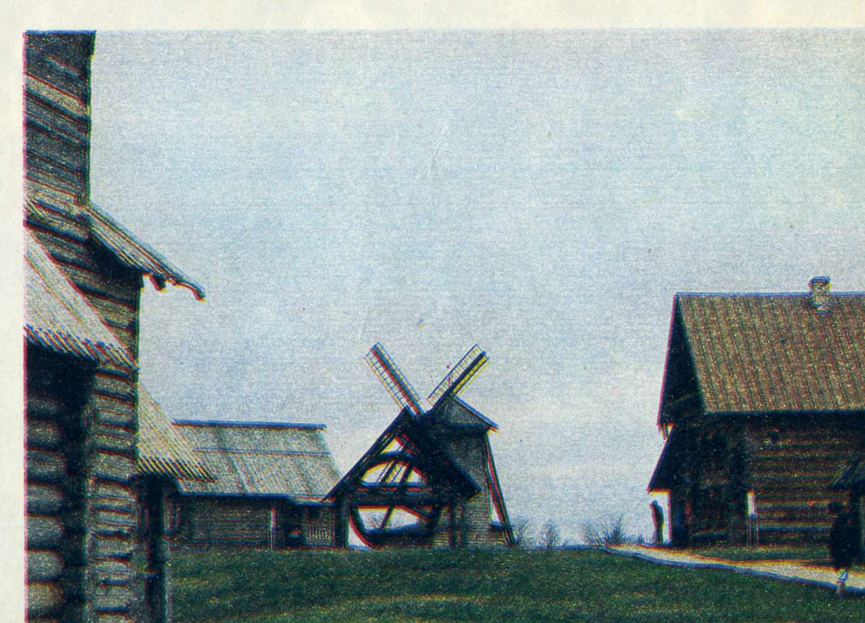
И еще воспоминание о Суздале. Много лет назад, в годы разора, заехал туда небезызвестный банкир Ротшильд. Походил по городу и сказал: «Вы по золоту ходите! Я много стою, но если бы мне дали Суздаль на два года, я бы свое состояние удвоил».

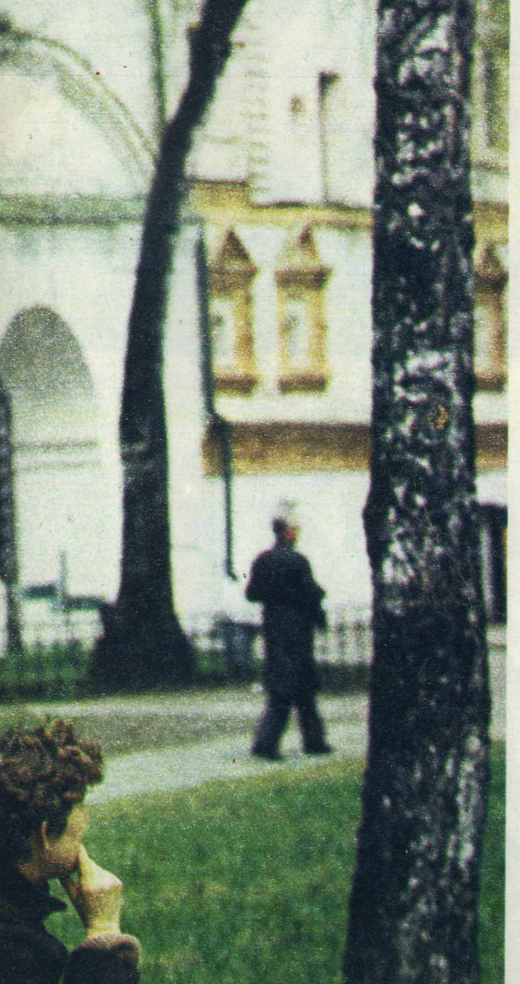
Такие вот, например, расчеты. Строительство главного туристского комплекса в Суздале обошлось в 14 миллионов рублей. Из международной практики известно, что один турист приобретает в одном достопримечательном месте сувениров примерно на 10 рублей. В Суздале ежегодно бывает около миллиона туристов. Подсчитали? Только за счет сувениров мы могли бы иметь 10 миллионов рублей в год! А справочная литература в нужном количестве сколько дала бы?! А разные дополнительные услуги (театрализованные представления, концерты, обмен валюты непосредственно на месте, катание на лошадях, на лодках, продажа лицензий на охоту, на сбор грибов и ягод и т. п.)?!

Как пригодились бы для сохранения старины средства, собранные за счет туризма! Дело за малым — научиться их собирать.

Волга у Ярославля * Владимирские просторы * Кострома. Торговые ряды * Ростов Великий. Звонница * Кострома. Памятник Ивану Сусанину * Суздаль. Музей деревянного зодчества.

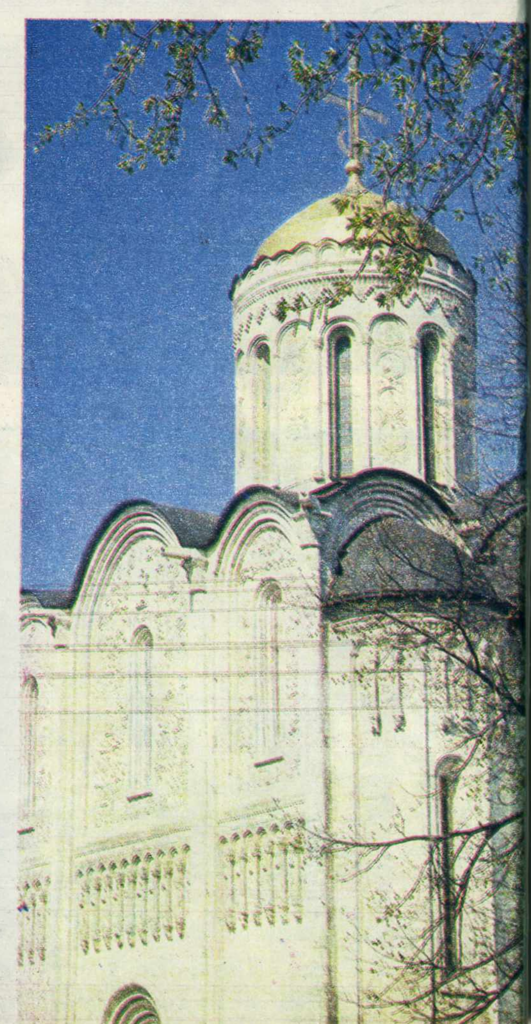

«Смерть на колесах»

Заминированный «мерседес» взорвался в 11 часов утра, когда на бульваре Мазраа кипела жизнь, сплошным потоком шли автомобили, на тротуаре сновали лоточники, в магазинах и конторах толпились покупатели и посетители. Мощный заряд динамита, заложенный в багажник в связке с артиллерийскими снарядами, разнес припаркованный «мерседес» на куски. Ударная волна лавиной прошлась по фасадам зданий, круша балконы, витрины, оконные рамы. Запылали и окутались клубами гари машины. На месте преступления осталось двадцать четыре трупа, еще 192 раненых, обожженных и контуженых были доставлены каретами «Скорой помощи» в больницу.

Вновь «смерть на колесах», как окрестила местная печать взрывы заминированных автомашин, прокатилась по многострадальной ливанской столице. Буквально днем раньше такая же диверсия сотрясла улицу Няма в Восточном Бейруте. Как следствие вспыхнули перестрелки на так называемой зеленой линии, разделившей город на два противоборствующих лагеря. Закрылись немногочисленные проезды между зонами. Напряженность в столице отозвалась в других районах, где также возобновились артиллерийские дуэли. Начался очередной рецидив гражданской войны, не прекращающийся с 1975 года.

— Нынешнее обострение обстановки отнюдь не случайно,— заявил в беседе со мной видный деятель прогрессивно-социалистической партии Ливана Тарик Шехаб.— За последнее время наметились признаки возобновления диалога между участниками внутриливанского конфликта. Например, встречались и обсуждали вопрос о преодолении тупиковой ситуации христианские и мусульманские духовные лидеры. В Западном Бейруте при помощи сирийских военных наблюдателей начал осуществляться план по укреплению безопасности, определенная разрядка ощущалась на «зеленой линии» и в других «точках соприкосновения». Такой поворот событий никак не устроил силы, заинтересованные в расколе страны и продолжении кровопролития.

По данным печати, бывший до недавнего времени послом Соединенных Штатов в Бейруте Бартоломиу сыграл подстрекательскую роль в том, что касается отказа правохристианских «ливанских сил» от выполнения соглашения с шиитским движением «Амаль» и прогрессивно-социалистической партией, подписанного 28 декабря 1985 года в Дамаске. Оно предусматривало прекращение гражданской войны в стране, ликвидацию конфессиональной системы и осуществление демократических преобразований. В давлении на Ливанскую республику от Вашингтона не отстает его «стратегический союзник» Тель-Авив.

...Сидящий передо мной человек носит партийную кличку «Хадж» — в переводе с арабского это означает «паломник, посетивший мусульманские святыни». Но Хаджу пришлось побывать в других местах, о чем напоминают бурые шрамы на его руках и шее. На протяжении почти года он был узником концентрационного лагеря «Аль-Хиям», созданного израильтянами на юге Ливана.

— В лагерных застенках содержатся более трехсот заключенных,— рассказывает Хадж.— Меньшинство составляют партизаны — они были ранены, когда их захватили в плен, среди них и товарищ Насер Харфан, участник операции по взрыву радиостанции противника. А в основном там арестованные «по подозрению» в связях с патриотическим сопротивлением, включая стариков и женщин. Отношение к узникам зверское. Людей, невзирая на пол и возраст, жестоко избивают, морят голодом.

Этот концлагерь «Аль-Хиям» является наглядным примером репрессивной политики, которую сионисты продолжают проводить в отношении Ливана. Несмотря на разрекламированный ими отвод войск, израильтяне попрежнему удерживают 850 квадратных километров ливанской территории. Формальный контроль над созданным там так называемым поясом безопасности принадлежит «Армии южного Ливана» под командованием отставного генерала—предателя Лахада. Под ружьем у него собрано около полутора тысяч людей, включая уголовников. Наемники-лахадовцы находятся на содержании у израильтян. Впрочем, не только у них. Некие «благотворительные организации» из США оборудовали для марионеток радиовещательную станцию, а затем и телецентр, претенциозно названный «ближневосточным». При Лахаде постоянно прикомандированы шестьсот израильских советников.

Естественно, что сионистский террор наталкивается на растущее сопротивление. Авторы доклада о положении в «поясе безопасности», подготовленного по указанию министерства обороны Израиля, вынуждены были констатировать, что за период с июня 1985 года по июнь 1986 года было проведено 1165 партизанских акций, в результате которых убито и ранено около 200 израильтян и лахадовцев, а двое сотрудников израильской разведки попали в плен. Бойцами сопротивления обстрелян штаб оккупантов в Марджауне, уничтожено немало огневых позиций и механизированных патрулей противника. Недавно группа смельчаков вступила в бой с израильской береговой охраной у Накурского мыса, на самой границе с Израилем. Они проникли туда под покровом темноты на резиновой лодке.

— Если задаться вопросом, что движет Израилем и Соединенными Штатами при проведении ими силового курса в отношении Ливана, то можно ответить так: стремление покарать нашу страну за аннулирование ею кабального «соглашения о мире» с Израилем от 17 мая 1983 года,— говорит член Политбюро ЦК ЛКП Саадалла Мазраани.— Вашингтон и Тель-Авив надеялись тогда воспользоваться плодами агрессии и путем сепаратной сделки вырвать Ливан вслед за Египтом из общеарабских рядов. Рассчитывали они и получить особые военные льготы от нашей страны, которые свели бы на нет ее суверенитет и поставили под угрозу безопасность соседней Сирии. Но прогрессивно-патриотические силы Ливана сумели сорвать замысел «Кэмп-Дэвида-2». Понеся крупные потери, «многонациональные силы» США и их партнеров по НАТО с позором убрались с ливанской земли. Вслед за ними были вынуждены отойти в приграничный анклав и израильские оккупанты. Но мы хорошо понимаем, что империалистическо-сионистский альянс не отказался от своей цели заставить капитулировать Ливан. Была лишь сменена тактика.

...В дни, когда хоронили жертвы взрывов заминированных автомашин, диктор бейрутского телевидения печально произнесла слова о том, что, кем бы ни были погибшие — христианами или мусульманами, они прежде всего остались ливанцами. Любому объективному наблюдателю ясно, что гражданская война продолжается так долго потому, что активно подогревается извне. Между тем конфликт, усугубленный израильской агрессией и вмешательством сил НАТО, уже унес из жизни 170 тысяч сыновей и дочерей этой небольшой страны. Вырваться из тисков, покончить с братоубийством, переключить усилия на полное освобождение и восстановление истерзанной родины — более жизненно важной задачи, чем эта, для ливанцев нет.

Владимир ФИЛИППОВ,
АПН, специально для «Огонька»

Жертва взрыва в одном из кварталов Бейрута.

Фото ТАСС.

Кострома. Деревянная церковь на сваях * Наедине со стариной * В Суздале * Музей-усадьба Н. А. Некрасова в Карабихе * Владимир. Дмитриевский собор.

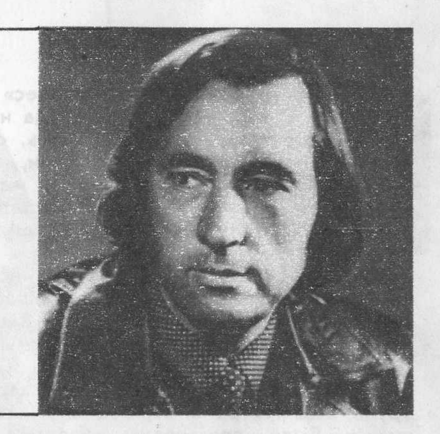
Рисунок Е. ШУКАЕВА

РИСУНКИ БАТАЛИСТА

Александр ПРОХАНОВ

Писатель Александр Проханов, автор хорошо известных вам книг, в том числе «Африканист», «И вот приходит ветер», «Место действия», в своих произведениях стремится запечатлеть ход истории и жизнь современников, далеких и близких, в крутые, переломные моменты их судеб. Ныне он работает над книгой об энергетиках-атомщиках, о трудном поиске научной истины, об ученых, пролагающих путь к сохранению цивилизации на Земле в гармонии с техническим прогрессом. А недавно писатель закончил роман «Рисунки баталиста», отрывок из которого он предлагает вниманию читателей «Огонька».

Сюжетной канвой этого произведения служит поездка московского художника Веретенова в Афганистан, в творческую командировку, где в это время проходит службу в составе ограниченного контингента советских войск его сын Петр. Роман интересен по форме: главное повествование перемежают вставные новеллы, в которых жизнь, реальная действительность где опровергает, а где и дополняет художнические искания, видения, представления Веретенова о стране и ее людях, о соотечественниках, проявляющих каждодневное и истинное подвижничество, зачастую настоящий героизм.

За территорией части, где кончились строения, начинался сорный пустырь и проходила бетонка, среди пыльных колючек, Веретенов увидел остов разбитой машины. Длинная, с прицепом, была стянута с дороги, продрала голыми ободами коросту пустыни. Ребристый след гусениц, оставленный тягачом, делал у машины дугу, исчезал на бетонке.

— Приволокли на прошлой неделе,— сказал лейтенант.— На дороге в засаду попала. Шла в колонне.

Машина с прицепом лежала, расколотая страшным ударом, будто у нее в двух местах был переломлен хребет, раздроблен лобастый, зияющий провалами череп. Колеса прицепа вывернуты ободами вверх, как скрюченные обожженные лапы. Цистерны были сизые от окалины, сморщенные, в рваных пробоинах. От грузовика шел дух солярки, зловоние окисленного металла, горелой резины. И сквозь эти жестокие запахи летел чистый ветер; вглядываясь в серые камни, Веретенов заметил у обожженных колес, в тени, крохотный синий цветочек. Нежное, колеблемое ветром соцветие. Поразился соседству железного, созданного и убитого человеком изделия и малого творения природы, продолжавшей свое вечное творчество.

— Вот они где, наши «КамАЗы», работают! Вот где службу служат!— Лейтенант гладил мятые бортовины.— Я бы один такой грузовик поднял да отвез в Союз. Поставил бы на гранитный постамент хоть в Москве, хоть где! Хоть на заводе! Пусть бы автозаводцы знали, где их техника служит!

— А что с водителем? — Веретенов заглядывал в кабину, усыпанную стеклянной крошкой, пеплом, с торчащими прогнутыми рычагами.

— Оба ранены. Вроде выжили. Точно не знаю. Они ее вверх под огнем тянули. Она горит, а они ее на ободах тянут. Вывели из-под обстрела колонну!.. Это уж после мы ее тягачом сюда дотащили.— Лейтенант тихонько хлопал по гулкому пустому металлу, и металл отзывался тягуче и жалобно.

Среди лохматого пепла Веретенов углядел два обрывка бумаги. Достал, сдул гарь. С обугленной фотографии смотрело девичье лицо, серьезное, без улыбки, и за ним какое-то дерево, часть кирпичной стены. Снимок неизвестного города, неизвестного дома и дерева, снимок девушки был пропущен сквозь пламя. Не сгорел, лишь обуглился. Был участником боя. Кого-то вдохновлял, укреплял. Кого-то спас и сберег. Она, неизвестная, еще не жена, не невеста, не избежала беды.

Другой листок был письмом, прожженным и смятым, с остатками слов. Веретенов читал, разбирая круглый старательный почерк:

«Здравствуй, Сенечка, родненький наш сыно... Прими приветы и добрые слова от своих роди... Как же я без тебя скучаю, все сны снятся, все места себе не... Я Вере наказала свитер тебе связать... А кошка наша Мурка окотилась, сразу шесть... И на твою кровать всех котят перетаска...»

Этот клочок письма, исписанный крупным почерком, должно быть, матерью, был тоже пропущен сквозь пламя, опалившее сухое дерево крестьянской избы, половики на полу, цветок-гераньку, весь бесхитростный, из любви и покоя, уклад. Сквозь него просвистели пули, пролетели жгучие капли, и было в этом обгорелом письме нечто от давних пожарищ, от пылавших смоленских сел, от торчащих из снега печных закопченных труб.

Веретенов, горюя, сдул с бумаги копоть, бережно спрятал обрывки у себя на груди. И там, в нагрудном кармане, коснувшись сердца, они продолжали звучать неслышными голосами.

— Если позволите, я задержусь на минуту. Только один набросок!— Веретенов достал блокнот и, щурясь от жестокого яркого солнца, стал рисовать машину, ее изломы и вмятины, слыша в себе тонкую боль, едва различимые голоса. Он рисовал пустую кабину, зная, что после, в Москве, нарисует в кабине солдат, уже видел их лица, напоминавшие лицо сына. Будущая большая картина начиналась здесь, на выжженном пустыре, в афганской пустыне. Уже имела свой колорит, свой рисунок. Имела свое название. «Двое на горной дороге»— так называлась картина.

Колонна зеленых «КамАЗов», сотрясая бетонку, шла в белесых холмах. Толстые стекла кабин бросали на осыпи вспышки света. В прицепах, приторооченные тросами, круглились цистерны с горючим. Водители, по двое в кабине, в бронежилетах и касках, соблюдая дистанцию, вели грузовики, вписывая колонну в плавные изгибы дороги, в жаркие бесцветные кручи. Бронетранспортеры замыкали колонну, чертили по холмам пулеметами. На открытой платформе колыхала тонким стволом зенитка. Расчет из-под касок вглядывался в текущие склоны, в лысые сухие вершины. В бледном небе прошел вертолет, повторяя изгиб дороги, накрывая треском винтов, плоским клепаным брюхом колонну «наливников».

В кабине головного «КамАЗа» сидели двое. За рулем сержант, горячий и потный, скинул каску, отбросил бронежилет. Небрежно между сиденьем и дверцей сунул автомат. Расстегнул китель на потной груди. Крутил баранку, поворачивая широкое, в каплях пота лицо к соседу, щуплому солдату-первогодку, утонувшему до бровей в глубокой каске, зачехленному в зеленую попону бронежилета. Оба качались на упругом сиденье среди рокота двигателя, жаркого, залетавшего в кабину ветра.

— Ты правильно делаешь, что голову в железо обул и эту сорочку носишь,— усмехнулся сержант, оглядывая соседа, его напряженное, боящееся, ожидающее выстрела тело. Солдат не выпускал автомат, жался подальше от тонкой дверцы, от проплывавших близких холмов.

— Ты на меня не смотри, что я так. До перевала Рабати доберемся — и я оденусь. Тут покамест спокойно. Тут «духам» негде укрыться, негде окопчик отрыть. А дальше — опасно. Учись, пока я рядом. У меня последняя ездка. Туда сгоняем, обратно — и тю-тю. Прощай, Афган, прощай, кардан! Домой! А тебе здесь мотать километры! У Рабати самое хреновое место! Понял? Понял, что я тебе говорю?

— Понял,— ответил солдат, поглядывая из-под каски на приборную доску, где дрожали и пульсировали стрелки, потом благодарно — на близкое широколобое лицо сержанта, потом испуганно — на красноватый, проплывавший под кабиной откос.

— Боишься?— спросил сержант.

— Боюсь,— сознался солдат.

И сержант, не отпуская баранку, одной рукой, мускулистой и сильной, бережно приобняв его, притянул к себе.

— Ничего, привыкнешь. Я сперва тоже боялся. Кто по-умному боится, тот до дембеля доживает. А кто, как дурак, хорохорится, тому пуля в бок! У меня последняя ездка, а я все равно боюсь... Стрелять начнут, руль не бросай! Бойся, а машину веди! Кинешь машину, трассу заткнешь — колонна встанет, всех пожгут! Так что бойся, гори, «мама» кричи, а машину веди! Кто боится, а машину ведет, тот до дембеля доживет. Понял?

— Понял,— кивнул солдат.

— Забыл я, откуда ты родом.

— Из Рязани.

— Значит, рязанский. А я с Урала. Наверное, слыхал — Тагил? Ну вот, я тагильский!

Снова с сухим треском в белесом небе про-

Полностью роман печатается в журнале «Москва».

шел вертолет. Пронес над бетоном скользящую тень. Колонна «наливников» упруго пробивала предгорья, двигалась сквозь бесцветное пекло.

Теперь они поднимались медленно на ровный уклон к перевалу. Горы начинали теснить дорогу, проносили над кабиной голые кручи. Сержант-водитель сменил свою небрежную, вольную позу. Тверже взялся за руль. Сузив глаза, поглядывал зорко на склоны. Сменщик-солдат уловил перемену в соседе. Побледнел, плотнее ухватил автомат. Вытягивал из бронежилета тонкую шею, следя из-под каски за меловыми размытыми гребнями.

— Через десять кэмэ Рабати! Начнется тягун настоящий. Сейчас нормально вести, а зимой — гололед! Снег с бетона сдувает, лед — как черное зеркало. Однажды «духи» на перевале бочку с тосолом разлили, дорогу намаслили. Машины скользят, не цепляют. Их волочит на край, на обочину, а там пропасть! Мы встали. Бэтээры вышли вперед, постреливают по сторонам. А мы лопатами щебень на лед накидали, песочком тосол присыпали и тихонечко, аккуратно, внатяг, машины вверх вывели!.. Сейчас хорошо, нормально! А зимой тут, запомни, намаешься!..

Они проезжали кишлак, серый и пыльный, похожий на груду развалин. Щербатые, изглоданные ветром строения. Глиняные купола в подтеках и метинах. Обвалившиеся, стесанные дувалы. И только синеватый дымок над крышей да алая, висящая на дувале тряпица говорили, что это не кладбище — здесь живут, варят пищу. Старик в белой плоской чалме сидел неподвижно в тени.

Желтый, перекосившийся набок автобус выскочил навстречу. Шофер, увидев колонну, притормозил, свернул на обочину. Сквозь стекло было видно его молодое усатое лицо, маленькая круглая шапочка, блестящие погремушки в кабине. К окнам автобуса прижались коричневые лица пассажиров, расплющенные о стекло бороды и усы, складчатые накидки и перевязи.

— А я его знаю,— кивнул афганцу сержант.— Сколько езжу, всегда его здесь встречаю. Если ему по пути, мы его в хвост колонны ставим, и он идет за нами тихонько. Бэтэрами его прикрываем... Как же его зовут-то? Кажись, Файзула...

Откосы придвинулись к трассе. Бетонка врезалась в склон. Красная, рассеченная дорогой гора нависла над машиной. Солдат вжал голову в плечи, словно ожидая падения глыбы.

— Правильно, имеешь чутье!— не осудил, а одобрил его сержант.— Перевал Рабати! Добрались... А ну-ка, давай помоги!

Не отпуская баранки, он вытащил из-под сиденья бронежилет. Солдат помог ему надеть через голову зеленый упругий чехол, проложенный тонким металлом. Нахлобучил каску. Придерживая руль, перенес автомат слева направо, уложил его поудобней, поближе.

— Если что,— учил он солдата,— через стекла навскидку сади! Некогда будет прицеливаться! Понял?

— Понял,— чуть слышно ответил солдат, напряженный, натянутый, уже готовый стрелять.

— Да ты погоди, не волнуйся! Раз на раз не приходится!— успокаивал его сержант.— Два раза в одном месте они не засядут. Это зимой они нас тут встречали. Два «наливника» подожгли. Старший лейтенант Трубников колонны водил. Хороший был человек... Гляди, в этом месте напали...

«КамАЗ», жирно коптя, мерно шел на уклон. За обочиной, колесами вверх, перекрутив и покорежив прицеп, висел сожженный «наливник». Рыжий, ржавый, в шелухе и окалине. Солдат страшащимися, мерцающими из-под каски глазами следил за остовом убитой машины.

Колонна сжималась, сокращала разрывы. Шла на перевал. С мощным гулом, тускло вспыхивая солнцем, извивалась среди круч и откосов.

Они одолели перевал и теперь катили в низину, в туманную, с волнистыми краями долину, наполненную розовым жаром. Казалось, от жара плавились камни, отекали, дымились, и «КамАЗы» погружались в это варево. Казалось, вот-вот зашелушится на кабинах краска и вскипит в цистернах горючее.

— Ну, здесь опять поспокойнее,— сказал сержант, снимая каску, отирая мокрый, с прилипшими волосами лоб.— А то мозги спекутся!— Он посмотрел на соседа, чей маленький носик покрылся блестящими бусинками.— Засекай к перевалам дорогу! Прошли Рабати — хорошо! Расслабься, отдохни. Здесь им нечего делать. Везде открыто. Потом опять перевал, Каркала. Опасно! Сгруппируйся! Глаза в обе стороны! Место узкое, «духи» могут ударить! Медленно пойдем на подъеме. Пройдем, опять хорошо!.. Ты чувствуй дорогу. Где можно, покемарь. А то так сидеть, как ты, не выдержишь. Глаза лопнут. Понял?

— Понял,— ответил солдат, но каску не снял. Все так же напряженно смотрел на волнистые дали, стискивал автомат на коленях.

И, желая его отвлечь, чтоб расслабились, развязались в нем узелки тревоги и муки, сержант причмокнул, присвистнул:

— Все хорошо, одного не хватает! Я в Тагиле на хлебовозке работал. Утречком в пять часов к хлебозаводу подкатишь — тебе в фургон поддоны толкают с горяченьким. Ржаной, ситный. А одну буханку в кабину! Корочку с нее ломаешь — горячая! Пар идет! Едешь, жуешь потихонечку. Красота! Вот бы нам сюда сейчас эту корочку! Как ты считаешь?

— Хорошо бы,— слабо улыбнулся солдат, проведя языком по сухим губам, словно старался припомнить вкус родного хлеба.

— Ну вот, а сейчас передохнем минут десять!

Впереди, на бетонке, на безжизненном белесом пространстве, затуманилось облачко пыли. Возникли строения. Колонна подъезжала к посту охранения. К щитовому домику, к красному, поседевшему на солнце флажку, к БТР, нацелившим пулеметы вдоль трассы, к блиндажам и окопам, из которых выглядывали солдаты в касках. Головной «КамАЗ» тормознул у шлагбаума. Вся колонна устало подтягивалась, сжималась, наполняя бетонку запыленной горячей сталью.

— Здорово, земляк!— Сержант выпрыгнул из кабины, окинул взглядом стоящего у шлагбаума солдата, его каску, подсумок с боекомплектом, побелевший, потерявший воронение «калашников».— Как тут у вас, на курорте? Виноград, фрукты есть?

— Кончились!— усмехнулся солдат.— Медленно ехал! Только что разобрали последние!

— Не везет мне, честное слово!— Сержант с наслаждением потягивался, разминая затекшие плечи.— Давай вылезай, рязанский!— пригласил он сменщика. Тот осторожно покинул кабину, прихватив с собой автомат.— Видишь, какой у них здесь санаторий!.. Кури, земляк!— угощал он солдата сигаретами.— Как там у Каркалы, спокойно?

— Вроде с утра спокойно,— затянулся сигаретой солдат.— Комбат говорил на разводе, какие-то перемещения наблюдались. С вертолета вроде бы видели. А там кто их знает! Не стреляли!

— Вот и ладно, значит, проедем!

Вдоль машин приближался старший колонны, краснолицый майор. Прихрамывал, окликал на ходу водителей. Портупея сбилась, и под ней топорщился линялый китель.

— Слишком быстро идете!.. Пяток километров сбрось, хвост отстает!— устало бросил он сержанту, ударив ботинком в ребристый скат «КамАЗа».— Колодки держат? Сейчас пойдет под уклон. Тормози двигателем... Дай пока ему повести,— кивнул он на сменщика.— К Каркале подойдем, сам сядешь!

Отступил на шаг, приложил ладонь ко рту, крикнул хрипло:

— По машинам!

Шлагбаум открылся. Колонна загудела, пошла. Мелькнул плакатик с надписью: «Счастливого пути!»

Сержант развалился на просторном сиденье. Наблюдал, как рязанец прилежно и точно вращает широкий руль. Ведет «КамАЗ», напрягаясь за баранкой худым, щуплым телом.

— Старшой — мужик голова!— рассуждал он.— С ним хорошо ходить! Спокойно... Слышь, а ну посмотри!— Он открыл ящик в панели. Извлек из него автоматную гильзу, начищенную до золотистого блеска, сплющенную на конце, подвешенную на цепочке.— Я тебе хотел показать!

— Это что?— Солдат скосил глаза.

— А ты заведи, пригодится. Адрес домашний. Никогда не сгорит. Везем-то не хлеб, а горючее!— Он надел на себя цепочку, опустил латунную гильзу под бронежилет на грудь.

«КамАЗ» раздвигал стеклянной толстолобой кабиной мутные дали. Вздрагивал на швах и на стыках, пролетая бетонные плиты.

Колонна достигла предгорий, катила среди лысых, опаленных вершин. Было пусто. Впереди на бетоне текли миражи. На обочине, погружая узловатые ноги в несуществующую стеклянную воду, возник караван верблюдов. Мелькнули за стеклом пыльные горбы и попоны, полосатые тюки, темные лица погонщиков. Желтели в стороне развалины старой мечети с голубой крупицей уцелевшего, невыклеванного изразца. И снова голые склоны, белые от жара откосы. Иногда из этого жара, вынося на крыльях седой легкий пепел, вылетал ястреб. Парил над дорогой спереди колонны, и водители сквозь стекла смотрели на одинокую птицу.

Сержант отдыхал на сиденье. Не на дорогу глядел, а в горячее бесцветное небо. Говорил рулившему сменщику:

— Мы с ней в соседних домах живем. Сколько себя помню, и ее столько же помню. Сначала не замечал почти. Ну, девчонка, ну, соседка, ничего особенного! То в школе столкнемся, то во дворе, то в магазине. Не здоровались. Однажды вокруг школы сажали деревья. Выпало мне с ней дерево нести, рябинку. Она за веточки несет, я — за корень. Поднесли к яме. Я дерюжку с корней развернул, окунул вниз. Она за стволик держится. Я лопатой — землицу. Посадил, взглянул на нее и ахнул! Красивая! За рябинку держится, на меня смотрит. «Дерево,— говорит,— мы с тобой посадили. Теперь у нас есть наше дерево». И с тех пор я ее полюбил. Не разлучались ни днем, ни вечером. Как в армию мне идти, говорит: «Давай поженимся! Хочу быть тебе женой! Может, тебя в Афганистан пошлют. Хочу от тебя ребенка! Вдруг ты погибнешь, хочу, чтоб ребенок остался!» А я говорю: «Подожди. Вернусь — поженимся. А погибну — зачем тебе вдовой оставаться? У тебя вся жизнь впереди!» А она как заплачет: «Никакой другой жизни! Только с тобой!» Перед тем как мне уходить, пошли мы к нашей рябине. А на ней уже красные ягодки, синица свищет. «Это к счастью!— говорит.— Это к счастью!» И в письмах мне приветы шлет от друзей, от родных и обязательно от нашей рябинки. Вот, смотри, ее фотография!

Он достал конверт. Вынул из него фотографию. Показал соседу. Девушка стояла у деревца, держалась за тонкий ствол.

— Красивая,— сказал солдат.

— Это точно,— согласился сержант.— А у тебя есть?

— Нет пока,— сказал солдат, крутя баранку.

— Значит, будет... Пить хочешь?

— Хочу!

Сержант вынул фляжку. Протянул товарищу. Тот пил, придерживая руль. Струйка воды пролилась с его губ по острому подбородку, перетянутому ремешком каски, скользнула под бронежилет. Потом пил сержант кисловатую теплую воду, ухватив губами горлышко фляги.

«КамАЗы» миновали долину и вновь углубились в горы. Одолевали долгий, упорный тягун. Машины, груженные топливом, дрожали, давили дорогу, двигались вверх длинным дымным хвостом. Втягивались в расщелину гор.

Два БТР стояли у обочины. Солдаты в касках смотрели из люков. Молча следили за проходящей колонной. Открылась гора с белой мучнистой вершиной. И там, на горе, тоже виднелись солдаты. Тускло блеснул металл, окуляры бинокля.

— Идем к Каркале, к перевалу,— сказал сержант, провожая глазами наплывавшую белую гору, встречая соседнюю, красную. За опущенным боковым стеклом потянулась ржавая осыпь, дохнуло перегретым камнем.— Давай меняться. Теперь я поведу.

— Думаешь, не справлюсь?— сказал солдат.— Не доверяешь?

— Да что ты, конечно, справишься! Куда тебе деться! В следующий раз без меня поведешь и справишься. А сейчас давай я баранку возьму.

Они на ходу поменялись местами, осторожные, цепкие, передавая друг другу руль. «Наливник» чуть дрогнул, когда одна ступня сменила на педали другую.

Сержант устроился за баранкой, надел каску. Солдат, угадав его жест, передал ему автомат, и тот положил оружие рядом.

— Обиделся?— спросил сержант.— Обиделся, что руль отнял?

— Да нет.

— Не обижайся. Лучше расскажи что-нибудь.

— А что?

— Да что хочешь! Хочешь, письмо почитай. Письмо с собой есть из дома?

— Есть.

— Ну вот и почитай!

Солдат расстегнул бронежилет. Залез под зеленый, обтянутый тканью панцирь. Извлек конверт. Достал письмо. Посмотрел на сержанта — не шутит ли? Нужно ли читать письмо? Сержант кивнул:

— Давай!

И солдат, раскрыв листочек бумаги, по которому мелькали тени близких откосов, стал читать:

«Здравствуй, Сенечка, родненький наш сынок! Прими приветы и добрые слова от своих родителей, от сестры Веры, от дяди Николая, от крестного Анатолия Кузьмича и от друга своего Сергея Портного, которого я вчера на улице встретила, и он велел тебе привет передать. Ну как ты там, сыночек мой, живешь и служишь? Как же я без тебя скучаю, все мне сны снятся, все места себе не найду. То рубашку твою постираю, то постель твою застелю и сижу, сижу, вспоминаю. Не зябнешь ли ты? Я Вере наказала тебе свитер связать и купила шерсть у тетки Анюты по дешевой цене. А Вера тебе вчера начала свитер вязать, скоро вышлем. Ты себя береги, сыночек, теплей одевайся! Еще я тебе хочу написать, что кошка наша Мурка окотилась, сразу шесть. Отец хотел утопить, а я и Вера сказали, что не надо, пускай живут. Сенечка наш очень котят любит. И теперь Мурка на твою кровать всех котят перетаскала, у нее там гнездо...»

Внезапно резкий стальной удар хлестнул о дверцу. Сержант, вжав голову в плечи, рванул автомат. Тут же опустил, выпрямляясь:

— Это камень!.. Свалился и цокнул!.. Ну точно как пуля!.. К перевалу подходим!.. Каркала началась!.. Ну, ты давай дальше читай!..

Крутил баранку, наблюдая дрожание стрелок. Жестко сощурив глаза, смотрел на откосы.

Впереди, за стеклом «КамАЗа», надвигалась гора, покатая, с меловым откосом. Будто на ней, на вершине, рассыпали куль муки и белые подтеки и осыпи достигали подножия.

Солдат с выражением читал письмо. И сержант за рулем, въезжая в тень горы, ободрял, кивал головой, будто каждое слово в письме было и ему адресовано, доставляло и ему удовольствие.

«А еще тебе, сыночек, хочу написать, что отец вчера начал делать клетку в сарае. Потому что мы решили нынче летом держать кроликов, травы у нас много, прямо у дороги коси, а помнишь, как мы с тобой вместе косили...»

Выстрелы прозвучали с белой горы, длинно, плотно. Взлохматили пыль на обочине. Чиркнули во многих местах по бетону. Многократно, гулко ударили в цистерны и кузов. Стеганули по колесам и дверце. Сержант ох-

нул, отпустил руль, схватил себя за бронежилет, за бедро и стал сползать с сиденья.

— Достали!.. «Духи»!.. В меня!..

Солдат, продолжая держать письмо, видел, как приближается, белеет гора. Машина, потеряв управление, медленно двигалась, сворачивая, съезжая к обочине. Корчился и стонал, хватался за пах побледневший сержант. В дверце светились две круглые пробоины. В зеркале виднелся второй, догонявший их «наливник». А гора продолжала стрелять. Попадания отзывались металлическим лязгом. И остро, едко пахнуло хлеставшим из пробоин горючим. Задуло узкое пламя. Липкий огонь закапал на бетон.

— Руль бери!— хрипел сержант, подбородком колотясь о баранку.— Руль бери!— извивался, насаженный на невидимое, раздиравшее его острие. И солдат, обомлев, роняя исписанный лист, не понимая, понукаемый стоном и хрипом сержанта, перенял руль. Выворачивая машину с обочины, вывел ее опять на шоссе. Криво изгибая прицеп, вернул ее на бетонку. Мотор заглох. «КамАЗ» запрудил трассу, медленно оседая на пробитых скатах. Колонна надвинулась, спрессовалась, застыла с ревом у подножия горы, а с вершины грохотало и било. И в ответ от застывших машин понеслись к вершине редкие автоматные трассы. Все чаще, гуще, и где-то сзади застучал крупнокалиберный пулемет БТР.

— Движок пускай!.. Не могу!.. Больно!.. Движок пускай!..— Сержант оседал все глубже под руль. Солдат хватал его за плечи, тянул на себя, освобождая педали.

Вытащил тяжелое, стонущее тело сержанта. Выкарабкался из-под него. Ошалело, не понимая, увидел свою красную пятерню. Увидел черную хлюпающую штанину сержанта. Сел неловко за руль, чувствуя лицом белую бьющую гору. Путаясь в бессильных ступнях сержанта, отбрасывая их с педалей, нащупал сцепление. Повернул ключ зажигания и услышал, как задрожал, заработал мотор.

Этот мощный металлический звук, пройдя сквозь его потрясенную душу, вернул ей целостность; сквозь страх, ожидание пули и боли в нем начала действовать прямая, нацеленная вперед, на дорогу сила.

— Пойдем! Сейчас двинем! Погоди, сейчас двинем!— говорил он умолкнувшему сержанту.— Сейчас пойдем, погоди!..

Гора стреляла. В ответ стреляла колонна. Стучали пулеметы транспортеров. Солдат выворачивал руль, слыша близкое воющее дыхание огня. Видел в зеркале две красные прозрачные струи, опадающие из дырявой цистерны. И там, куда они падали, трескуче наливался шар света. Ему на рукав брызнула жгучая капля. Он вел «КамАЗ» в гору, освобождая дорогу. Грузовик, сминая пустые баллоны, на одних ободах двигался, неся на цистернах покрывало огня.

Фотография девушки, обнимающей ствол рябины. Недочитанное, растоптанное подошвой письмо. Скрюченный на сиденье сержант, шевелящий бессловесно губами. Ревущий над кабиной шар пламени. Солдат вцепился в баранку, устремился вперед маленьким остроносым лицом. Вел грузовик, повторяя: «Пройдем, кони-саночки!.. Врешь, пройдем, кони-саночки!»

Длинный прицеп съехал в кювет, колотился на рытвинах. «КамАЗ» со спущенными колесами хватал плиты бетона, надрывался, сипел, волочил горящую массу прицепа, не мог ее вытянуть на бетон. Меловая гора посылала вниз плотные залпы и очереди. Колонна, запрудившая трассу, огрызалась ответной стрельбой.

— Врешь, пройдем, кони-саночки!— хрипел солдат, толкая вверх, в гору, упиравшуюся машину, чувствуя сзади, сквозь красный ком света, нетерпеливое ожидание колонны, рвущейся прочь из-под стреляющей белой горы.

Пуля ударила в ветровое стекло, оставила лучистую скважину. Другая угодила в зеркало, превратила его в молниеносную вспышку. Горящий шлейф мотался, лизал кабину. Солдат почувствовал, как острым мазком обожгло его локоть. Спина в бронежилете, стальная каска накалялись от жара. Горбясь, он сидел за баранкой, давил педали, охваченный дымом и пламенем. Хрипел, бормотал.

Содранные, прорезанные ободами покрышки зацепились за бетонные плиты. Выволокли на дорогу прицеп. И «КамАЗ», превращенный в гору огня, сотрясаясь, волоча за собой вал дыма, прошел мимо белого склона, выше, дальше, из-под пуль, открывая дорогу. Ушел на подъем к соседней подошве, свернул на обочину, встал. Обессиленный, словно израсходовал на это движение все отпущенные ему ресурсы. Осел на край откоса, брызгая в разные стороны фонтанами горящего топлива.

Солдат, дымясь, сбивая с себя крылья огня, выскочил, обежал кабину. Открыл дверцу и выволок тяжелое, вислое тело сержанта. Шмякнули его ботинки о плиты. Поволок его от «КамАЗа», от кипящего, бурлящего топлива за кювет, за сыпучий откос. Задыхаясь, уложил лицом вверх и снова метнулся к огню. Выхватил из накаленной кабины автоматы.

БТР, развернув назад башню, посылая к горе длинные стучащие очереди, вынесся вверх и встал, заслоняя своим ребристым бортом двух лежащих в кювете водителей.

Капитан выскочил из люка, подбежал, хромая, оглядел их мгновенно крутящимися в орбитах глазами.

— Молодцы, парни, так сработали!

Экипаж БТР в несколько рук быстро и бережно внес их в машину. Крутился, грохотал над головой пулемет. Сыпались гильзы, пахло порохом. Мимо мерно, мощно, сотрясая бетон, проходила колонна. «КамАЗы» в шлейфах черной копоти протаскивали длинные прицепы с цистернами. Транспортеры охранения, блокировав гору, колесили по склону, сводя на вершине рубящие, стригущие трассы. Истребляли засаду.

Подошла платформа с зениткой. Расчет, наклонив стволы, в упор расстрелял горящие на «КамАЗе» цистерны, освободив их от кипящего топлива, разливая по откосу плоское плывущее пламя. Подоспевший танк отвернул на сторону пушку, двумя тупыми ударами подтолкнул грузовик к откосу. Двинул, и «КамАЗ», волоча за собой дымящий прицеп, рухнул по склону, сминаясь, перекручиваясь, оставляя на камнях горящие лоскутья металла. Ахнул на дно, расшвыривая копотный взрыв.

БТР догнал колонну, пристроился в хвост. Капитан по рации связался с другой, нагонявшей их по трассе колонной. Вызвал вертолеты.

Сержант, перевязанный, с желто-красным пятном на бинтах, чуть слышно постанывал. Солдат, закопченный, пил из фляжки теплую воду. Стучал по металлу зубами. Бесслезно, беззвучно рыдал.

...Веретенов, прилетевший в штаб, двигался среди скопления техники, шумных, потных людей. Присаживался на ящики боеприпасов, на железную штангу, на горячую сталь. Раскрывал альбом. Беглыми, быстрыми штрихами рисовал. Торопился уловить ускользающий моментальный образ — лица, машины, ландшафт. Двигались транспортеры по трассе, сворачивали на грунт, взметая до солнца пыль. Расчеты самоходных гаубиц снимали с установок брезент. Артиллеристы толкали миномет, вдавливали в землю станину.

Веретенов устроился на колкой теплой земле, держа на коленях альбом. Рисовал солдат, склонившихся над баком. Они чистили картошку...

Солдаты поначалу смущались его, но потом привыкли, забыли о нем. Брали грязную картошку из ящика, срезали с нее завиток, кидали очищенный клубень в бак...

...Веретенов закончил рисунок, беглый, полунамек, как и все предыдущие на начальных страницах альбомов. Они были первыми пробами. Первым усилием понять. В таких усилиях, в моментальных, незавершенных попытках улавливалось драгоценное знание, нащупывалась формула жизни. Той, что таилась в жарком тумане города, в дымящей колонне машин, в загорелых солдатских лицах. Это знание обнаружится позже, в Москве, когда станет писать картину. В ней эти крохи, эти выхваченные моментальные пробы сольются в образ. Из множества лиц возникнет одно лицо; так из многих уроков возникнет непреложное знание. Формула мира.

ВЕЩИЕ СТРУНЫ «БОЯНА»

Что может быть задорней и веселей нашей «Барыни»? Кто, когда и где ее сочинил? В какую светлую минуту? Немудрена песня, а ведь живет-здравствует не годы — столетия. Потому что без фальши она, без обмана, словно вся разом выплеснулась из сердца.

На сцене — лауреат премии Ленинского комсомола русский народный оркестр «Боян». В нем — многое от истории, не зря назван он именем легендарного поэта и сказителя Древней Руси.

Оркестр «Боян» существует без малого два десятилетия. По человеческим меркам — это пора молодости, начало. По критериям творческим — зрелость.

За эти годы немало достигнуто — оркестр удостоен высших званий и наград всесоюзных и международных конкурсов и фестивалей. А в 1968 году, когда «Боян» только-только начинал свою творческую биографию, его выступления встречались в штыки многими музыковедами и своими же собратьями-музыкантами. Ведь Анатолий Полетаев — художественный руководитель и главный дирижер оркестра, известный к тому времени как замечательный баянист-виртуоз, задумал неслыханную «крамолу»: ввести в народный оркестр непривычные инструменты — гобой, флейты, трубы, литавры.

Эксперимент — это всегда риск, но только тогда оправданный, когда ставит высшие цели.

— Главное для нас не балалайка,— говорит Анатолий Полетаев,— не редкие инструменты. Программный вопрос был: что играть? В нашем репертуаре есть множество классических произведений, на исполнение которых народным оркестром прежде был наложен негласный запрет. Конечно, далеко не все по силам «Бояну», да мы и не конкуренты симфоническому оркестру. Но вот произведения, национальные по духу, особенно наших великих композиторов: Глинки, Чайковского, Мусоргского, Рахманинова, могут и должны звучать в исполнении народного оркестра. При этом ни художественные, ни эстетические достоинства их не обедняются, напротив, музыка наполняется особой значимостью, раскрывается в своей неожиданной красе.

С оркестром часто выступают известные певцы, народные артисты Советского Союза Александр Ведерников, Дмитрий Гнатюк, Борис Штоколов и молодые исполнители.

Есть у коллектива награда, особо дорогая всем артистам,— Почетная грамота Президиума Центрального Совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. А предыстория такова: несколько лет назад Росконцерт предложил оркестру под репетиционный зал здание бывшей церкви XVII века. Надо сказать, что причислить к памятникам архитектуры обветшалое, полуразрушенное строение было тогда довольно трудно. Проще было отказаться от церквушки-развалюхи, просить удобное и более приспособленное для работы помещение. Но не в характере Анатолия Полетаева и его соратников было искать обходные пути. После концертов, в свои выходные дни балалаечники, рожечники и гусляры становились каменщиками, штукатурами, плотниками. И старая церковь отблагодарила своих спасителей-музыкантов великолепной акустикой. Теперь памятная охранная доска на старинном здании установлена по праву.

Л. ЧЕРКАШИНА

Дирижирует народный артист РСФСР Анатолий Полетаев.

Фото И. Тункеля

фельетон

НАСТОЙКА ИЗ ОДУВАНЧИКОВ

Мимо нас, отбивая на рельсах чечетку, спешат крикливые электрички, соседский динамик сообщает о последних новостях дня, а в кабинетах нас атакуют бесцеремонные телефонные звонки. Иными словами, все мы, хотим того или нет, каждодневно слушаем деловую симфонию жизни.

Правда, случается, что вносят в эту мелодию некоторый разлад кое-какие посторонние шумы. Звуки эти, конечно, хилы, но диссонанс дают. «Дзинь, дзинь»,— слышим мы иногда в глухой подворотне. Подворотня у железнодорожного тупика станции Муром не явилась в этом плане исключением. В ней-то и притаились как-то четверо. Зафутболив в кусты опустошенную бутылку, четверка задумчиво дожевывала малосольный огурец.

— Хор-рошо...— резюмировали А. Хрунков с А. Малухиным.

— Хорошо, да мало,— уточнили А. Забельников с В. Бариновым.

Други пошарили по карманам. Поиск ничего не дал, и они озабоченно осмотрелись окрест. Неподалеку лежала большая стопка шпал, и они, проявив к ней недюжинный интерес, совещательно зашептались. Через минуту вызрел план, согласно которому они подогнали к шпалам «КрАЗ». А когда часть шпал оказалась в кузове, то машина, миновав шоссе, выехала на горбатую проселочную дорогу, ведущую к деревне Иваньково.

Иваньковские псы подозрительно повели мордами, а кое-кто из селян с любопытством подошел к нежданным гостям.

— Если вы, граждане, шпалами интересуетесь,— рекламно начал первый гость,— так это последний завоз. Больше не будет. В соседствующем с вами селе Лазареве не хватило — туда везем.

— Как-никак дефицит! — уважительно поднял палец второй.

— Первый сорт! — вставил третий.

— Да и в хозяйстве вдруг пригодится. А два рубля не деньги,— уточнил цену четвертый.

Иваньковцы, которые ранее не испытывали в железнодорожных шпалах острой нужды, озадаченно чесали затылки. С одной стороны, на кой леший им это добро. С другой — «последний завоз», «дефицит». К тому же «первый сорт», да и в хозяйстве авось пригодится.

Первой ухватилась за шпалу Е. Серякова. За ней не растерялась В. Бибеева. Счастливые покупатели растаскивали купленный товар по дворам.

— Хороша-а шпала! Первый сорт! — кряхтя под тяжестью покупки, хвастливо растолковывали они встретившейся по дороге А. Бибеевой.— Больше не будет — последний завоз...

— Последний, говорите...— панически говорила А. Бибеева и торопливо засеменила к торговой точке.

Но товара хватило всем желающим. 65 шпал разошлись, как колбаса салями в канун Нового года. А торговцы, снова заглянув в тупик за шпалами, уже обхаживали селян из соседнего Лазарева.

— ...последний завоз! — выкрикивали торговцы в Лазареве, остановившись у двора В. Друженковой.— Первый сорт! В Иванькове не хватило — туда везем...

В. Друженкова также почесала затылок и, не желая отставать от соседей-иваньковцев, поволокла шпалу во двор. Когда товар кончился, лазаревцы вопросительно посмотрели на торговцев.

— Шпалы будут сей момент!..— заверили они и, пьяно икнув, умчались на авто.

Дорога непослушно завихляла под колесами «КрАЗа», а встречные легковушки испуганно выглядывали из обочин. Но до товара доехать оказалось не так-то просто — прилавок винного магазина надолго преградил дорогу. Там други и оставили всю выручку от краденых шпал. Из «КрАЗа» многоствольным орудием теперь торчали белоголовые горлышки бутылок. После очередного «залпа» недвижимым остался лежать в кабине А. Забельников. Следующий «выстрел» свалил наповал А. Малухина, за ним пали по приезде в станционный тупик А. Хрунков с В. Бариновым.

А поутру они очнулись. Но окончательно протрезвели в зале суда.

— Признаем...— до отказа опустив головы, нестройным хором отвечали они, каясь в хищении ста шпал.

— Но мы были безрассудно пьяны. И просим это учесть...

Именно это-то суд и учел, дав торговцам от 3 до 4 лет.

— Да будь мы тогда трезвыми,— сокрушались граждане, бия себя в грудь,— ну ни в жисть не позволили бы себе этакое безобразие!..

В последнем они были совершенно правы. Примерно так же, как В. Полякова, изрекшая ту же запоздалую истину на аналогичной малокомфортабельной скамейке Килийского райсуда Одесской области. Хотя, прежде чем побывать на этой скамье, она, обуреваемая страстями с похмелья и чувствуя недостаток в денсредствах, тайно посетила дом Т. Темнохуд.

Гостью окружали вещи, которые при желании можно было обернуть в дензнаки для срочных алкогольных нужд. И, набивая наволочки темнохудовским добром, пришелица, возможно, вскоре воплотила бы задуманное в жизнь, не наткнись она случайно на бутылку лекарственной спиртовой настойки из одуванчиков. Обнаруженное зелье гостья употребила исключительно за здоровье отсутствующей хозяйки, после чего уснула богатырским сном. Тут-то и вернулась с работы сама Темнохуд да принялась расталкивать захмелевшую гостью. Выпитый эликсир, притупив бдительность Поляковой, стал оказывать далеко не целебное действие.

— Сгинь, ты...—отмахнулась она, поворачиваясь на другой бок.

— Но позвольте...— растерялась Темнохуд,— в некотором роде я здесь хозяйка,— заметила она, разглядывая набитые кровным добром наволочки.

...Досыпала гостья уже в менее комфортабельном помещении.

В подобном же помещении, но уже в райцентре Калязина Калининской области погостили в свое время В. Скворцов с Ю. Барминым. Правда, предшествовали этому довольно печальные возгласы и стенания супруги Кудрявцевой.

— Ка-ра-ул! — причитала благоверная в ночи.— Мужа уби-или!..

Супруг при этом лежал на животе с отпечатком чьего-то ботинка на спине.

— Преступники оставили след...— пряча лупу в карман, глубокомысленно констатировал прибывший работник милиции Матвеев.

Но все это было позже, а чуть раньше в ожидании этой самой ночи на пустыре томились двое: особо опасный рецидивист Бармин и просто рецидивист Скворцов.

— За удачу,— слегка нервничал просто рецидивист, наполняя стаканы водкой.

— Дай бог не последняя...— вторил особо опасный.

Судя по количеству тостов, удача обещала быть знатной. И, когда долгожданная ночь спеленала Калязин, хмельные единомышленники покинули пустырь. Ступая по сонным улочкам, они пуляли мелкие камушки в позвякивающие форточки, осведомляясь о наличии хозяев дома. У Кудрявцевых стояла тишина, и, быстро договорившись с замком, рецидивисты толкнули дверь. Свет зажигать не стали и поэтому впотьмах натыкались на что попало. Это самое «что попало» и летело в мешки. Когда последние были под завязку, други двинули к выходу. Замешкавшийся просто рецидивист случайно наступил на что-то мягкое. Это «что-то» сдавленно крякнуло и утихло.

— Хозяин! — взвизгнул рецидивист и, подпрыгнув от неожиданности, бросился догонять единомышленника.

В этот-то кульминационный момент в подъезд и ступила нога Кудрявцевой. «Видать, квартиру чью-то обчистил, ирод...» — смекнула она, увидев выплывающий из подъезда мешок, и поднялась на площадку. Но тут из родной квартиры показался второй мешок. Прозревшая супруга мертвой хваткой вцепилась в нажитое, с бесстрашием львицы отбивая кровный скарб. А лев тем временем сладко почивал в благоустроенной пещере после уединенной домашней выпивки. Отступив наконец перед бесстрашием противника, жулик испуганной трусцой шакала бросился прочь. Львица, переступив порог с победой и отвоеванным мешком, повернула выключатель и над хмельным телом мужа издала тот полный трагизма вопль (см. выше).

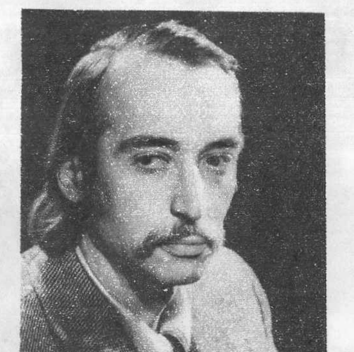
— Говорила, не пей!..— от души выпалила она и, подняв отбитый у злодея мешок, в сердцах хватанула им непротрезвевшего супруга.

Конечно, трудно сказать, насколько хорошо усвоил благоверный высказанную мораль. Но речь не совсем о нем. Здесь автор лишь охотно согласится с мнением Кудрявцевой, но вместо мешка возьмет он ручку, чтобы вернуться к двум рецидивистам, угодившим впоследствии на ту же обшарпанную скамью. Да и не только те двое интересуют его. Внимания заслуживают все те, кто, страшась, что опустеет стакан, тянется похмельными руками к чужому.

И хотя все три рассказанные истории имеют не совсем обычный сюжет, но конец каждой однообразен и скучен, как судебный приговор. Да и вряд ли он может быть иным, когда многогранный наш красочный мир неузнаваемо искажается в призме наполненного зельем граненого стакана.

М. КОРЧАГИН

Рис. Н. Чернышева, Челябинск

Александр **ИВАНОВ**

ПАРОДИИ

ХОТЬ ПЛАЧЬ

Ну, полно, не плачь над судьбою,
Не прячь неприкаянных глаз:
Заносы,
Загибы,
Запои —
Ведь это не главное в нас.

(Виктор Коротаев)

Судьбе задавая вопросы,
Ответствуйте «нет» или «да».
Загибы,
Запои,
Заносы —
Такая ли это беда?
Ведь как ни ярились враги бы,
В них творческий дух отражен.
Запои,
Заносы,
Загибы —
Несчастье безропотных жен...
В полях, в кабинетах, в забоях
Простятся нам эти грехи:
В заносах,
Загибах,
Запоях
Мы все-таки пишем стихи!

ПРОБЛЕСК ГУМАННОСТИ

А мой теперешний удел?
Скот не пасу, не жну, не сею,
Добротных пращуровых дел
Не разумею.
Зарезать борова? Боюсь.
Его мне жалко.

(Александр Гевелинг)

Завиден пращуров удел!
Не устаю об этом мыслить:
Пахали, сеяли — их дел
Не перечислить.

Пололи, жали и пасли,
Скребли, варили, воздвигали,
Сучили, мяли, волокли
И запрягали.

У них и жизнь была полна —
В трудах с рассвета до потемок.
Но изменились времена,
Я — их потомок.

Не занимаюсь я ничем,
Не строю, даже не ломаю.
Пишу стихами. А зачем —
Не понимаю.

Я пращуровых дел бегу,
К чему они — на всем готовом?..
Зарезать если и смогу,
То только словом.

И не заманишь нипочем
Меня туда, где небу жарко...
А вот читатель ни при чем.
Его мне жалко.

СОНЕТ ОБ УМЕНИИ БРАТЬ В ДОЛГ

Платить долги?
Да впереди вся жизнь.
Успеется.
Ну что за спешка, право?
. . . .
Но где ж они,
пред кем свой долг исполнить
Ты все грозился?
Те — ушли во прах,
А кто остался, уж о нем не
помнит.

(Николай Котенко)

Над этим бились лучшие умы,
Не просто бились —
мучились, страдали...
Суметь взять в долг,
да так еще, чтоб дали!..
Великое уменье — брать взаймы.
В искусстве этом — мудрость
и печаль,
Актерский дар на уровне эпохи.
Долги —
они единственно чем плохи?
Их надо отдавать.
А это жаль.
Я в этом тонком деле
из умелых:
Беру взаймы,
но лишь у престарелых.
Есть, правда, много способов
иных,
Хоть в общем-то
брать в долг — такая проза...
Взаймы брать можно и у молодых,
Но — с признаками раннего
склероза.

— Скажи: дача не наша, обе машины чужие, а хозяин исчез...
Рис. Е. Горохова

КАЛЕЙДОСКОП

Рис. В. Ненашева

Новые загадки Венеры

Неожиданные штрихи в биографии утренней звезды открыли советские ученые. Исследуя радиолокационные портреты, переданные советскими межпланетными станциями «Венера-15» и «Венера-16», они обнаружили на поверхности планеты массу гигантских ударных кратеров. Их диаметр — от восьми до ста сорока километров. Но еще больше удивились ученые, когда установили возраст многих из этих образований — 1 миллиард лет!

Ученые считают, что, несмотря на столь древнее происхождение, все эти кратеры сохранились в идеальном состоянии. Они рельефны и отлично просматриваются на снимках. Между тем на Земле не осталось ни одного такого старого кратера — за прошедшее с тех пор время они попросту разрушились. Это означает, что последний миллиард лет на Венере практически ничего не происходит. Чем это вызвано? Очевидно, на ранних этапах своего существования Венера вела намного более активный «образ жизни», чем наша Земля. Возможно, из-за близости Солнца все геологические процессы на ней происходили интенсивнее, и в результате ресурс активности оказался выработанным на миллиард лет раньше.

Из прошлого века

В новгородском крае находится большое старинное село — Пырищи. Внимание туристов, путешествующих по Новгородчине, издавна привлекала большая, необыкновенно красивая крестьянская изба, срубленная в середине прошлого века. Работой неизвестного мастера заинтересовались ученые. И вот теперь старинное жилище стало достоянием новгородского музея народного деревянного зодчества «Витославицы».

Это уникальный музей — по своим масштабам он не имеет себе равных. Длинную, поистине нескончаемую улицу составили здесь всевозможные древние сооружения из дерева, привезенные из самых разных уголков нашей страны. Церкви, часовни, избы, расписные сарайчики и другие постройки стали наглядным свидетельством поразительного искусства древних мастеров. Внутри помещений развернуты выставки предметов труда и домашнего обихода, одежды, изделий народных промыслов...

А строили ЛЭП...

Во время раскопок древних курганов на стройплощадке будущей линии электропередачи новороссийские археологи нашли гробницу. В ней — украшения, пуговицы из бронзы и кости. Но более всего удивил ученых древний стакан, покрытый слоем известковых налетов, которые, очевидно, образовались из воды, проникшей в щели перекрытия гробницы.

Стакан из желтоватого стекла украшен золоченым орнаментом. На синем пояске, сохранившемся в верхней части, четко видны буквы арабского алфавита. Надпись гласит: «Султан великий, наш благородный господин».

Подобные находки на территории СССР прежде не встречались. Да и во всех европейских музеях их можно пересчитать буквально по пальцам. Делали такие стаканы в Дамаске. А вот как один из этих стаканов оказался под Новороссийском — загадка. Археологи предполагают, что захоронение оставлено одним из адыгейских племен, которое много веков назад селилось в этих местах.

По материалам средств массовой информации
и сообщениям корреспондентов «Огонька»

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Явление культуры, полученное от предыдущих эпох. 8. Летчик, участник беспосадочного перелета через Северный полюс, Герой Советского Союза. 11. Личный состав учреждения, предприятия. 12. Элемент конструкции самолета. 13. Вид воздушного спорта. 15. Высокогорное пастбище. 17. Низкий детский голос. 19. Ученый в области самолетостроения, академик, лауреат Ленинской премии. 22. Архитектор, лауреат Ленинской премии. 23. Советский писатель, автор романа «Я люблю». 24. Балет С. Н. Василенко. 27. Ряды бревен, скрепленные для сплава. 30. Приток Дуная на севере Югославии. 32. Поэт, автор «Песни о Гайавате». 35. Участник первой пролетарской революции. 36. Повесть М. Горького. 37. Художница XIX века, иллюстратор русских народных сказок. 38. Головной убор летчиков, танкистов.

По вертикали: 1. Горная система в Европе. 2. Духовой музыкальный инструмент. 3. Условный знак для передачи сообщения, информации. 4. Горизонтальный выступ на стене. 5. Лиственная роща. 6. Подземное сооружение для движения транспорта. 9. Собрание членов выборного руководящего органа. 10. Подвижная часть крыла самолета. 13. Источники, возможности, средства для достижения определенной цели. 14. Народный художник СССР, лауреат Ленинской премии. 16. Маршал авиации, Герой Советского Союза. 18. Город в Литве. 20. Река в Брянской области. 21. Основная часть дерева. 25. Керамические литавры, распространенные в Средней Азии и Закавказье. 26. Действующее лицо трагедии Шекспира «Гамлет». 28. Древнегреческая скульптурная группа. 29. Подвижная часть руля самолета. 30. Основатель русской физиологической школы. 31. Советский баскетболист, чемпион Олимпийских игр 1972 года. 33. Сказка Х. К. Андерсена. 34. Город в Витебской области.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 32

По горизонтали: 1. Авгит. 6. Рейсфедер. 9. Строительство. 12. «Арзамас». 15. Гантель. 17. «Татра». 19. Озолин. 20. Ксения. 21. Селенга. 22. Миссия. 23. Бармин. 24. Кредо. 25. Китайка. 27. Кассета. 31. Физкультурник. 32. Ветеринар. 33. Гаусс.

По вертикали: 2. «Высота». 3. «Идеалы». 4. Белова. 5. Шексна. 7. Стратификация. 8. Светославский. 10. Орловский. 11. Планиметр. 13. Стрелка. 14. Стрепет. 15. Гангток. 16. Корма. 18. Пярну. 26. Кеклен. 28. Арриан. 29. Алиева. 30. Штрипс.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: У нас во дворе. Фотоэтюд Э. ЭТТИНГЕРА. (См. в номере материал «Понять и полюбить подростка...»)

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Пхеньян. Площадь Ким Ир Сена. Дворец народной учебы * Семья * Ким Чу Вор из института художественной вышивки * Знаменитый цирковой фокусник Ким Чер. (См. в номере материал «Алмазные горы, нарисованные шелком».)

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

Главный редактор — В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора), Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 212-15-39; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 28.07.86. Подписано к печати 12.08.86. А 00711. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 525 000 экз. Изд. № 2106. Заказ № 3119.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865. ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

скоро в «огоньке»

ДИПЛОМ «006»

Лишь пять человек в нашей стране имели звание заслуженного изобретателя СССР. Недавно это почетное звание получил шестой — инженер-конструктор Андрей Никифорович Филиппов. На оборотной стороне врученного ему знака выбиты цифры — 006.

— Очень люблю книгу «Не хлебом единым» Владимира Дудинцева,— рассказывает изобретатель.— Так же, как и герой этой повести Дмитрий Лопаткин, всю жизнь борюсь за свои изобретения. Полной мерой хватил все трудности, какие только могут выпасть на долю человека, идущего напролом, не задумываясь о сиюминутной околонаучной конъюнктуре. Был изгнан из института теми, кому мешал «спокойно заниматься серьезными» делами. Числился тунеядцем — жили на зарплату моей терпеливой и все понимающей жены...

В одном из ближайших номеров журнала вы встретитесь с изобретателем.

Ваше мнение?

«Нужны ли на страницах «Огонька» остросюжетные приключенческие повести? Если да, то каких авторов вы хотели бы видеть в нашем журнале?» С таким вопросом редакция совсем недавно обратилась к читателям (№ 29).

В ответ пришло несколько сот писем. Большинство ответили однозначно: да, нужны!

Вот строки из полученных писем.

Роман «Последний - на Арлингтонском кладбище» вызвал целую сенсацию среди близких и знакомых. Мою подшивку буквально зачитал весь двор, и все загорелись желанием подписаться на «Огонек».

В. ГОРЯБИНА

Пенза

Именно надежда прочесть интересный детектив побуждает нашу семью в течение многих лет выписывать «Огонек». Очень хотелось бы увидеть в журнале произведения Ж. Сименона, Л. Карелина, Рекса Стаута, Макдональда.

Семья ШАБАНОВЫХ

Ухта

В киосках «Союзпечати» залеживаются именно те номера, в которых нет интересных остросюжетных произведений.

Д. ВЕРЕВКИН,
ваш постоянный читатель

Ленинград

До сих пор вспоминаем роман Л. Овалова «Медная пуговица». Вот это был подарок.

Е. ПРИЙМЕНКО

Ставрополь

Вместо остросюжетных произведений целесообразнее публиковать очерки о хапугах, спекулянтах, мошенниках, очерки на семейные темы. Думается, что такими публикациями мы скорее воспитаем общество в духе высокой морали, очистим его от всяческой скверны.

Л. ЗВИНКО

Кировоград

Произведения Ю. Семенова «Пересечения», Т. Гладкова и А. Сергеева «Последняя акция Лоренца», О. Шмелева «Три черепахи», «Ошибка резидента», «Возвращение резидента» имеют, на мой взгляд, большое воспитательное значение не только для молодежи, но и для людей более старшего поколения.

М. ПОРТНОВ

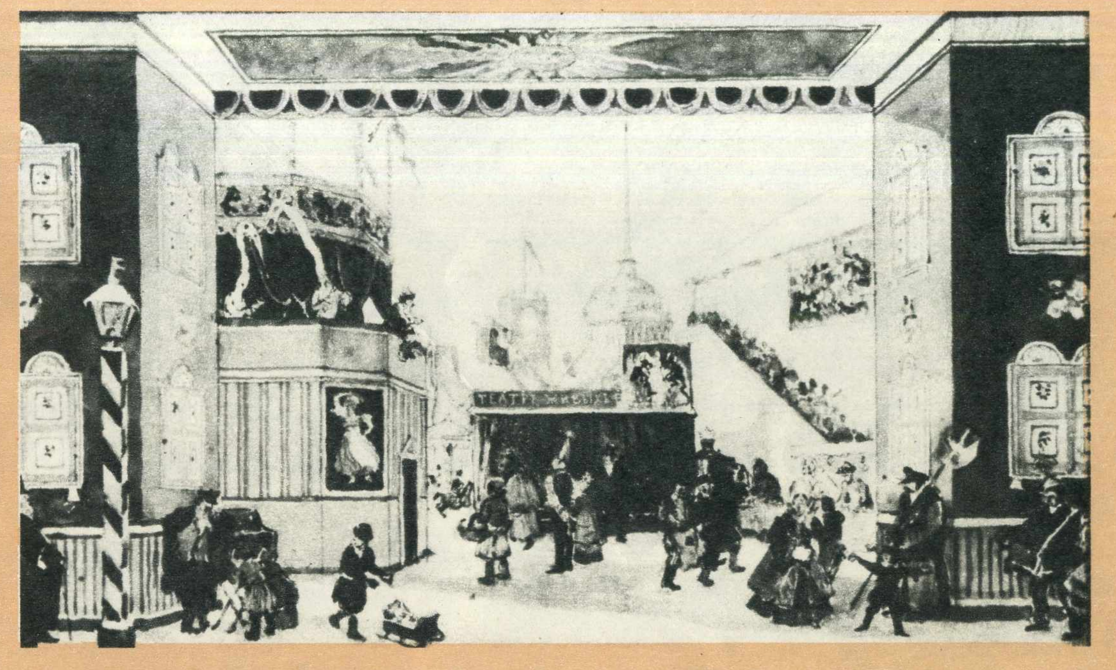
Гомель

Дорогая редакция, прочь сомнения, печатайте Адамова, братьев Вайнеров, Кристи, Сименона. Перед публикацией каждого нового куска помещайте краткое содержание предыдущих глав.

В. ВАСИЛЬЕВ

Москва

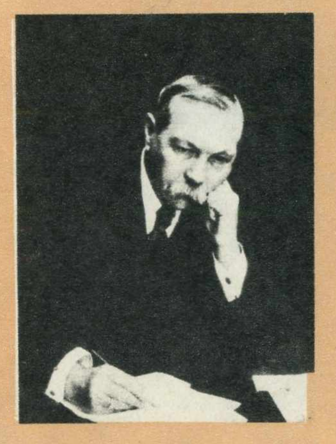
Редакция благодарит всех приславших ответы на наши вопросы. В основном ваше мнение единодушно — публиковать. Отдел прозы журнала завершает подготовку к печати остросюжетных произведений Л. Карелина, Е. Парнова, О. Шмелева и других. Начнем мы эти публикации в нынешнем году.

ШЕДЕВРЫ ТЕАТРАЛЬНОЙ ЖИВОПИСИ

Эскизы знаменитых художников Бакста к «Шехерезаде» и Бенуа к всемирно известному балету «Петрушка», костюмы для спектаклей, созданные такими непохожими Врубелем и Сомовым, сценография всегда неожиданного Шагала — об этих и многих других замечательных художниках рассказывает доктор искусствоведения И. С. Зильберштейн в своей новой статье, посвященной лучшей зарубежной коллекции русского театрально-декорационного искусства начала XX века.

Статья и цветная вкладка с произведениями русских художников из частного собрания Н. Лобанова-Ростовского будут скоро опубликованы.

ЗНАМЕНИТОМУ СЫЩИКУ — 100 ЛЕТ

Вот уже сто лет не ослабевает интерес читателей к Шерлоку Холмсу, впервые появившемуся на страницах повести Конан Дойла «Этюд в багровых тонах» в 1887 году. С тех пор этот литературный герой стал так популярен, что его воспринимают как живого человека. Холмсу ставят памятники, открывают музеи, до сих пор пишут письма с просьбами о помощи.

Нами подготовлен к печати рассказ Конан Дойла «Дама под вуалью», который до этого не переводился на русский язык.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

